

ISSN 2500-347X

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2021 **3** (844)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

3

выпуск 844

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

SOCIAL SCIENCES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

3

Issue 844

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор политических наук профессор В. К. Белозёров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В., доктор политических наук, профессор
Велес Ривера Ф., доктор социологических наук, профессор
Гайденко П. И., доктор исторических наук, доцент
Джунушалиева Г. Д., доктор исторических наук, доцент
Касюк А. Я., доктор исторических наук, профессор
Киселёв С. Г., доктор философских наук, профессор
Колесников А. А., доктор исторических наук, профессор
Косторниченко В. Н., доктор экономических наук, доцент
Лапинс В., доктор политических наук, профессор
Лапшов В. А., доктор социологических наук, профессор
Образцов И. В., доктор социологических наук, профессор
Петров А. Ю., доктор исторических наук
Примаков В. Л., доктор социологических наук, профессор
Пророкович Д., доктор политических наук, профессор
Саблуков А. В., доктор социологических наук, доцент
Сидорова Г. М., доктор политических наук, доцент
Харичкин И. К., доктор философских наук, профессор
Пунышева М. В., ответственный секретарь

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

СИРИЯ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К МИРУ <i>Вавилов А. И.</i>	9
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ <i>Васильева М. М.</i>	32
РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ ФОНДОВ ФРГ В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ <i>Кирилина Е. Ю.</i>	43
ИНСТРУМЕНТАРИЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» США В ТУРЦИИ <i>Колесников А. А., Золотова В. Э.</i>	57
ПОТЕНЦИАЛ ИСПАНОФОНИИ НА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ <i>Пупышева М. В.</i>	72
ПРОБЛЕМА СЕПАРАТИЗМА И РАДИКАЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАН ПАТТАНИ В ЮЖНОМ ТАИЛАНДЕ <i>Файншмидт Р. И.</i>	84
ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА <i>Цыбаков Д. Л.</i>	98

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. <i>Каширина Т. В., Якиревич А. И.</i>	112
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ <i>Подольский В. А.</i>	126

ДРЕВНЕЙШИЙ КОМПЛЕКС МЕСТНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ (обстоятельства создания и состав) <i>Пономарева И. Г.</i>	140
ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНЫ И ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «РАЗВЕДЧИК» С ПОЗИЦИЙ ВОЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ <i>Романов Н. Н., Трифонова В. В.</i>	156
ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ВО ФРАНЦИИ: ПРИЧИНЫ КРИЗИСА <i>Сафонова Н. В.</i>	169

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЯ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>Веремчук В. И., Крутилин Д. С.</i>	185
СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КЕНИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ <i>Мусеве О. Х., Миняжев Т. Р.</i>	199
КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ОСВЕЩЕНИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ СМИ РЕГИОНА <i>Пакшина И. А., Маскаева Е. Н.</i>	214
УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ИМИДЖ ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ <i>Передня Д. Г.</i>	230
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ И ПУБЛИЧНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ ПРИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ МВД РОССИИ <i>Синчук Ю. В., Лащёнов М. С.</i>	242
ЖИЗНЕННЫЙ МИР УЧЕНОГО ШОДИХОНА ЮСУФБЕКОВА. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА БИОГРАФИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ <i>Хушкадамова Х. О.</i>	252

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

SYRIA ON A DIFFICULT ROAD TO PEACE <i>Vavilov A. I.</i>	9
RUSSIA'S ENERGY POLICY: CURRENT CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS <i>Vassilyeva M. M.</i>	32
THE ROLE OF PARTY FUNDS OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY IN THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE FOREIGN POLICY OF MODERN GERMANY <i>Kirilina E. Yu.</i>	43
THE U.S. «SOFT POWER» INSTRUMENTS IN TURKEY <i>Kolesnikov A. A., Zolotova V. E.</i>	57
POTENTIAL OF HISPANOPHONY IN THE LATIN-AMERICAN DIMENSION OF CONTEMPORARY SPANISH FOREIGN POLICY <i>Pupysheva M. V.</i>	72
THE PROBLEM OF SEPARATISM AND RADICALIZATION OF PATTANI MUSLIMS IN SOUTHERN THAILAND <i>Fainshmidt R. I.</i>	84
THE FACTOR OF POLITICAL COMMUNICATIONS IN THE PROCESS OF MILITARIZATION OF THE POST-SOVIET SPACE <i>Tsybakov D. L.</i>	98

HISTORICAL SCIENCES

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF AMERICAN-MEXICAN RELATIONS IN THE MIDDLE OF XIX – EARLY XXI CENTURY <i>Kashirina T. V., Yakirevich A. I.</i>	112
SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN EMPIRE <i>Podolskiy V. A.</i>	126

THE EARLIEST BODY OF MESTNICHESTVO DOCUMENTS (circumstances of creation and contents) <i>Ponomareva I. G.</i>	140
PROBLEMS OF DISCIPLINE AND MILITARY INSTRUCTION IN THE «RAZVEDCHIK» JOURNAL FROM THE POSITION OF MILITARY ANTHROPOLOGY <i>Romanov N. N., Trifonova V. V.</i>	156
EVOLUTION OF THE INTEGRATION POLICY IN FRANCE: TO THE REASONS OF CRISIS <i>Safonova N. V.</i>	169

SOCIOLOGICAL SCIENCES

SOCIOLOGY OF MILITARY ADMINISTRATION: HISTORY AND MODERNITY <i>Veremchuk V. I., Krutilin D. S.</i>	185
SOCIAL PROTECTION OF OLDER PERSONS IN KENYA: FINDINGS FROM SOCIOLOGICAL AND EXPERT STUDIES <i>Museve A. K., Minyazhev T. R.</i>	199
COMMUNICATION PRACTICES OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC COVERAGE IN TRADITIONAL AND NEW MEDIA OF THE REGION <i>Pakshina I. A., Maskaeva E. N.</i>	214
MANAGEMENT CULTURE OF THE INTERNAL AFFAIRS AS A FACTOR INFLUENCING THE IMAGE OF THIS ORGANIZATION <i>Perednya D. G.</i>	230
IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF INFORMATION OPENNESS AND PUBLICITY OF PUBLIC COUNCILS AT THE MAINTENANCE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA <i>Sinchuk Yu. V., Laschenov M. S.</i>	242
THE LIFE WORLD OF THE SCIENTIST-SPECIALIST IN RARE LANGUAGES SHODIKHON YUSUFBEKOV. EXPERIENCE IN SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF BIOGRAPHICAL DOCUMENTS <i>Khushkadamova Kh. O.</i>	252

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_9

СИРИЯ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К МИРУ

А. И. Вавилов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
maryandre@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается современная ситуация в Сирийской Арабской Республике, пережившей десять лет изнурительной и кровопролитной войны с терроризмом, анализируется конструктивная и реалистичная политика Российской Федерации и ее ведущая роль в разрешении этого самого продолжительного в XXI веке конфликта, определяются причины, затрудняющие его политическое урегулирование.

Ключевые слова: последовательная линия России в антитеррористической борьбе, стремление США и их партнеров закрепиться в САР и навязать сирийцам свои рецепты дальнейшего развития

Для цитирования: Вавилов А. И. Сирия – трудный путь к миру // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 9–30. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_9

Original article

SYRIA ON A DIFFICULT ROAD TO PEACE

A. I. Vavilov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, maryandre@yandex.ru

Abstract. The article examines the current situation in the Syrian Arab Republic, which has endured ten years of grueling and bloody war on terrorism, analyzes the constructive and realistic policy of the Russian Federation and its leading role in resolving this longest conflict in the 21st century, and identifies the reasons for its political settlement.

Key words: Russia's consistent line in the anti-terrorist struggle, the desire of the United States and its partners to gain a foothold in the SAR and impose their recipes for further development on the Syrians

For citation: Vavilov, A. I. (2021). Syria on a difficult road to peace. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 9–30. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_9

Вот уже второй десяток лет одна из древнейших стран Ближнего Востока, сыгравшая видную роль в развитии региональной и мировой цивилизации, в становлении современной системы межгосударственных отношений в регионе – Сирийская Арабская Республика страдает от кровопролитного и изнурительного конфликта. Затяжной конфликт в Сирии не только серьезно дисбалансирует региональную обстановку и соотношение сил, но и породил угрозу для всеобщего мира и безопасности.

Итоги российского участия в разрешении конфликта

В статье в газете «Красная звезда» в октябре 2020 г., посвященной итогам российского участия в борьбе с терроризмом в Сирии, С. К. Шойгу подвел итоги минувшего пятилетия: более 133 тыс. террористов и 865 их главарей были ликвидированы, в том числе 4,5 тыс. боевиков из РФ и стран СНГ, ударами авиации и крылатыми ракетами уничтожены 133 542 использовавшихся экстремистами объекта, в том числе 400 заводов по незаконной переработке нефти и 4 100 топливозаправщиков. При российской поддержке сирийские военные смогли освободить от террористов более 1000 населенных пунктов.

«Международная террористическая организация “Исламского государства” в Сирии, – подытожил министр, – перестала существовать, ни один террорист не проник в Россию <...>. Более того, можно со всей уверенностью говорить о том, что всему международному террористическому подполью нанесен существенный урон, нарушена финансовая “подпитка” организаций и система их ресурсного обеспечения <...>. Порой в идущих по сей день обсуждениях возникает вопрос: а правильно ли Россия сделала, взявшись за выполнение той непростой задачи? Но всякий раз можно доказательно утверждать: миссия была в Сирии

необходимой, а решение о начале военной операции было верным, если не единственно возможным» (*Красная звезда*. 30.09.20).

По оценке министра, она позволила сохранить сирийскую государственность, разгромить ИГ, предотвратить распространение терроризма в другие страны (*Красная звезда*. 30.09.20).

В интервью телеканалу «Звезда» президент САР Б. Асад заявил, что «хорошая техническая оснащенность и профессионализм российской армии четко проявились во время борьбы с терроризмом в Сирии». Позднее он дал развернутую оценку сотрудничеству с ВС РФ:

«Спустя пять лет сотрудничества сирийской и российской армий в жестокой войне, я думаю, что героизм становится коллективным актом. Это не что-то индивидуальное, это не только несколько конкретных случаев героизма, о которых вы помните. Например, если вспоминать о военных пилотах, воздушных силах, то российские летчики продолжали совершать вылеты против террористов ежедневно, рискуя своими жизнями, а несколько самолетов были сбиты террористами. Если говорить о других офицерах, то они до сих пор поддерживают сирийскую армию не в тылу, а на передовой, а некоторые из них погибли как мученики. Так что однажды я расскажу своим внукам не только о героизме, но и об общих ценностях наших армий, которые сделали нас братьями в ходе войны. Благородные ценности, верность своему делу, защита мирного населения, защита невинных» [Виноградова, 2020].

«Свершения» сколоченной американцами «антитеррористической коалиции», несмотря на хвастливые заявления официальных лиц США, не шли ни в какое сравнение с такими выдающимися геостратегическими достижениями и были восприняты на Западе с досадой и завистью.

«Российская военная интервенция, – вынужденно объективно подводила итоги австрийская «Die Presse», – спасла сирийского президента от поражения в войне, изменила баланс сил в регионе и ознаменовала собой возвращение России на Ближний Восток. Через пять лет после начала интервенции ясно, что без России решение сирийского конфликта невозможно» (*Die Presse*. 30.09.20).

Подрывная политика США и их партнеров

На успехи российской политики и дипломатии США, явно страдавшие «санкционной зависимостью», ответили прежними уже давно

не оправдывавшими себя нелегитимными рестрикциями, направленными на удушение «кровового режима Б. Асада», распространяя их на всё новых сирийских физических и юридических лиц. Европейцы, по образному выражению В. В. Путина, «подхрюкивая американцам», послушно следовали в фарватере политики Вашингтона.

Одновременно на фоне неоднократных фальшивых заверений Д. Трампа об «уходе из Сирии» американские подразделения сооружали на территории суверенной страны всё новые и новые военные объекты. Во второй половине января 2021 г., по сообщению сирийского государственного телеканала Syria TV, США перебросили 200 военнослужащих из Ирака в провинцию Хасеке [РИА Новости, 2021]. В обратном направлении ежедневно следовали колонны бензовозов с ворованной у сирийцев нефтью.

К тому времени гуманитарные проблемы в Сирии приобретали всё большую остроту и служили серьезным препятствием на пути урегулирования терзавшего ее изнурительного конфликта. По данным ООН, число сирийских беженцев достигло к октябрю 2020 г. более 6,5 млн человек. Кроме того, около 7 млн человек стали внутренне перемещенными лицами (*Asharq Al-Awsat*. 23.10.20). Большинство из этих вынужденных скитальцев могли бы участвовать в восстановлении своей родины.

Шаги к решению насущных проблем

Несмотря на саботаж и злобные комментарии США и их партнеров, 11–12 ноября 2020 г. в Дамаске при активном российском участии (самая многочисленная делегация из представителей более 40 министерств и ведомств) прошла международная конференция по возвращению беженцев, в которой участвовали представители 27 стран. Она дала новый импульс восстановлению мирной жизни в стране, измученной долголетней войной.

Отрицательная реакция США, поддержанная ЕС, на приглашения принять участие в конференции под фальшивым предлогом «небезопасности возвращения беженцев» продемонстрировала их истинный, далеко не гуманный подход к насущным нуждам сирийского народа.

В приветствии участникам конференции глава российской дипломатии отметил, что отказ от участия в этом гуманитарном форуме

«известного круга стран во главе с США» был ничем не оправдан и указал на их попытки помешать проведению мероприятия [Лавров, 2020].

«Я, – заявил в своем видеоприветствии участникам конференции Б. Асад, – обращаюсь со словами благодарности к российским друзьям за те огромные усилия, которые они приложили для созыва этой важной конференции перед лицом попыток Запада сорвать проведение форума». «Сегодня мы продолжаем настойчиво работать ради возвращения каждого беженца, желающего вернуться и участвовать в восстановлении родины» (ТАСС. 11.11.20).

Во второй день конференции ее участники посетили места размещения беженцев, доставив им гуманитарную помощь, которая с российской стороны превысила 76 т (ТАСС. 11.11.20).

На полях конференции российские и сирийские представители подписали восемь меморандумов о сотрудничестве в сфере энергетики (до 40 объектов), образования и таможенного союза. До конференции между РФ и САР уже было заключено девять соглашений по возрождению сирийской экономики. По мнению Посла РФ в САР А. В. Ефимова, крупные инвестиционные проекты, осуществлявшиеся в Сирии российскими компаниями, как, например, реконструкция гражданской части порта Тартус, модернизация завода по производству минеральных удобрений в Хомсе, восстановление ряда нефтегазовых месторождений и перерабатывающих предприятий представляли собой точки роста для сирийской экономики, причем на годы вперед (РИА Новости. 11.11.20). На восстановление Сирии и, в частности, электросетей и промышленного производства, Россия выделила более 1 млрд долл. США и приняла решение открыть в Дамаске своё торгпредство (ТАСС. 11.11.20). В конце ноября в сирийской столице прошла очередная (седьмая) гуманитарная акция под названием «Городу Дамаску – с любовью из России» (ТАСС. 27.11.20).

Отрицательная реакция Запада

Ключевая инициативная роль России в сирийском урегулировании не давала покоя американским политикам. В госдепе поспешили уничижительно назвать Дамасскую конференцию «очередным трюком режима» (РИА Новости. 14.11.20).

«Критические комментарии американских представителей, – отметила официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова, – мы рассматриваем как идущие в русле проводимого Вашингтоном курса на блокирование процесса возвращения сирийских беженцев на родину. Мы сожалеем, что в Госдепартаменте продолжают деструктивную политику игры на публику вокруг прошедшего в столице Сирии международного форума по тематике беженцев» [Захарова, 2020а].

Урегулированию «застарелого» конфликта и восстановлению разрушенной страны по-прежнему мешали израильские удары. По данным ООН, с июня по октябрь 2020 г. израильские ВВС и дроны, прежде всего, вторгались в небо Ливана, как в свою вотчину, более 12 раз за сутки, проводя в нем ежедневно в общей сложности до 62 часов. В конце 2020 г. израильтяне сообщили о запуске более 500 ракет для нанесения в течение этого года ударов по 50 целям в Сирии, чтобы «предотвратить закрепление Ирана в Сирии» (*Asharq Al-Awsat*. 10.01.21). В 2021г. налеты продолжались с прежней интенсивностью.

«Что касается авиационных ударов Израиля по территории Сирии, – заявила М. В. Захарова, – какими бы причинами они ни были мотивированы, то мы никогда не скрывали своего отрицательного отношения к подобным действиям, акцентируя необходимость уважения суверенитета, территориальной целостности и независимости Сирийской Арабской Республики. Все эти ключевые принципы отражены в резолюциях СБ ООН, принятых по Сирии в последние годы. Трудно отрицать, что подобные действия привносят дополнительную дестабилизацию в сложную региональную обстановку» [Захарова, 2020b].

Западники продолжали прежнюю подрывную линию на всемерное потакание антиправительственным силам, в том числе и псевдогуманитарным организациям, таким как пресловутые «белые каски».

«Слепая поддержка любых сил и лиц, которые были направлены против официального Дамаска, к сожалению, прочно вошла в привычку западных стран. Она, конечно, препятствует скорейшему политическому урегулированию в Сирии. Это вызывает глубокое сожаление», – отметила в этой связи М. В. Захарова [Захарова, 2020с].

Не смолкали и лицемерные призывы Запада к России прекратить антитеррористические акции в занятых боевиками районах, установить с ними режим прекращения огня.

Отвечая на такие клеветнические заявления, М. В. Захарова в своем комментарии напомнила, что «именно благодаря решающей роли России по международному терроризму в САР был нанесен сокрушительный удар» и заверила, что «борьба с террористами на сирийской земле будет продолжена вплоть до их окончательной ликвидации». Она настойчиво призвала «международных и региональных партнеров укреплять конструктивную коллективную работу по Сирии в соответствии с Резолюцией 2254 СБ ООН, а не саботировать эту работу, прикрываясь необоснованными обвинениями и пустыми политическими «заклинаниями» [Захарова, 2020d].

Под покровительством Запада и его региональных партнеров террористы не отказывались от своих прежних повадок, продолжая террористические выходы, от которых страдало, в основном, мирное население.

В ответ на их атаки сирийские войска при российской поддержке с воздуха наносили массированные удары по позициям незаконных вооруженных формирований.

Тем временем западники в ООН, Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и других международных организациях «крутили заезженную пластинку» о мифическом «применении Дамаском химоружия». В ходе открытого заседания СБ ООН в середине декабря 2020 г. гендиректор ОЗХО Ф. Арис не смог ответить ни на один вопрос по этой теме, заданный российским Постпредом В. А. Небензей.

«Это, – обоснованно спрогнозировал Д. А. Полянский, – еще более негативно скажется на уровне доверия к ОЗХО. После такого скандала никто больше не поверит в сказки западных стран о происходящем в Сирии» (*Красная звезда*. 14.12.20).

Такие конфузы лишь подтверждали, что созданная первоначально как техническая структура, эта организация стараниями западных стран превращалась в подручное средство для проталкивания антироссийских и антисирийских геополитических идей.

Из-за сохранявшейся двуличной политики Запада и его региональных партнеров до режима всеобщего прекращения огня в Сирии, предписанного Резолюцией 2254, по оценке спецпредставителя генсека ООН по Сирии Г. Педерсена, было «всё еще далеко» (*Интерфакс*. 16.12.20).

Несмотря на возводимые врагами Сирии надуманные препятствия, процесс поисков политического урегулирования ее острейших проблем продолжался. В Женеве 30 ноября – 4 декабря 2020 г. прошла четвертая встреча редакционной группы из 45 представителей сирийского правительства, оппозиции и гражданского общества, образованной в январе 2018 г. по решению Конгресса сирийского национального диалога в Сочи. Представители сирийского руководства вынесли на обсуждение свои конструктивные конституционные предложения, предусматривавшие непримиримую борьбу с терроризмом и сепаратизмом, защиту суверенитета и территориальной целостности страны, избавление ее от иностранной оккупации, возвращение с помощью мирового сообщества беженцев и залечивание ран, нанесенных войной.

К тому времени, по данным сирийского Центра политических исследований, конфликт обошелся САР в сумму около 530 млрд долл. США, он разрушил 40% инфраструктуры, вверг в нищету 86% ее 22-миллионного населения и унес жизни почти 400 тыс. человек. В числе беженцев и внутренне перемещенных лиц оказалось 13 млн человек. 2,4 млн детей не посещали школу, более 3 млн сирийцев не имели надлежащих условий, чтобы пережить зимний период. В начале 2021 г. тревогу забила Всемирная продовольственная программа ООН, объявив о беспрецедентном росте числа сирийцев, остро нуждавшихся в основных продуктах питания: если в мае минувшего года их насчитывалось 9,3 млн человек, то к февралю 2021 г. этот показатель подскочил до 12,4 млн и составил 60% населения страны. В начале этого года цены на продовольствие в 33 раза превышали их средний уровень за пять предвоенных лет. Ситуация серьезно осложнялась острым финансовым кризисом в соседнем Ливане и коронавирусными ограничениями (*Asharq Al-Awsat*. 05.01.21).

Критическое положение в стране не побудило оппозицию к диалогу, реалистичные правительственные предложения вызвали лишь негативную реакцию. Ее представители толковали о создании в Сирии некой абстрактной «плюралистической и демократической республики». Обсуждение всех выдвинутых предложений было решено перенести на конец января 2021 г.

Обструкционизм оппозиционеров, как всегда, находил поддержку Запада, продолжавшего курс на удушение «режима Б. Асада» петлями разнообразных санкций. Неправомерные американские

и западноевропейские рестрикции тяжело сказывались на жизни простых сирийцев: в начале января 2021 г. Министерство нефти САР из-за вызванных ими задержек с поставками топлива бессрочно сократило на 24 % снабжение населения бензином и на 17 % дизельным топливом, использовавшимся в зимний период для отопления жилых помещений (*Asharq Al-Awsat. 10.01.21*).

Тяготы простых сирийцев вызывали у россиян искреннее сочувствие. В рамках гуманитарной помощи Россия поставила в Сирию 100 тыс тонн пшеницы, и такие поставки планировалось продолжить. Темпы оказания помощи с ноября 2020 г. по январь 2021 г. возросли в шесть раз. Особое внимание уделялось восстановлению гражданской инфраструктуры – медицинских учреждений, школ, объектов электроснабжения и подачи воды. К концу января 2021 г. с российской помощью открыли двери более 30 школ (*Красная звезда. 29.01.21*).

Реакция западных стран на поиски политического урегулирования сирийского конфликта была прямо противоположной. После назначения Ф. Микдада на пост главы МИД САР Евросоюз поспешил распространить на него свои противоправные санкции под лицемерным абстрактным предлогом «серьезности положения в Сирии» (*РИА Новости. 15.01.21*).

Сохранявшиеся двуличие и лицемерие в подходах США, их западных и региональных партнеров к разрешению сирийского конфликта приводило к стагнации политического процесса. Итоги прошедшей в конце января 2020 г. в Женеве пятой встречи конституционной комиссии, по оценке Г. Педерсена, оказались «разочаровывающими»: 45 её членов не смогли договориться о начале работы над текстом будущего Основного закона САР и даже о дате нового ее заседания. После долгих проволочек она смогла собраться лишь в октябре 2021 г., но результатов опять достичь не удалось.

Администрация Д. Байдена не отказалась от противоправных попыток своих предшественников закрепить под фальшивым предлогом «борьбы с терроризмом» на суверенной территории сирийского государства. Обосновавшись в Белом доме, новый президент заявил о возвращении к «тесному сотрудничеству» с сепаратистами, «нарастил» американский воинский контингент в нефтеносных районах САР до 900 человек и поставил задачу к имевшимся девяти военным базам добавить еще несколько «опорных пунктов».

Ответ России

Россия со своей стороны последовательно продолжала неизменный курс на искоренение терроризма на сирийской земле. Во второй половине февраля 2021 г. с помощью российских беспилотников сирийские войска обнаружили в пустынной местности на востоке провинции Хомс крупный схрон вооружений натовского производства, использовавшихся ИГ. При его уничтожении боевики, охранявшие этот важный военный объект, были ликвидированы. Тогда же в ответ на вылазки террористов ударами российских ВКС в сирийской пустыне аль-Бадиа только за один день 19 февраля были уничтожены более 20 боевиков (*Asharq Al-Awsat*. 20.02.21).

Не прекращалась отработка оперативного взаимодействия сирийских и российских военных на земле, в воздухе и на море. В начале марта 2021 г. в акватории Средиземноморья прошли их очередные учения. Совместные силы авиации и военно-морского флота успешно отработали схемы патрулирования и разведки, а российские военные летчики поделились с сирийскими коллегами опытом сопровождения кораблей (*Россия I*. 03.03.21).

В середине апреля 2021 г. российские военные полицейские и военнослужащие сирийской армии провели первую совместную тренировку на полигоне Шкайфат в провинции Латакия, где отработали упражнения в стрельбе для участия в Армейских международных играх – 2021 (*РИА Новости*. 14.04.21).

Одновременно продолжалась работа по облегчению положения мирных граждан, две трети которых, по данным ООН, из-за подрывных действий террористов, нелегитимных санкций и пандемии остро нуждались в гуманитарной помощи, а 90 % оказались на грани нищеты (*Asharq Al-Awsat*. 04.03.21).

Еще бóльшие потери страна за годы войны понесла в «человеческом капитале»: если города и предприятия с годами отстраивались заново, то для регенерации «человеческого капитала» требовались десятилетия.

Во второй половине февраля по инициативе сирийских властей и при активном содействии российского Центра по примирению враждующих сторон (ЦПВС) были открыты три дополнительных пропускных пункта для беспрепятственного перемещения жителей

через границы Идлиба. Одновременно в сирийские провинции поступала российская гуманитарная и медицинская помощь.

На таком фоне действия новой американской администрации мало чем отличались от предыдущей. По примеру своего предшественника Дж. Байден в ночь с 25 на 26 февраля 2021 г. под надуманным предлогом «возмездия за обстрелы позиций американцев и коалиции в Ираке» лично отдал первый в своем новом статусе военный приказ, по которому ВВС США нанесли ракетные удары по позициям проиранских формирований в провинции Дейр аз-Зор близ границы с Ираком. «Нельзя действовать безнаказанно, – угрожающе прокомментировал он, обращаясь к Ирану, своё решение, – нужно быть осторожнее» (*РИА Новости*. 27.02.21).

Формальное уведомление об ударах, по словам С. В. Лаврова, было получено российскими военными всего «за четыре или пять минут» до обстрела, что с точки зрения деконфликтинга «ничего не давало». В Пентагоне сочли, что этого времени «было достаточно». Зато «ближайший союзник» – Израиль был предупрежден о готовившихся ударах по шиитским позициям заблаговременно (*ТВ «Звезда» РИА Новости*. 26.02.21).

«Решительно осуждаем, – заявила М. В. Захарова, – подобные действия, призываем к безусловному уважению суверенитета и территориальной целостности САР. Подтверждаем неприятие любых попыток превращения сирийской территории в арену для сведения геополитических счетов» [Захарова, 2021].

Тогда же, по сообщению сирийского агентства САНА, американцы перебросили со своей базы в Хасеке в Дейр аз-Зор десять игиловцев. Задержанные «умеренные оппозиционеры», обученные и экипированные американскими коалиционерами, рассказали следователям о поставленных перед ними их покровителями задачах, главными из которых была разведка и слежение за передислокацией сирийских и российских войск, а также привлечение местных жителей к совершению терактов. Они также поведали о систематическом разворовывании американцами и их союзниками по коалиции средств НАТО, выделявшихся на финансирование контртеррористических операций в Сирии (*ТАСС*. 11.03.21).

Не прекращались попытки Запада уже при администрации Дж. Байдена свести счеты с «режимом Асада» через международные

организации, такие как ОЗХО, бездоказательно обвиняя Дамаск в «увеличении от независимых расследований», укрывательстве запасов химоружия и утаивании случаев его применения. Новый постпред США в ООН Л. Томас-Гринфилд в начале марта 2021 г. подстрекающе призвала СБ ООН обеспечить «серьезные последствия» для властей Сирии за якобы имевшее место применение химического оружия, не представив при этом, как повелось, никаких доказательств таким беспочвенным обвинениям (*РИА Новости. 04.03.21*).

Одновременно на Западе и в американском конгрессе, в частности, продолжали лить «крокодиловы слезы» по «арестам и пыткам тысяч сирийцев в застенках режима», требуя его строгого наказания без предъявления каких-либо фактов или свидетельств.

В середине марта 2021 г. главы дипломатических ведомств США, Франции, Германии, Италии и Великобритании в связи с десятилетием начала сирийского конфликта выступили с совместным заявлением, полностью игнорировавшим суверенные права сирийского народа, предсказав провал предстоявших в САР президентских выборов.

«Предлагаемые в этом году президентские выборы в Сирии, – предреклось в документе, – не будут ни свободными, ни справедливыми, они не должны привести к какой-либо международной нормализации отношений с сирийским режимом» (*Asharq Al-Awsat. 14.03.21*).

«Этот коллективный демарш, – отметила М. В. Захарова, – наглядно свидетельствует о том, что Запад не готов принять реальность в том виде, в котором она сложилась к настоящему времени в Сирии. И по-прежнему надеется развернуть ситуацию в свою пользу, да еще и наказать «виновных» (*Интерфакс. 16.03.21*).

В таких непростых условиях Россия шла своим последовательным курсом на продвижение политического урегулирования в Сирии. Одновременно российские специалисты продолжали оказывать содействие сирийским коллегам в разминировании: к апрелю 2021 г. общая площадь очищенных с их помощью территорий превысила 6,5 тыс. га и более 17 тыс. различных объектов, было уничтожено 105 тыс взрывоопасных предметов (*РИА Новости. 24.03.21; Красная звезда. 12.04.21*).

Если Россия в десятую годовщину начала сирийского конфликта призвала мировое сообщество к активным поискам его политического

разрешения и оказанию содействия народу САР в восстановлении своей страны, то сенатский комитет по международным отношениям конгресса США не нашел ничего лучшего, как отметить её принятием резолюции, возлагавшей ответственность за «военные преступления и преступления против человечности» на ненавистный «режим Б. Асада» и его «покровителей» – Россию и Иран, которые должны были быть наказаны применением опять же санкций (*ТАСС; РИА Новости 25.03.21*).

Разглагольствуя о «военных преступлениях режима Б. Асада», правящие и деловые круги США не забывали о своих корыстных интересах, не останавливаясь перед дальнейшим беззастенчивым разграблением природных и материальных ресурсов обескровленной десятилетней войной страны. Общая сумма прямых и косвенных потерь Сирии в нефтяном секторе из-за действий США, по данным министра нефти и минеральных ресурсов САР Б. Туоме, к середине марта 2021 г. перевалила за 92 млрд долл. США. Такая грабительская политика поощряла рост активности бандформирований на неподконтрольных сирийским властям территориях (*Asharq Al-Awsat. 25.03.21*).

Широкие возможности для разграбления и геостратегическая привлекательность САР побуждали американских стратегов и политиков продлевать незаконное присутствие вооруженных формирований США на сирийской территории под мифическим предлогом продолжения «борьбы с терроризмом».

Такая политика выглядела особенно циничной на фоне углублявшегося социально-экономического бедствия в САР, вызванного всё теми же беззастенчивыми действиями Запада. «На фоне пандемии коронавируса и беспрецедентного ужесточения незаконных односторонних санкций, – отметил замминистра иностранных дел РФ С. В. Вершинин, – выступая на пятой Международной донорской конференции ООН и ЕС по САР в конце марта 2021 г., на которую пригласить представителей законных властей и не подумали, – Сирия сталкивается, по словам ооновских коллег, с самым масштабным гуманитарным кризисом. Свыше 13,5 млн сирийцев нуждаются в срочной гуманитарной помощи, что на 20 % больше, чем за прошлый год». По его словам, представители профильных международных организаций «призывают не только и не столько нарастить базовые гуманитарные поставки, так называемые food baskets (продовольственные

корзины), но и обеспечить нуждающихся средствами к существованию, что предполагает реализацию проектов раннего восстановления, ремонт и строительство объектов гражданской инфраструктуры». Однако, продолжил он, все эти призывы «упорно игнорируются в угоду политизированным установкам на отказ от гуманитарного восстановления и дискриминацию правительственных территорий, удушение санкциями с требованиями политических преобразований в Сирии». «В этой связи призываем всех задуматься: к чему приведёт социально-экономический коллапс в Сирии? Какими необратимыми последствиями он чреват? На карте Ближневосточного региона рискует появиться очередная “чёрная дыра” по примеру Йемена и Ливии, а Запад, прежде всего европейские страны, захлестнёт очередная масштабная волна беженцев». «Со своей стороны, – указал российский дипломат, – неизменно выступаем за политическое решение сирийского кризиса путём продвижения политического процесса, ведомого и осуществляемого самими сирийцами при поддержке ООН, как это предусмотрено Резолюцией ООН 2254» (*Красная звезда. 02.04.21*).

Лицемерные причитания «радетелей демократии и свободы» на конференции обусловили ее скромные результаты: вместо запрошенных ООН 10 млрд долл. США на 2021 г. на ней удалось получить обещания помощи сирийцам лишь на 4,4 млрд в 2021 г. и на 2 млрд в 2022 г. и последующие годы (*Le Monde. 31.03.21*).

Тем временем обстановка в Сирии оставалась напряжённой: засевшие в Идлибе террористы продолжали обстрел мирных городов и селений. В подкрепление экстремистам американцы, по сообщению сирийского информагентства САНА, перебросили 60 игиловцев со своей военной базы, где они проходили подготовку, в провинцию Дейр аз-Зор. Тогда же уже отставной спецпредставитель США по Сирии Дж. Джеффри, оправдывая такие подрывные действия, во всеуслышание заявил, что экстремисты из «Джабгат ан-нусра» представляли «важный американский актив» в сирийских делах и являлись «меньшим из зол в Идлибе».

К ударам противников Дамаска добавлялись не прекращавшиеся израильские налеты в рамках «теневой войны» против иранского присутствия. Всего к тому времени с начала 2021 г. израильцы нанесли по сирийской территории 29 смертоносных ударов, унесших 76 человеческих жизней (*ТАСС. 14.04.21; РИА. 29.04.21*).

В отличие от США и их партнеров, Россия стремилась не к разрушению, а к возрождению Сирии. В начале второй декады апреля 2021 г. российские специалисты приступили к восстановлению жемчужины богатейшего исторического наследия страны – Триумфальной арки Древней Пальмиры, на 60% разрушенной и разграбленной террористическими варварами.

Такие работы проводились в сложной боевой обстановке не прекращавшихся вылазок боевиков. В середине апреля на заложенной ими близ города на mine подорвался грузовик, перевозивший местных крестьян, двое из которых погибли и 14, в том числе женщины и дети, получили ранения.

В столь взрывоопасных условиях продолжалась борьба с террористическими «недобитками»: во второй декаде апреля стало известно о применении российскими подразделениями для ударов по ним нескольких десятков дронов – «камикадзе» «Ланцет-3», прозванных за свою эффективность и безотказность «летающими Калашниковыми». В третьей декаде апреля 2021 г., по сообщению Минобороны РФ, ударами российских ВКС к северо-востоку от Пальмиры были уничтожены до 200 боевиков, их тренировочная база, а также 25 пикапов с крупнокалиберными пулеметами, полтонны боеприпасов и компонентов для самодельных бомб (*Россия I. 12.04.21*).

Борьба с террористами совместными усилиями сирийских и российских войск продолжалась и в дальнейшем: за две недели после 23 апреля было ликвидировано 338 экстремистов, 44 боевика задержаны, захвачено 6 автомобилей, 38 единиц оружия, разрушено 45 схронов.

Позитивные сдвиги происходили и в сфере налаживания отношений Сирии с арабскими соседями. В начале мая состоялась встреча Б. Асада с руководителем шиитского иракского ополчения «Аль-Хашд аш-шааби» Ф. аль-Файядом, доставившего в Дамаск послание иракского президента М. аль-Казыми, в ходе которой собеседники обсудили перспективы развития двусторонних отношений, а также совместную борьбу с террористами, которые, используя общую протяженную (610 км) границу, активно просачивались на территории двух государств (*Asharq Al-Awsat. 08.05.21*).

В Москве по-прежнему всецело поддерживали возвращение САР в «арабскую семью». «Убеждены, – отметил С. В. Лавров в интервью египетской газете «Аль-Ахрам» в начале второй декады апреля

2021 г., – что чем скорее такой шаг будет сделан, тем лучше. Среди прочего он способствовал бы формированию благоприятной атмосферы для достижения взаимопонимания между сирийцами по вопросам комплексного урегулирования кризиса в САР, включая его политическую составляющую» [Интервью С. В. Лаврова ... 2021].

А Дж. Байден в это время принял решение еще на один год продлить режим односторонних и нелегитимных санкций в отношении Сирии, которые били, прежде всего, по наименее защищенным слоям населения, а ими за десятилетие войны, в том числе и из-за западных санкций, стало подавляющее большинство сирийцев. В Белом доме подтвердили, что новая американская администрация не собиралась восстанавливать связи с «режимом в Дамаске», учитывая его «кровавые и жестокие преступления».

Победа Б. Асада на президентских выборах

Тем временем «кровавый режим» не прекращал усилия по стабилизации внутривнутриполитического положения в САР, которой должны были способствовать вторые за годы конфликта президентские выборы, назначенные на 26 мая 2021 г., а также объявленная президентом Б. Асадом очередная амнистия. Среди более полусотни претендентов на высший пост в республике, включая семь женщин, Народный совет выбрал, а Высший конституционный суд утвердил трех кандидатов – одного члена парламента (два срока), одного умеренного оппозиционера и Б. Асада. На выборах предусматривалось присутствие наблюдателей из «дружественных стран».

Выдвижение Б. Асадом своей кандидатуры на, последний, четвертый президентский срок заранее вызвало неприятие у непримиримой оппозиции, западных стран, их региональных партнеров и Турции, делавших акцент на то, что выборы нужно было проводить после принятия новой конституции САР.

В МИД РФ расценили прозвучавшие из некоторых западных столиц заявления о нелегитимности выборов еще до их проведения «как элемент грубого политического давления на Дамаск и очередную попытку вмешательства во внутренние дела Сирии с целью ее дестабилизации». Никто был не вправе «диктовать сирийцам, когда и при каких условиях они должны избирать главу своего государства» [Об итогах ... 2021].

В состоявшемся 26 апреля по инициативе сирийской стороны, телефонном разговоре Б. Асада с В. В. Путиным президент САР выразил благодарность за оказываемую Россией всестороннюю помощь, обсудил сотрудничество с РФ в различных областях.

«Подробно обсуждены актуальные вопросы двусторонней повестки дня, – отмечалось в сообщении пресс-службы Кремля, – прежде всего, перспективы дальнейшего развития торгово-экономических и гуманитарных связей, а также взаимодействия в борьбе с распространением коронавирусной инфекции, включая поставки российских вакцин». «При обмене мнениями об обстановке в Сирии особое внимание уделено продвижению межсирийского мирного процесса в рамках деятельности Конституционного комитета. Башар Асад проинформировал о ходе подготовки к намеченным на май президентским выборам» [Телефонный разговор ... 2021]

В ходе беседы в формате видеоконференции В. В. Путина с посетившим Россию в середине мая А. Гутеррешем при рассмотрении гуманитарной обстановки в Сирии была выражена обеспокоенность в связи с ужесточением односторонних санкционных мер в отношении законных властей САР. Стороны условились активизировать скоординированные усилия России и структур ООН по таким направлениям деятельности, как содействие возвращению беженцев и вынужденно перемещенных лиц, оказание гуманитарной помощи, восстановление экономики и социальной инфраструктуры [Встреча с Генеральным секретарем ООН, 2021].

У «гуманитариев» Запада такие конструктивные подходы отклика не находили: в конце мая 2021 г., вслед за США, ЕС в очередной раз на год продлил антисирийские санкции.

Все происки недругов Сирии, их попытки вмешаться в ее суверенные дела и подорвать внутреннюю стабильность окончились неудачей. Президентские выборы в САР, как и было объявлено, прошли 26 мая 2021 г. Для избирателей были открыты 12 тыс. участков, а также 46 участков в диппредставительствах САР за рубежом, включая посольство в Москве и генконсульство в Санкт-Петербурге. Всего в выборах приняли участие 14,2 млн сирийцев, явка составила 78,64% [Об итогах, 2021].

Активность избирателей побудила организаторов выборов на многих участках продлить голосование до полуночи. В целях мониторинга

выборов в Сирии находились наблюдатели из ряда стран, в том числе представительная российская делегация в составе членов Совета Федерации и Государственной думы а также Общественной палаты.

Как и ожидалось, Б. Асад одержал в ходе народного волеизъявления убедительную победу, набрав 95,1% голосов. Такие впечатляющие результаты сирийцы встретили с ликованием: тысячи людей ещё до их объявления собрались в центре Дамаска на площади Омейядов с флагами Сирии и портретами Асада, а в финале гуляний прогремел красочный салют. Сам президент после переизбрания еще на 7 лет заявил, что своим выбором сирийцы отправили послание врагам и разрушили их надежды (РИАН 28.05.21).

«Результаты голосования, отмечалось в поздравительной телеграмме В. В. Путина своему сирийскому коллеге, – в полной мере подтвердили Ваш высокий политический авторитет, доверие сограждан к проводимому под Вашим руководством курсу на скорейшую стабилизацию ситуации в Сирии и укрепление ее государственных институтов». Президент РФ подчеркнул, что «российская сторона намерена и впредь оказывать всемерную поддержку сирийским партнерам в борьбе с силами терроризма и экстремизма, а также в продвижении процесса политического урегулирования и постконфликтного восстановления страны» [Поздравление, 2021].

«Рассматриваем состоявшиеся выборы, – указывалось в сообщении МИД РФ для СМИ, – как суверенное дело Сирийской Арабской Республики и важный шаг на пути укрепления ее внутренней стабильности. Исходя из того, что интересам всех сирийцев отвечает обеспечение нормально функционирования государственных институтов на основе законодательства Сирии, тем более в условиях продолжающейся вооруженной борьбы с террористами <...>. Россия, в свою очередь, намерена и далее проводить твердую политику в поддержку суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности САР, а также оказывать ей всестороннее содействие в восстановлении разрушенной социально-экономической инфраструктуры и ликвидации других негативных последствий затянувшегося конфликта» [О выборах, 2021]

Энергичная вовлеченность России в события в Сирии способствовала ликвидации основных сил террористической группировки «Исламское государство» и формированию предпосылок для политического урегулирования конфликта под эгидой ООН. Развитие обстановки в этой многострадальной стране стало наглядным и убедительным

доказательством обоснованности и реалистичности позиции Москвы в бурных региональных событиях. Содействие России легитимным властям Сирии в отражении террористической угрозы имело судьбоносное значение не только для этой страны, но и для региона в целом. Совместными усилиями хребет международному террористическому интернационалу был сломлен, отведена угроза разрушения сирийской государственности и всей геополитической архитектуры Ближнего Востока.

Результативная и многопрофильная работа российского руководства и дипломатии, в частности, по налаживанию процесса политического урегулирования в САР подтвердила реалистичность и обоснованность неуклонного курса Москвы на решение всех спорных вопросов самими конфликтующими сторонами, без внешнего вмешательства и тем более диктата. Внешнее содействие в решении конфликтов должно оказываться исключительно политико-дипломатическими средствами, посредством взаимного учета законных интересов всех вовлеченных сторон, четкого следования базовым принципам международного права и требованиям Устава ООН. При этом Россия выступает за необходимость исключить ситуации, когда какая-либо страна без предъявления доказательств вешает ярлык терроризма на целые государства.

Сирийский пример подтвердил обоснованность и реалистичность политики России по привлечению к решению актуальных международных проблем заинтересованных партнеров. Эффективность астанинского формата доказана самой практикой – надежным критерием истины. По решениям астанинской «Тройки», в САР возникли зоны деэскалации, был существенно снижен уровень насилия, созданы условия для возвращения внутренне перемещенных лиц и беженцев. Исторический опыт и плодотворные результаты политики России, предпринятые с ее помощью шаги к началу политического урегулирования застарелого конфликта в Сирии самими сирийцами без внешнего вмешательства и тем более давления, неукоснительное уважение ее суверенитета и территориальной целостности являются единственно верным и надежным его решением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Виноградова Е.* Жители провинции Хама благодарят Россию за бескорыстную помощь // Красная Звезда. 2020. URL: <http://redstar.ru/zhiteli>

- provintsii-hama-blagodaryat-rossiyu-za-beskorystnuyu-pomoshh/ (дата обращения: 01.11.2021).
2. СМИ: США перебросили 200 военных из Ирака на северо-восток Сирии // РИА Новости. 2021. URL: <https://ria.ru/20210121/siriya-1593935287.html> (дата обращения: 01.11.2021).
 3. *Лавров С. В.* Приветственное слово министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в адрес участников Международной конференции по содействию возвращению сирийских беженцев и внутренне перемещенных лиц // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2020. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4420169 (дата обращения: 01.11.2021).
 4. *Захарова М. В.* Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой. Москва, 19 ноября 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2020. URL: https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4443750 (дата обращения: 01.11.2021).
 5. *Захарова М. В.* Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой. Москва, 24 декабря 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2020. URL: https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4513474 (дата обращения: 01.11.2021).
 6. *Захарова М. В.* Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой. Москва, 10 декабря 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2020. URL: https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4478713 (дата обращения: 01.11.2021).
 7. *Захарова М. В.* Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой. Москва, 16 декабря 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2020. URL: https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4488288 (дата обращения: 01.11.2021).
 8. *Захарова М. В.* Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой. Москва, 26 февраля 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2020. URL: https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4601052 (дата обращения: 01.11.2021).
 9. Интервью С. В. Лаврова египетской газете «Аль-Ахрам» (11 апреля 2021 года) // Посольство Российской Федерации в Арабской Республике Египет. 2021. URL: https://egypt.mid.ru/ru/press-centre/news/intervyu_s_v_lavrova_egipetskoj_gazete_al_akhram_11_aprelya_2021_goda/ (дата обращения: 01.11.2021).

10. Об итогах президентских выборов в Сирии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2021. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4753197 (дата обращения: 01.11.2021).
11. Телефонный разговор с Президентом Сирии Башаром Асадом // Администрация Президента России. 2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65445> (дата обращения: 01.11.2021).
12. Встреча с Генеральным секретарём ООН Антониу Гутеррешем // Администрация Президента России. 2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57819> (дата обращения: 01.11.2021).
13. Об итогах президентских выборов в Сирии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2021. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4753197 (дата обращения: 01.11.2021).
14. Поздравление Башару Асаду с победой на выборах Президента Сирии // Администрация Президента России. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/SY/events/65694> (дата обращения: 01.11.2021).
15. О выборах в Народный совет (парламент) Сирийской Арабской Республики / Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2021. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4253149 (дата обращения: 01.11.2021).

REFERENCES

1. Vinogradova, E. (2020). Residents of the province of Hama thank Russia for their selfless help. *Krasnaya Zvezda*. <http://redstar.ru/zhiteli-provintsii-hama-blagodaryat-rossiyu-za-beskorystnuyu-pomoshh/> (In Russ.).
2. Media: The United States has transferred 200 military from Iraq to the north-east of Syria (2021). *RIA Novosti*. <https://ria.ru/20210121/siriya-1593935287.html> (In Russ.).
3. Lavrov, S. V. (2020). Welcoming speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov to the participants of the International Conference on Assisting the Return of Syrian Refugees and Internally Displaced Persons. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4420169 (In Russ.).
4. Zakharova, M. V. (2020) Briefing of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of Russia M. V. Zakharova, Moscow, November 19, 2020. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQmDqBY/content/id/4443750 (In Russ.).

5. Zakharova, M. V. (2020). Briefing of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of Russia M. V. Zakharova. Moscow, December 24, 2020. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4513474 (In Russ.).
6. Zakharova, M. V. (2020). Briefing of the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs M. V. Zakharova, Moscow, December 10, 2020. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4478713 (In Russ.).
7. Zakharova, M. V. (2020) Briefing of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of Russia M.V. Zakharova, Moscow, December 16, 2020. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4488288 (In Russ.).
8. Zakharova, M. V. (2021). Briefing of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of Russia M.V. Zakharova, Moscow, February 26, 2021. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4601052 (In Russ.).
9. Sergey Lavrov's interview to the Egyptian newspaper "Al-Ahram" (2021). Embassy of the Russian Federation in the Arab Republic of Egypt. https://egypt.mid.ru/ru/press-centre/news/intervyu_s_v_lavrova_egipetskoy_gazete_al_akhram_11_aprelya_2021_goda/ (In Russ.).
10. On the results of the presidential elections in Syria (2021). Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4753197 (In Russ.).
11. Telephone conversation with President of Syria Bashar al-Assad (2021). Administration of the President of Russia. <http://kremlin.ru/events/president/news/65445> (In Russ.).
12. Meeting with UN Secretary General Antonio Guterres (2021). Administration of the President of Russia. <http://kremlin.ru/events/president/news/57819> (In Russ.).
13. On the results of the presidential elections in Syria (2021). Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4753197 (In Russ.).
14. Congratulations to Bashar al-Assad on winning the presidential elections in Syria (2021). Administration of the President of Russia. <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/SY/events/65694> (In Russ.).
15. On elections to the People's Council (Parliament) of the Syrian Arab Republic (2021). Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4253149 (In Russ.).

Информация об авторах

Вавилов А. И. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Vavilov A. I. – Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.09.2021; одобрена после рецензирования 11.10.2021; принята к публикации 28.10.2021.

The article was submitted 13.09.2021; approved after reviewing 11.10.2021; accepted for publication 28.10.2021.

Научная статья

УДК 327.8

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_32

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

М. М. Васильева

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, catmar@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется энергетическая политика России: современные вызовы и перспективы развития. Автор приходит к выводу, что мировое сообщество стоит на пороге глобальных перемен в сфере добычи и использования энергоресурсов, а это тесно связано с вопросами климата, переходом на безуглеродное топливо и внедрением энергоэффективных технологий. С одной стороны, эти меры призваны снизить выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, с другой – представляют угрозу, в частности для России, из-за преимущественного развития нефти и газодобывающих отраслей, которые играют значимую роль в формировании основы существующей инфраструктуры.

Ключевые слова: энергетическая политика, энергоресурсы, стратегия декарбонизации, мировая политика, климатическая нейтральность

Для цитирования: Васильева М. М. Энергетическая политика России: современные вызовы и перспективы развития // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 32–42. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_32

Original article

**RUSSIA'S ENERGY POLICY:
CURRENT CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

M. M. Vassilyeva

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, catmar@yandex.ru

Abstract. The article deals with the energy policy of Russia: current challenges and development prospects. The author concludes that the world community is on the verge of global changes in the production and use of energy resources, and this is closely related to climate issues, the transition to carbon-free fuels and the

introduction of energy-efficient technologies. On the one hand, these measures are designed to reduce emissions of pollutants into the atmosphere, on the other hand, pose a threat, in particular to Russia, because of the predominant development of oil and gas industries, which play a significant role in the basis of the existing infrastructure.

Key words: energy policy, energy resources, decarbonization strategy, world politics, climate neutrality

For citation: Vassilyeva, M. M. (2021). Russia's energy policy: current challenges and development prospects. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(844), 32–42. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_32

Введение

В последнее время в мире резко возросла озабоченность вопросами глобального потепления и поиском возможностей радикального сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу. При этом к 2030–2040 гг. с высокой долей вероятности наблюдается тенденция к смене ресурсно-сырьевого и технологического уклада мировой энергетики. Перед мировым сообществом встают вопросы поиска баланса между энергопотреблением, численностью населения, вопросами климатических изменений и безопасности. Переход экономически развитых стран к декарбонизации энергетики за счет активного внедрения альтернативных возобновляемых энергоресурсов с заменой традиционных технологий на энергоэффективные и выход на климатическую нейтральность ставят в сфере энергетической политики России следующие задачи: переход к новым наукоемким технологиям; замена традиционных технологий на энергоэффективные; повышение энергоэффективности своей экономики в рамках сохранения позиций на мировой арене.

Мировая политика: грядущие перемены

Принятое по итогам 21-й конференции Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 12 декабря 2015 Парижское соглашение по климату заявляет не допустить превышения глобальной среднегодовой температуры на планете к 2100 году более чем на 2 градуса Цельсия и ограничить уровень потепления общемировой температуры в рамках 1,5 градусов Цельсия,

при этом юридические обязательства выполняются каждой страной самостоятельно.

Соглашение, вступившее в силу в 2020 году (к этому году закончилось действие Киотского протокола), ставит своей целью снижение выбросов парниковых газов странами с развитой экономикой. Среди которых наиболее сильно загрязняющими атмосферу выделяют Китай, США, Индию и Россию.

В соответствии с Парижским соглашением каждая страна обязуется осуществить переход на безуглеродную экономику. Другими словами, всё топливо, сжигаемое во время эксплуатации, не должно содержать углерод (С). В то же самое время соблюдение этого соглашения требует снижения или практически свертывания добычи углеводородного топлива, такого как: нефть, уголь и газ, замена традиционных технологий металлургии на энергоэффективные.

Европейский Союз с 2023 года планирует ввести в действие механизм трансграничной углеродной корректировки (Carbon Border Adjustment Mechanism, СВАМ или углеродный налог) [Бажан, Рогинко, 2020] который позволит взимать плату за поставки энергоресурсов с высоким содержанием углерода [Медведев, 2021]. Таким образом, Россия, являясь одним из ведущих поставщиков углеродсодержащих энергоресурсов оказывается в зависимой ситуации: либо поставлять свои энергоресурсы и при этом оплачивать налог на повышенное содержание углерода, либо потери рынков сбыта и доходов бюджетной части. С одной стороны, эти меры призваны снизить выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, с другой – призвать страны-поставщиков энергоресурсов (в частности Россию) переходить на технологии с низким содержанием углерода. Вместе с тем на Россию оказывается консолидированное давление, наблюдается тенденция со стороны крупных геополитических игроков к установлению контроля за поставками углеводородного сырья, что является действенным способом усиления влияния. Кроме того, Россию на Западе обвиняют в попытках шантажа путем ограничения поставок энергоносителей, в использовании нефти и газа в качестве «политического оружия» [Белозёров, 2009].

В июне 2017 г. Соединенные Штаты, желая избежать сложностей и затрат перехода на новые технологии использования энергоресурсов, по инициативе Президента США Дональда Трампа вышли из

Парижского соглашения. Однако с приходом к власти Джо Байдена, Соединенные Штаты заявили о своем намерении реабилитировать свои позиции по соглашению с целью продвинуть свою экономику в сфере «чистой энергетики», и в апреле 2021 года по поручению Джо Байдена проводится саммит по климату с участием представителей из 40 стран¹. 26-я Конференция Рамочной конвенции ООН об изменении климата запланирована на ноябрь 2021 г. в Глазго, где ожидается принятие стратегии по сокращению выбросов парниковых газов, поскольку 25-я Конференция в Мадриде не увенчалась успехом – участники так и не смогли принять итоговое заявление². Европейская стратегия декарбонизации провозглашает «Зеленый курс» (Green Deal) и включает: перевод металлургии, самолетов и судов на водородное топливо (H), привлечение энергии солнца и ветра как возобновляемых источников энергии и выход на климатическую нейтральность уже через 30 лет к 2050 г. По словам референта по защите окружающей среды посольства Германии, Мирьям Бюденбендер, «у декарбонизации нет альтернативы, тот, кто в ней не участвует, отстанет от других. Надеяться на отказ от глобального курса на защиту климата – очень рискованная стратегия. Цена ничегонеделания может оказаться очень высокой» [Гурков, 2021]. Для России она означает сжатие экспортных рынков, где экспорт нефтепродуктов обеспечивает до 35% денежных поступлений. По данным Росстата экспорт нефти из России за 2020 год составил 238,6 млн тонн. Доходы России от рекордных объемов экспорта нефти в 2019 г. составили 122,2 млрд долл. США, а в 2020 году уже 72,36 млрд долл. США.

Одним из крупнейшим потребителем российской нефти является Китай, который также заявляет о выходе на климатическую нейтральность к 2060 г. Россия за 2020 г. поставила в КНР более 83 млн. тонн нефти. Известная британская компания BP в 2019 г. предложила варианты развития до 2040 г. Первый вариант предполагает наращивание энергопотребления (нефть, уголь, газ). Второй – развитие альтернативных источников энергии (ветер, солонце, биотопливо). Эксперты

¹ Международным саммит по климату – 2021. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnuu-sammit-po-klimatu-2021> (дата обращения: 17.04.2021).

² Международную конференцию по климату в Глазго перенесли на ноябрь 2021 года // ТАСС. 28.05.2020. URL: <https://yandex.ru/turbo/tass.ru/s/obschestvo/8594201> (дата обращения: 17.04.2021).

ВР также отмечают политические меры по сокращению выбросов углерода на 45 %, что отвечает закрепленным в Парижском соглашении целям [Никифоров, 2019]. А после 2040 г. отмечается полный переход на безуглеродное топливо и декарбонизация энергетики за счет активного внедрения альтернативных (возобновляемых) энергоресурсов, системы накопления энергии и замкнутых циклов производства.

В докладе ООН от 2019 г. приводятся данные о том, что численность населения планеты к 2050 г. составит 9,7 млрд человек, к 2100 г. этот показатель составит 11 млрд человек¹. Несмотря на совершенствование технологий, расширение знаний и более строгую природоохранную политику, многие потоки ресурсов и загрязнений уже вышли за пределы устойчивости. Вместе с тем ООН представляет также данные индекса человеческого развития, когда уровень благосостояния 80 % населения планеты в размере потребления 1 000 ГДж на человека будет достигнут к 2040 г., если народонаселение планеты сократится на треть. При этом энергозатратность возрастет до 65 % в противовес прогнозируемым 20–35 %, что, в свою очередь, даст резкий скачок выбросам углерода [Медоуз, Рандерс, 2007].

В сложившихся условиях Россия, в рамках теории Н. Кондратьева о цикличности в экономике [Кондратьев, Яковец, Абалкин, 2002], находится в четвертом технологическом укладе, который предполагает развитие энергетики на основе нефти и нефтепродуктов, газа, широкого распространения компьютеров) с элементами пятого (освоение космоса, нано-, био-, интернет-технологий, внедрение стандартов качества). России предстоит догнать развитые страны, частично пропустив пятый уклад [Авербух, 2010]. Так, Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г. подчеркивает «укрепление и сохранение позиций», при этом в изменяющихся современных условиях необходим «ускоренный переход» (рывок) к энергоэффективным технологиям, а именно: нужно произвести дополнение углеродной энергетики неуглеродной, расширить применение сжиженного природного газа и преобладание экспорта российских технологий над экспортом энергоресурсов².

¹ ООН. Народонаселение. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population> (дата обращения: 17.04.2021).

² Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74148810> (дата обращения: 17.04.2021).

Вместе с тем перед Россией сейчас стоит задача – преодолеть переход к шестому укладу (развитие искусственного интеллекта, космические технологии, применение водорода в качестве «чистой энергетики», возобновляемые источники энергии). Однако страны с высоким уровнем технологий за это же самое время будут осваивать седьмой и восьмой уклады. Для сравнения США в рамках этой теории уже сейчас развивают уровень шестого уклада, который составляет более 10% экономики.

Российским компаниям, занимающимся экспортом на европейские рынки, предстоит сложная перестройка технологических мощностей. Так, в 2020 г. Германия и Россия приняли национальные водородные стратегии. В Москве планируется открытие водородного бюро при посольстве ФРГ, которое будет поддерживать и координировать проекты в этой сфере. В рамках этих отношений, российский «Газпром» и немецкий «Wintershal Dea» в рамках программы научно-технического сотрудничества планируют производить водород из метана при помощи пиролиза и возобновляемых источников энергии. При этом германская сторона рассматривает возможности получения чистого водорода из воды с применением электролиза. Таким образом, метан рассматривается как основа для создания «чистой энергетики». Вместе с тем, метан является парниковым газом и в разы более сильным, чем углерод. В настоящее время вклад метана составляет порядка 30–35% от выбросов углерода (метан в 70 раз более эффективен, чем углерод, но в атмосфере концентрация метана ниже в 200 раз). Посредством химических превращений, уже в самой атмосфере, метан окисляется до двуокиси углерода (CO₂) и паров воды. Таким образом, двуокись углерода и пары воды – это парниковые газы, выполняющие роль «парниковой пленки». «Пленка» пропускает полный спектр солнечного излучения – поверхность земли нагревается, а обратно это инфракрасное излучение пленка (газы) выпустить не дает.

Предполагается, что глобальное потепление, таяние ледников и деградация мерзлоты в Восточной Сибири, а также на дне Северного океана в арктической зоне вызвало дестабилизацию залежей газовых гидратов и эмиссию метана в атмосферу. Выбросы метана (или, как их называют геологи, «метановые фонтаны», или «сипы») из шельфа морей восточной Арктики начинают играть роль «спускового крючка» в глобальном изменении климатической системы.

Российский ученый из Тихоокеанского океанологического института Дальневосточного отделения РАН, занимающийся проблемами арктических исследований, И. П. Семилетов, отмечает: «Принято считать, что единственный источник паров воды в нижней стратосфере, это именно окисление метана до паров воды и двуокси углерода. И вот этот микровброс паров воды в нижнюю стратосферу за счет окисления CH_4 воздействует на эффективность проникновения проходящей солнечной радиации» [Чумаков, 2020]. Парниковый эффект за счет обратной связи в климатической системе усиливает циркуляцию в атмосфере, деятельности ветра и циклонов.

Шельф морей восточной Арктики показывает перенасыщение метаном и становится источником аномальной эмиссии (до 117 млн тонн в год). Только внутри 200-мильной арктической зоны России в Баренцевом, Печорском и Карском морях находятся месторождения супергигантов, в которых содержится 130 млрд тонн углеводородов, а также промышленные скопления золота, олова, алмазов и платиноидов. Таким образом, в рамках разработки арктических месторождений необходим постоянный экологический мониторинг, а также моделирование подводной мерзлоты, поскольку высвобождение метана представляет угрозу не только для морских обитателей, но и для разведочно-промышленной деятельности, безопасности атомных судов и нефтедобывающих платформ – может произойти колоссальная экологическая катастрофа, подобная аварии с разливом нефти в Мексиканском заливе в 2010 г., когда утечка нефти составила 5 млн баррелей [Приемская, 2019]. Возрастает активность государств, претендующих в арктическом регионе на добычу полезных ископаемых [Васильева, 2009]. Кроме того, морские пути и богатства Арктики привлекают не только соседние страны, но и страны НАТО (США, Норвегия, Дания и Великобритания), которые в 2020 г. провели показательные учения в водах Баренцева моря, а Дания вкладывает значительные финансовые средства и существенно укрепляет свое присутствие в Арктике [Павлихина, 2021]. Северный морской путь через Арктику становится также самым коротким маршрутом, удобным для транспортировки углеводородного сырья с арктических месторождений, из Европы в Америку и Азию. В России планируется увеличение нагрузки на Северный морской путь уже до 2024 г. При этом нефтегазовый комплекс России и маршруты поставок энергоресурсов являются

привлекательным объектом для нападений и диверсий, посредством чего может осуществляться политический шантаж [Белозёров, 2009].

В связи с этим в РФ запущена программа по строительству атомного ледокольного флота, а также усилено военное присутствие для защиты хозяйственной инфраструктуры (Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, военная безопасность России в Арктике, Указ Президента РФ №164 (5.03.2020 г.) в соответствии с Указом Президента РФ № 374 «О военно-административном делении Российской Федерации» (05.06.2020 г.) [Коротченко, 2020]. Анализ ситуации в сфере добычи и транспортировки углеводородного топлива показывает, что привлечение военной силы выступает действенным средством защиты национальных интересов в энергетической сфере [Белозёров, 2009]. Вместе с тем соблюдение Парижского соглашения, переход стран с развитой экономикой на безуглеродное топливо и декарбонизацию энергетики за счет активного внедрения альтернативных возобновляемых энергоресурсов, может снизить добычу и разведку месторождений углеводородного топлива (нефть, уголь, газ) с заменой традиционных технологий на энергоэффективные.

Заключение

Сегодня необходимо переосмыслить цели и задачи по добыче и использованию энергоресурсов с учетом проблем, имеющих первостепенное значение для всего мирового сообщества: важность осознания и переосмысления процессов, которые на рубеже 2030-40 гг. с высокой долей вероятности ведут к смене сформировавшегося в XX в. ресурсно-сырьевого и технологического уклада мировой энергетики. Для России эта ситуация представляет серьезную угрозу из-за преимущественного развития нефте- и газодобывающих отраслей, которые играют значимую роль в формировании доходов бюджета и основы существующей инфраструктуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Бажан А., Рогинко С.* Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС: статус, риски и возможный ответ. Аналитическая записка № 44, 2020 (№ 227) Институт Европы РАН (10.10.2020). URL: www.instituteofeurope.ru/publications/analytics (дата обращения: 09.04.2021).

2. *Медведев Ю.* И все пойдет лесом. Чем грозит России новый углеродный налог ЕС на импортную продукцию // Российская газета. Федеральный выпуск № 15(8366). 26.01.2021. URL: <https://rg.ru/2021/01/26/chem-grozit-rossii-novuj-uglerodnyj-nalog-es-na-importnuu-produkciu.html> (дата обращения: 9.04.2021).
3. *Белозёров В. К.* Военная сила и энергетическая политика России // Власть. 2009. № 1. С. 8–13.
4. *Гурков А.* В России не хотят декарбонизации ради защиты климата, но жизнь заставит // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/v-rossii-ne-hotjat-dekarbonizacii-no-zhizn-zastavit/a-56932546> (дата обращения: 17.04.2021).
5. *Никифоров О.* Британская компания BP представила сценарии развития мировой энергетики до 2040 года. BP energy outlook // Независимая Газета 14.05.2019. URL: <https://www.energovector.com/portrait-globalnoe-potreblenie-energoresurov-mojet-vyrasti-na-tret.html> (дата обращения: 17.04.2021).
6. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя: пер. с англ. М.: Академкнига, 2007.
7. *Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избранные труды. М.: Экономика, 2002.
8. *Авербух В. М.* Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // Вестник Ставропольского государственного университета. Социологические науки. 2010. Вып. 6. С. 159–166.
9. *Чумаков В.* А у нас из шельфа – газ, а у вас? // Научная Россия. 01.12.2020. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/a-u-nas-iz-shelfa-gaz-a-u-vas> (дата обращения: 17.04.2021).
10. *Приемская Е.* Взрывной эффект: российские ученые зафиксировали в Арктике мощный метановый «фонтан». 16 октября 2019 г. URL: <https://yandex.ru/turbo/iz.ru/s/931237/evgeniia-priemskaia/vzryvnoi-effekt-rossiiskie-uchenye-zafiksirovali-v-arktike-moshchnyi-metanovyi-fontan> (дата обращения: 17.04.2021).
11. *Васильева М.* Борьба за ресурсы Арктики // Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, акторы: тезисы докладов Пятого Всероссийского конгресса политологов. Москва, 20–22 ноября 2009 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. С. 82–83.
12. *Павлюхина А.* Нефть, изменившая Арктику. NEFTEGAZ.RU 2[110]2021. Освоение недр Евразии. URL: https://magazine.neftegaz.ru/upload/iblock/86d/NeftegazRU_02_2021_small.pdf (дата обращения: 17.04.2021).
13. *Коротченко И.* Защита России в Арктике – приоритетная задача Северного флота. URL: <https://oborona.ru/includes/periodics/navy/2020/0818/173829877/detail.shtml> (дата обращения: 17.04.2021).

REFERENCES

1. Bazhan, A., Roginko, S. (2020). Pogranichnyj korrektrirujushij uglerodnyj mekhanizm ES: status, riski i vozmozhnyj otvet = EU Carbon Border Adjustment Mechanism: status, risks and possible response. Institute of Europe RAS Policy Brief 44 (227). www.instituteofeurope.ru/publications/analytics. (In Russ.)
2. Medvedev, U. (2021). I vse pojdet lesom. Chem grozit Rossii novyj uglerodnyj nalog ES na importnuju produkciju = And everything will go to hell. What is the threat to Russia of the new EU carbon tax on imported products? Rossijskaja gazeta, 15(8366). 26.01.2021. <https://rg.ru/2021/01/26/chem-grozit-rossii-novyj-uglerodnyj-nalog-es-na-importnuju-produkciju.html>. (In Russ.)
3. Belozеров, V. K. (2009). Voennaja sila i energeticheskaja politika Rossii = Military strength and energy policy in Russia. *Vlast*, 1, 8–13. (In Russ.)
4. Gurkov, A. V. (2021). V Rossii ne hotat dekarbonizacii radi zashity klimata, no zhizn zastavit = Russia does not want decarbonization for the sake of climate protection, but life will force it. DW. <https://www.dw.com/ru/v-rossii-ne-hotjat-dekarbonizacii-no-zhizn-zastavit/a-56932546> (In Russ.).
5. Nikiforov, O. (2019). Britanskaja kompanija BP predstavila scenarii razvitija mirovoj energetiki do 2040 goda = British company BP has presented scenarios for the development of the world energy up to 2040. *Nezavisimaja Gazeta*. <https://www.energovektor.com/portrait-globalnoe-potreblenie-energoresursov-mojet-vyrasti-na-tret.html> (In Russ.).
6. Medouz, D., Randers, J., Medouz, D. (2007). Predely rosta. 30 let spustja = Limits to growth. The 30-year update. Moscow: Akademkniga. (In Russ.)
7. Kondratjev, N. D., Jakovets, U. V., Abalkin, L. I. (2002). Bolshije tsikly konjunktury i teorija predvidenja = Big cycles of conjuncture and the theory of foresight: selected works. Moscow: Jekonomika. (In Russ.)
8. Averbuh, V. M. (2010). Shestoj tehnologicheskij ukklad i perspektivy Rossii (kratkij obzor) = The sixth technological setup and perspectives of Russia (abstract). *Vestnik Stavropolskogo universiteta. Sotsiologicheskie nauki*, 6, 159–166. (In Russ.)
9. Chumakov, V. (2020). A u nas iz shelfa gaz, a u vas? = We have gas from the shelf, and what about you? *Nauchnaja Rossija*. <https://scientificrussia.ru/articles/a-u-nas-iz-shelfa-gaz-a-u-vas>. (In Russ.)
10. Priemskaja, E. (2019). Vzryvnoj effekt: rossijskie uchenye zafiksirovali v Arktike moshnyj metanovyj „fontan“ = Explosive effect: Russian scientists have recorded a powerful methane «fountain» in the Arctic. <https://yandex.ru/turbo/iz.ru/s/931237/evgeniia-priemskaja/vzryvnoi-effekt-rossiiskie-uchenye-zafiksirovali-v-arktike-moshchnyi-metanovyj-fontan>. (In Russ.)

11. Vassiljeva, M. M. (2009). Bor'ba za resursy Arktiki = The struggle for the resources of the Arctic. Changes in politics and politics of change: strategies, institutions and actors (pp. 82–83): the Vth Russian political science congress. Rossijskaja assoziazija politicheskoj nauki. (In Russ.)
12. Pavlihina, A. (2021). Neft, izmrvivshaja Arktiku = Oil that has permeated the Arctic. NEFTEGAZ.RU. https://magazine.nftegaz.ru/upload/iblock/86d/NeftegazRU_02_2021_small.pdf (In Russ.)
13. Korotchenko, I. (2021). Zashita Rossii v Arktike – prioritnaja zadacha Severnogo flota = Protecting Russia in the Arctic is a priority for the Northern Fleet. <https://oborona.ru/includes/periodics/navy/2020/0818/173829877/detail.shtml>. (In Russ.)

Информация об авторах

Васильева М. М. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Vassiljeva M. M. – PhD (Political Science), Associate Professor, Associate Professor of the Communication Technologies Department, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 28.04.2021; одобрена после рецензирования 28.05.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 28.04.2021; approved after reviewing 28.05.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_43

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ ФОНДОВ ФРГ В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Е. Ю. Кирилина

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, liz.kirilina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена информационно-аналитической работе партийных фондов Германии в сфере внешней политики. Дается краткая характеристика внешней политики ФРГ. Определяются функции политических партий в сфере внешней политики Германии. Приводится перечень фондов при политических партиях, дается их краткая история и характеристика. Определяются основные приоритеты деятельности того или иного фонда. На конкретных примерах раскрывается роль политических фондов в становлении и реализации внешней политики современной Германии.

Ключевые слова: информационно-аналитическое обеспечение, партийные фонды, ФРГ, внешняя политика, неправительственные институты, политические партии

Для цитирования: Кирилина Е. Ю. Роль партийных фондов ФРГ в формировании и реализации внешней политики современной Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 43–56. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_43

Original article

THE ROLE OF PARTY FUNDS OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY IN THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE FOREIGN POLICY OF MODERN GERMANY

E. Yu. Kirilina

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, liz.kirilina@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the information and analytical work of the German party funds in the field of foreign policy. A brief description of the foreign policy of Germany is given. The functions of political parties in the sphere of German foreign policy are determined. The list of funds under political parties is given, their brief

history and characteristics are provided. The main priorities of the activity of this or that fund is determined. Using specific examples, the role of political funds in the formation and implementation of the foreign policy of modern Germany is revealed.

Key words: information and analytical support, party funds, Germany, foreign policy, non-governmental institutions, political parties

For citation: Kirilina, E. Yu. (2021). The role of party funds of the Federal Republic of Germany in the formation and implementation of the foreign policy of modern Germany. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(844), 43–56. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_43

Введение

В современном мире происходят существенные изменения. Всё более становится понятным, что международному сообществу весьма сложно обеспечить стабильность и развитие. Эксперты из разных стран до сих пор не могут сойтись во мнении, является ли современная международная система однополярной или многополярной. Более того, появилось множество новых вызовов, рисков, опасностей и угроз как для отдельно взятой страны, так и для всего мира в целом в условиях глобализации. Для их выявления и преодоления необходимо владеть актуальной и достоверной информацией.

ФРГ всё более активно заявляет о себе как о важном акторе, который готов взять на себя больше ответственности в мире [Weißbuch, 2016]. Большую роль во внешней политике страны играют политические партии. Партии являются одним из политических субъектов, которые нуждаются в получении информации и аналитики для реализации внешнеполитических потребностей страны. Одним из способов ее получения является работа сети партийных фондов.

Следует отметить, что деятельность партийных фондов ФРГ в России до сих пор изучена недостаточно, при том, что партии являются центральным элементом политической системы страны. Фактически они являются субъектами, непосредственно участвующими в выработке и реализации политического курса Германии, в том числе в сфере международных отношений, безопасности и обороны [Белозёров, 2003]. Такой статус предполагает наличие специфических запросов партий на релевантную информацию и аналитику, в удовлетворении которых фонды призваны сыграть важную роль.

При написании статьи автор использовал такие методы, как исторический, сравнительный, институциональный анализ, контент-анализ.

Актуальность работы заключается в выявлении влияния партийных фондов на формирование и реализацию внешней политики Германии и возможность прогнозировать поведение и действия страны на международной арене и по отношению к Российской Федерации.

Внешняя политика Германии в современных условиях

С начала XXI века внешняя политика ФРГ претерпевает изменения.

Среди новых ее признаков следует назвать желание немцев взять на себя больше ответственности в мире. Доказательством тому служит заявление президента ФРГ Й. Гаука во время конференции в Мюнхене в 2014 года. Гаук заявил тогда, что Германия должна взять на себя больше ответственности за ситуацию в мире и окончательно стать «гарантом мирового порядка и безопасности» [Gauck, 2014]. Подтверждение можно найти и в Белой книге 2016 года [Weißbuch, 2016]. Более того, Германия ставит своей целью расширить Совет Безопасности ООН, став постоянным членом, направляет военнослужащих в миротворческие контингенты. ФРГ неоднократно входила в Совет Безопасности ООН в качестве непостоянного члена и председательствовала в нем.

Еще одним изменением во внешнеполитической концепции Германии является корректировка парадигмы в сфере безопасности. Изменились случаи применения Бундесвера. Теперь армия имеет юридическое обоснование, чтобы применяться за пределами границ для защиты прав человека и отстаивания международного права. В рамках североатлантического альянса Бундесвер смог принимать участие в гуманитарных миссиях по всему миру для предотвращения нарушения основных прав и свобод человека.

Вместе с тем неизменным остается направленность внешней политики – это евроатлантизм. Немецкие политики уверены в том, что только военный блок НАТО остается главным гарантом безопасности на европейском континенте [Weißbuch, 2016]. Более того, США до сих пор занимают первую строчку среди экономических партнеров ФРГ с долей 8,64% (119 млрд US\$) за 2020 г.¹ Несмотря на то, что США до последнего противостояли строительству газопровода «Северный

¹ URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Germany/TOTAL>

поток», которое выгодно не только России, но и жизненно необходимо Германии, немцы не изменили свою приверженность США, что подтверждают во всех версиях Белой книги [Weißbuch, 2016].

По оценкам немецких политиков, современная ФРГ сталкивается со множеством новых вызовов, рисков, опасностей и угроз (ВРОУ). Основными вызовами для Германии, согласно Белой книге 2016 года, являются антиглобализм, кибератаки, националистические настроения и движения, экстремизм, религиозный фанатизм [Weißbuch, 2016]. К рискам отнесены:

- оспаривание миропорядка и системы мировой стабильности, которая существует на европейском континенте;
- перспективы «Европейского проекта», за который несут ответственность все страны-члены Союза.
- хрупкая государственность и некачественное государственное управление.

Среди опасностей на первом месте указываются межгосударственные конфликты. Далее следуют глобальная модернизация и распространение оружия массового поражения, миграционная проблема, транснациональный терроризм, гибридные угрозы и войны [Weißbuch, 2016].

Ввиду особого статуса партий в политической системе ФРГ, их роли в формировании и реализации политического курса, им необходимо быть готовыми к реализации возложенных на них функций. Отсюда важную роль играет аналитическая работа. Партийные фонды обеспечивают получение релевантной информации и ее обработку.

Политические партии ФРГ

Партии играют важную роль в политической жизни Германии, их деятельность регламентирует Закон о политических партиях, который был издан 24 июля 1967 г.¹ После выборов 26 сентября 2021 г. в Бундестаг прошли шесть партий (перечень проранжирован по количеству мест в парламенте)².

Таблица 1

¹ URL: https://studopedia.ru/4_102521_zakon-federativnoy-respubliki-germanii-politicheskikh-partiyah--iyulya--g.html

² URL: <https://www.bundestag.de/parlament/fraktionen>

	Политическая партия	Результат
1.	СДПГ	206 мест
2.	ХДС / ХСС	196 мест
3.	Союз 90 / Зелёные	118 мест
4.	СвДП	92 места
5.	Альтернатива для Германии	83 места
6.	Левая партия	39 места

В настоящее правящая коалиция ещё не образована, ХДС и СДПГ отказались создавать совместную коалицию и пытаются повлиять на СвДП и Зелёных и переманить их на свою сторону, чтобы создать коалиционное большинство. Впервые после выборов 2002 года партия ХДС/ХСС проиграла социал-демократам. Такой результат обусловлен разными причинами: с одной стороны, он вызван уходом Меркель с поста канцлера, с другой – наличием нерешенных внутренних социальных и экономических проблем.

Согласно законодательству ФРГ к функциям партий отнесены формирование политической воли народа, влияние на политику страны и ее формирование¹. Являясь субъектами внешней политики Германии партии, имеют информационно-аналитические потребности. Одним из способов обеспечения функциональности партий является работа информационно-аналитических центров, в частности, партийных фондов.

Характерно, что Закон о политических партиях предоставляет право тем из них, которые прошли барьер при выборах в Бундестаг во второй раз, создавать свои политические фонды. На сегодняшний день у всех партий, представленных в парламенте, за исключением АдГ, имеется свой фонд. В 2021 году АдГ прошла в Бундестаг второй раз, тем самым можно предположить, что вскоре в Германии появится фонд этой партии, который будет обеспечивать ее информационные и аналитические запросы.

¹ URL: https://studopedia.ru/4_102521_zakon-federativnoy-respubliki-germanii-o-politicheskikh-partiyah--iyulya--g.html

Становление системы партийных фондов

Система партийных фондов в ФРГ начала формироваться ещё во времена Веймарской республики, полноценное развитие она получила в Западной Германии. На развитие аналитических центров и фондов в послевоенный период повлияло несколько причин.

1. Развитие демократического строя

С одной стороны, в Германии начала формироваться партийная система, которая является одним из признаков демократического режима. Без нее не было бы и партийных фондов.

С другой – одна из главных функций, которая характеризует деятельность политических фондов – продвижение и развитие демократии по всему миру.

2. Восприятие опыта США

Хорошо известно, что сеть аналитических и исследовательских центров получила развитие в США. Согласно специальному индексу «мозговых трестов» («Think Tanks Index»), который был представлен Университетом Пенсильвании в 2021 г., именно США занимают в нем первое место на протяжении всего существования данного индекса. Проводимые же исследования показывают, что государственные аналитические и разведывательные структуры США далеко не всегда справляются с возложенными на них функциями, прежде всего, ввиду ангажированности и игнорирования независимой аналитики, что имеет негативные последствия для внешней политики страны [Белозёров 2021].

Согласно индексу «мозговых трестов», Германия следует за Китаем, Индией, Великобританией, Южной Кореей, Францией и занимает 6-е место, что свидетельствует о развитости сети аналитических центров в стране.

3. Исторический опыт организации Германией политико-аналитической работы.

Уместно напомнить, что такая, по своей сути аналитическая, структура как генеральный штаб возник в Пруссии в 1807–1814 гг., решение о его создании было принято после поражения прусской армии в войне с Наполеоном. Генштаб стал четко регламентированной организацией, которая стала ответственной за теорию военного дела

и оперативное планирование. Образованный впоследствии фельдмаршалом Мольтке прусско-германский генеральный штаб иногда называют первой фабрикой мысли ввиду высокого уровня организации интеллектуальной аналитической работы. Структура и организация прусско-германского генерального штаба, результаты его работы, впечатлили европейцев. С другой стороны, после Второй мировой войны в Европе стали испытывать опасения относительно возможностей «немецкой военной машины», где синтезируются интеллект и дисциплина [Белозёров, 2020].

Партийные фонды: функции, задачи, приоритеты

Партийные фонды Германии принято называть в честь известных деятелей культуры и политиков Германии. В современной ФРГ функционируют следующие партийные фонды:

- 1) фонд Фридриха Эберта (Friedrich Ebert Stiftung);
- 2) фонд Конрада Аденауэра (Konrad-Adenauer-Stiftung);
- 3) фонд Фридриха Науманна (Friedrich-Naumann-Stiftung);
- 4) фонд Ханса Зайделя (Hanns-Seidel-Stiftung);
- 5) фонд Генриха Белля (Heinrich Böll Stiftung);
- 6) фонд Розы Люксембург (Rosa-Luxemburg-Stiftung).

Феномен партийных фондов присущ ни одной стране, кроме Германии. Более того, как заявляется, их деятельность вписана в общую концепцию внешней политики государства и не служит узкопартийным целям. К функциям партийных фондов относятся:

- 1) политическое образование граждан;
- 2) развитие и содействие демократии по всему миру;
- 3) деятельность в областях, недоступных государственным институтам;
- 4) разработка и передача аналитического материала профильным государственным институтам;
- 5) воздействие на формирование и реализацию концепций внешней политики государства применительно к разным странам;
- 6) гуманитарная помощь развивающимся странам [Погорельская 1995].

Анализируя функции партийных фондов, можно сделать вывод о том, что значительная часть их деятельности связана со сферой

внешней политики. При этом фонды экономически, юридически и организационно независимы от соответствующих партий, но работают в соответствии с их основными ценностями.

Первым партийным фондом считается фонд Фридриха Эберга. Он был учреждён 2 марта 1925 г. партией СДПГ. Фридрих Эберт стал первым демократически избранным рейхсминистром Германии. В нацистский период он был упразднен и воссоздан в 1947 году.

Главной задачей фонда является политическое образование и консультирование органов власти¹. В фонде работают около 600 сотрудников, его штаб-квартиры находятся в Берлине и Бонне. Более того, у фонда создана широкая сеть представительств за рубежом, их насчитывается около 100.

Значительным потенциалом обладает фонд Конрада Аденауэра, учрежденный Христианско-демократическим союзом в 1955 году. В 1964 году Фонд был назван в честь первого федерального канцлера ФРГ. Бюджет фонда на 99 % формируется из государственных средств, 0,8 % занимают доходы от участия в мероприятиях, 0,2 % – частные пожертвования.

Поддержка демократии, продвижение соглашения между странами ЕС, содействие развитию трансатлантических отношений являются главными задачами фонда². Он имеет свои представительства в 120 странах, его штаб-квартиры располагаются в Берлине и Бонне.

В 1958 г. СвДП учредила фонд Фридриха Науманна, который был немецким политическим деятелем, социал-либералом. Штаб-квартира фонда располагается в Потсдаме, фонд имеет представительства в 42 странах.

Годовой бюджет Фонда Науманна составляет более 80 млн. евро. Средства федеральных министерств занимают значительную часть дохода, другие региональные власти также участвуют в его финансировании. Таким образом, фонд существует в основном за счет немецких налогоплательщиков.

Основные задачи фонда следующие:

- способствовать вовлечению граждан в политическую жизнь;
- содействовать продвижению либеральных ценностей посредством гражданского воспитания;

¹ URL: <https://www.fes.de/stiftung/ueber-die-fes>

² URL: <https://www.kas.de/de/ueber-uns>

- решать экономические, социальные и политические проблемы;
- оказывать помощь в развитии конституционных структур в других странах мира¹.

Заслуживает внимания фонд Розы Люксембург, близкий «Левой» партии ФРГ. Созданное партией в 1990 году общество «Анализ общественного развития и гражданское просвещение» впоследствии был преобразовано в фонд. Организация ориентируется на ценности демократического социализма и поддерживает многочисленные проекты, издает публикации и организует выставки, является одним из спонсоров политического образования в Германии. Как известно, Роза Люксембург была влиятельной представительницей европейского рабочего движения, марксизма, борцом с капитализмом. Фонд Розы Люксембург имеет представительства в 26 странах по всему миру, его задачами являются:

- организация политического образования;
- проведение дискуссий о современном демократическом социализме;
- поощрение молодых исследователей и активистов;
- предоставление возможности для самостоятельной общественно-политической деятельности².

В 1967 году партия христианско-социальный союз (ХСС) основал фонд Ханса Зайделя. Согласно уставу, его целью является поддержка демократического и гражданского образования немецкого народа на христианской основе³. Фонд назван в честь бывшего премьер-министра Баварии и председателя ХСС Ханса Зайделя. Штаб-квартира фонда находится в столице Баварии Мюнхене.

По мере укрепления международного сотрудничества фонд создал зарубежные офисы в Вашингтоне, Брюсселе, Афинах, Москве и Европе. Он также представлен во многих городах Африки, Азии и Южной Америки с проектами сотрудничества в области развития и международной работы.

Фонд Генриха Белля (партия Зеленых) имеет представительства в 32 странах, поддерживает партнерские отношения с более чем 60 странами. Генрих Белль был одним из самых выдающихся немецких писателей послевоенного периода.

¹ URL: <https://www.freiheit.org/foundation>

² URL: <https://www.rosalux.de/stiftung/mehr-ueber-uns>

³ URL: <https://centralasia.hss.de/stiftung/aufgabe-und-auftrag/>

Укрепление демократии и защита прав человека, принятие мер по предотвращению разрушения глобальной экосистемы, продвижение равенства между женщинами и мужчинами, обеспечение мира путем предотвращения конфликтов в кризисных зонах и защита свободы личности от чрезмерной государственной и экономической власти – вот цели, которые движут идеями и действиями этого фонда¹.

Роль партийных фондов во внешней политике ФРГ

Роль политических фондов во внешней политике Германии является «двойкой». С одной стороны, они служат средством ведения внешнеполитической деятельности ФРГ за рубежом, с другой – партийные фонды активно принимают участие в формировании внешнеполитического курса страны.

Примером использования фондов как средства ведения внешней политики является их деятельность за пределами ФРГ. Деятельность в сферах, недоступных государственным институтам, – важная функция политических фондов. География фондов охватывает весь мир, они имеют представительства во всех частях света. Фонды проводят политическое образование граждан и стремятся содействовать развитию демократического устройства общества. Для этого проводятся семинары, встречи, симпозиумы, устраиваются конференции, на которые приглашаются как политики, так и исследователи. В то же время фонды выполняют и другую, более важную задачу, связанную со сбором информации. Результаты ее анализа (позиция политиков, экспертов по тому или иному вопросу, общественное мнение), подготовленные предложения и рекомендации направляются политическим партиям или профильным министерствам для проработки внешнеполитического курса по отношению к отдельно взятой стране, региону или применительно к конкретной проблеме.

Так, с 2008 г. фонд Конрада Аденауэра проводит германо-русский форум «Замок Ваккрбарт». Проводится форум и в ноябре 2021 года. Представители фонда отмечают, что несмотря на непростые внешнеполитические отношения между Россией и Германией, форум не перестанет существовать². В этом году эксперты и политики

¹ URL: <https://www.boell.de/de/ueber-uns>

² URL: <https://www.kas.de/ru/web/ru-moskau/veranstaltungsberichte/detail/-/content/im-dialog-bleiben-perspektiven-und-herausforderungen-der-deutsch-russischen-beziehungen-1>

из двух стран обсудили парламентские выборы 2021 года, изменения климата, актуальные проблемы в области экономики, политики и общества, новые вызовы на международной арене. Были проанализированы актуальные для обеих стран геополитические события, связанные с подъемом Китая.

Россия выступает предметом анализа и другого фонда – Фонда Фридриха Эберта. В 2021 году фонд будет проводить девятый по счету семинар имени Эгона Бара, архитектора «Новой восточной политики». Семинар проходит при поддержке бывшего депутата Бундестага от партии СДПГ Франца Тённеса¹.

Целью программы провозглашается развитие и укрепление российско-германских отношений, которое становится возможным вследствие диалога между представителями двух стран.

Еще одним примером можно назвать визит М. Шульца в Москву 9 ноября 2021 г. и его выступление «Россия и Германия в трансформирующемся миропорядке: вызовы и возможности»². М. Шульц является председателем правления Фонда им. Фридриха Эберта, бывшим главой Европарламента и СДПГ. В своем докладе он затронул такие темы, как ядерное вооружение, сложные отношения между ЕС и Россией, экономические риски для обеих стран.

Исследуя политические фонды в качестве субъекта внешней политики, необходимо помнить о специфике формирования политики западных стран. В России в большинстве своем встречается парадигма политического реализма, которая строится на признании важности государственных институтов при выработке политического курса. В западных странах, наоборот, доминирует либерально-идеалистическая парадигма, которая делает ставку акцент на работу неправительственных акторов: СМИ, лоббистские группы, аналитические центры. Германия не является исключением. Партийные фонды влияют на выработку и реализацию внешнеполитического курса.

Примерами могут служить выступления представителей фонда в парламенте, общие слушания, проведение дебатов и встреч между представителями фонда и партий. В ноябре 2021 г. фонд Конрада Аденауэра спонсировал совместные дебаты с F.A.Z. (Frankfurter allgemeine

¹ URL: <https://russia.fes.de/proekty/seminar-imeni-ehgona-bara>

² URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/vistuplenie-predsdatelya-pravleniya-fonda-im-fridriha-eberta>

Zeitung) по вопросам внешней политики¹. Среди лиц, принимающих участие, были: Норберт Ламмерт, председатель фонда Конрада Аденауэра, Клаус Дитер-Франкенбергер, ответственный редактор материала по внешней политике F.A.Z., Норберт Реттген, председатель комитета по внешней политике Бундестага.

Заключение

Таким образом, сеть партийных фондов в ФРГ развита. Политические партии не пренебрегают правом создавать свои политические фонды. Для преодоления новых ВРОУ и принятия взвешенных политических решений немецким государственным институтам необходимо быть хорошо информированными. В нынешних реалиях невозможно оспорить важность данных и информации.

И партийные фонды выполняют функцию поставщиков релевантной информации. Профильным министерствам и государственным структурам Российской Федерации необходимо исследовать деятельность партийных фондов ФРГ. Российская Федерация часто выступает предметом анализа аналитических центров. Благодаря этим данным наша страна сможет выработать правильный и сбалансированный внешнеполитический курс по отношению к ФРГ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr / Bundesministerium für Verteidigung (Hrsg.). Berlin, 2016.
2. Белозёров В. К. Информационное обеспечение военной политики ФРГ: опыт и возможности его использования в России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.
3. Gauck J. Deutschlands Rolle in der Welt: Anmerkungen zu Verantwortung, Normen und Bündnissen. München, 2014. 31 Januar. URL: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz.html> (дата обращения: 03.11.2021).
4. Закон Федеративной Республики Германии «О политических партиях» 24 июля 1967 г. URL: https://studopedia.ru/4_102521_zakon-federativnoy-respubliki-germanii-o-politicheskikh-partiyah--iyulya--g.html (дата обращения: 25.10.2021).

¹ URL: <https://www.kas.de/de/f.a.z.-kas-debatte-zur-internationalen-politik>

5. Белозёров В. К. Провалы разведки и дефицит научной аналитики // Россия в глобальной политике. 2021. № 2. С. 218–223.
6. Белозёров В. К. Клаузевиц, война и обретение смыслов: опыт философской рефлексии Раймона Арона // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 40–65.
7. Погорельская С. В. Политические фонды во внешней политике Германии: дис. ... канд. полит. наук. Бонн, 1995.

REFERENCES

1. Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr / Bundesministerium für Verteidigung (Hrsg.). Berlin, 2016. (In Germ.)
2. Belozarov, V. K. (2003). Informacionnoe obespechenie voennoi politiki FRG: opit i vozmojnosti ego ispolzovaniya v Rossii = Information support of the military policy of the FRG: experience and possibilities of its usage in Russia: thesis of PhD in Political Science. Moscow. (In Russ.)
3. Gauck, J. (2003). Deutschlands Rolle in der Welt: Anmerkungen zu Verantwortung, Normen und Bündnissen. München, 2014. 31 Januar. <http://www.bunde-spraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz.html> (дата обращения: 03.11.2021) (In Germ.)
4. Zakon Federativnoi Respubliki Germanii «O politicheskikh partiyah» 24 iyulya 1967 g. = Law of the Federal Republic of Germany «On Political Parties» July 24, 1967. Studopedia. https://studopedia.ru/4_102521_zakon_federativnoy_respubliki_germanii_o_politicheskikh_partiyah_iyulya_g.html (accessed: 25.10.2021). (In Russ.)
5. Belozarov, V. K. (2021). Provali razvedki i deficit nauchnoi analitiki = Exploration failures and research analytics deficits. Rossiya v globalnoi politike, 2, 218–223. (In Russ.)
6. Belozarov, V. K. (2020). Klauzevic, voina i obretenie smislov: opit filosofskoi refleksii Raimona Arona = Clausewitz, War, and Meaning Formation: Raymond Aron's Experience of Philosophical Reflection. Journal of Philosophical Sciences, 63(1), 40–65. (In Russ.)
7. Pogorelskaya, S. V. (1995). Politicheskie fondi vo vneshnei politike Germanii = Political Foundations in German Foreign Policy: thesis of PhD in Political Science. Bonn. (In Russ.)

Информация об авторах

Кирилина Е. Ю. – аспирант кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Kirilina E. Yu. – Post-Graduate Student at the Department of Political Science of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 14.10.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 11.11.2021.

The article was submitted 14.10.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 11.11.2021.

Научная статья

УДК 327.83

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_57

ИНСТРУМЕНТАРИЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» США В ТУРЦИИ

А. А. Колесников¹, В. Э. Золотова²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹akol2006@gmail.com

²victoria.zol@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика гуманитарного присутствия США в Турецкой Республике, проводится анализ воздействия США на социокультурное пространство Турции на примере деятельности неправительственных организаций, их структуры, форм и методов работы. В статье классическая политика «мягкой силы» с целью популяризации имиджа и массовой культуры за рубежом рассматривается сквозь призму «политики гуманитарного присутствия» – долгосрочной стратегии формирования сети демократически ориентированных институтов, подразделений, центров, ассоциаций как частей единой системы.

Ключевые слова: США, Турция, внешняя политика, «мягкая сила», культурная политика, неправительственные организации, гуманитарное присутствие

Для цитирования: Колесников А. А., Золотова В. Э. Инструментарий «мягкой силы» США в Турции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 57–71. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_57

Original article

THE U.S. «SOFT POWER» INSTRUMENTS IN TURKEY

A. A. Kolesnikov¹, V. E. Zolotova²

^{1,2}St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

¹akol2006@gmail.com

²victoria.zol@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the specifics of the U.S. humanitarian presence in the Republic of Turkey, analyses the U.S. impact on the socio-cultural space of Turkey by examples of non-governmental organization's structure, forms and methods of work. The authors investigate the classic policy of «soft power» as a part of the «humanitarian presence policy» – a long-term strategy of forming a network of democratically oriented institutions, units, centers and associations as parts of the unified system.

Key words: USA, Turkey, foreign policy, «soft power», cultural policy, non-governmental organizations, humanitarian presence

For citation: Kolesnikov, A. A., Zolotova, V. E. (2021). The U.S. «soft power» instruments in Turkey. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(844), 57–71. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_57

Введение

США традиционно считаются «локомотивом» внешней культурной политики. Именно США стали государством, «мягкая сила» которого распространилась практически по всему земному шару. Начиная с конца 70-х гг. XX в., активно развивались такие направления «мягкой силы» как публичная дипломатия и цифровая дипломатия, создание сети научно-образовательных программ в общественной дипломатии США, инкорпорация ряда общественных организаций и благотворительных фондов в публичную дипломатию США, в качестве проводников массовой культуры. На протяжении последних 30 лет происходит постоянное увеличение американских культурных представительств, результатом чего стала систематизация работы внешних культурных представительств, переход от институциональных основ «мягкой силы» к построению независимой внешней системы гуманитарного присутствия США во многих странах мира.

Особое внимание США уделяют в этом отношении Ближнему и Среднему Востоку, и, в частности, Турецкой Республике. В первую очередь это обусловлено наличием серьезных национальных, религиозных и исторических факторов. Кроме того, Турецкая Республика придерживается собственной стратегии по вопросу контроля деятельности иностранных представительств. Во-вторых, географическое положение страны обуславливает интерес американского присутствия в регионе в первую очередь по политическим и экономическим причинам. В связи с этим приоритетным становится также создание стабильной долгосрочной системы гуманитарного присутствия.

Поскольку нынешнее турецкое руководство стремится к консервативному внутреннему устройству с акцентом на укреплении, поддержке и распространение своей национальной культуры, США приходится осуществлять здесь политику «мягкой силы» с помощью выработки новых механизмов. В их числе такие, например, как организация проектной деятельности в рамках независимых НПО, фондов с большим

процентом частных инициатив и с максимально разветвленной сетью административно-исполнительной организацией.

Инструментарий «мягкой силы» США в Турции: пример деятельности «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları»

Крупнейшей организацией, осуществляющей деятельность по продвижению американской культуры в Турции, является крупномасштабная сеть культурно-языковых центров «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları». Согласно официальной версии, деятельность организации направлена на предоставление услуг в области изучения английского и других языков с учетом международных стандартов по различным траекториям для любых возрастных групп [Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları, 2020]. Однако на практике основное внимание уделяется различным социальным проектам и мероприятиям, образовательным обменов с привлечением большого количества участников, преимущественно молодежи.

«Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları» сегодня не является единой автономной организацией, что обусловлено ее юридическим статусом, а представляет собой ассоциацию единого бренда «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları», которому, по данным самой организации, уже более 108 лет. Система функционирования многочисленных представительств в разных странах обеспечивается их франчайзинговой

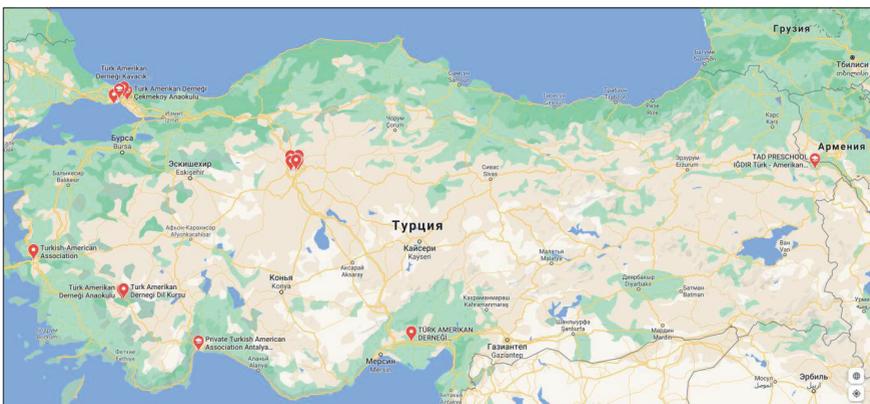

Рис. 1. Представительства Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları в мае 2021 года по данным официального сайта организации

организацией при выставлении требований стандартов образования, которые контролируются и устанавливаются штаб-квартирой Ассоциации бренда. Сегодня Ассоциация достигла значительных успехов: на территории Турции действует более сотни представительств (см. рис. 1), каждый год успешно завершают обучение более 1000000 студентов групп [Amerikan Kültür, 2020].

В Турции «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları» тесно связана с американскими культурными образовательными учреждениями А. К. («Американская культура») и А.С.А. («Американская культурная ассоциация»): по окончании обучения курсов английского языка студентам и ученикам предоставляется возможность получить сертификат одной из указанных организаций владения английским языком с международной эквивалентностью. Более того, ассоциация, обозначив в качестве важнейшей цели международный стандарт обучения, достигла значительного успеха: была получена аккредитация Европейского Союза курсов иностранных языков 2012-R006 на основе совместной Рамочной программы обучения европейским языкам (CEFR): по решению Европейского Союза ассоциация имеет право выдать сертификаты об образовании иностранных языков действительные по всей Европе.

Турецкие обозреватели отмечают, что по показателям своей деятельности Ассоциация, де-юре являясь масштабной сетью языковых школ, де-факто осуществляет деятельность по различным направлениям, которая характеризует ее как корпорацию: инвестирующую в сектор образования и оказывающую поддержку по вопросу трудоустройства управленческого персонала, а также консалтинговые услуги. Особого внимания заслуживает деятельность корпоративного бизнес-сектора ассоциации «Amerikan Kültür Kurumsal» групп [Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları, 2020]. Так, например, помимо образовательных услуг в области изучения языка, «Amerikan Kültür Kurumsal» предлагает заказчикам корпоративного обучения ряд тренингов по организации деятельности внутри частных компаний с возможностью ознакомиться с моделями управления бизнесом, сравнения различных управленческих бизнес-культур, например, американской или европейской. Таким образом, образовательная направленность «Amerikan Kültür Kurumsal» дает ему возможность выполнять консалтинговые функции. В конечном итоге это позволяет получать информацию о деятельности, внутреннем административно-институциональном

устройстве различных частных компаний Турции, а также косвенно влиять на их модель управления.

Особого внимания заслуживают социальные проекты ассоциации «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları», функционирующие на безвозмездной основе. В число таковых входят: разговорный клуб, где студенты и учителя обсуждают разнообразный круг вопросов. В качестве безвозмездного дополнения действуют также проекты «Vocabulary Club», «Grammar Club», «Reading Club», «Movie Club». Здесь для обучаемых предлагается просмотр американских фильмов, знакомство с американской печатной продукцией (книги, журналы, газеты и различные брошюры). Данные виды деятельности в рамках клубов направлены прежде всего на распространение американской культуры вне границ государства. Способ организации взаимодействия с американской культурой организован на уровне дискуссии в неформальной обстановке, где первичной целью обозначается достижение языкового навыка учащимися. Дополнительно при большинстве филиалов Ассоциации действуют клубы или секции, не связанные непосредственно с образовательной деятельностью, например, секция латинских танцев, компьютерный клуб, театральная группа и другие, возможность посещения которых также осуществляется безвозмездно.

В рамках ассоциации организована особая система функционирования интернет ресурсов: существует четыре основных сайта «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları», предоставляющие общую информацию о видах языковых курсов, международных стандартах обучения, траектории, подготовки к международным экзаменам. Кроме того, в цепи «интернет-представительств» функционирует сайт корпоративного обучения «Amerikan Kültür Kurumsal». При этом каждый филиал (см. рис. 1) владеет собственным сайтом по организации и координации непосредственно учебного процесса. Таким образом, сеть Ассоциации представлена более 100 сайтами с учетом страниц в социальных сетях Facebook, Twitter, Instagram, YouTube с частотой публикаций не менее одного поста в три дня групп [Amerikan Kültür Kurumsal, 2020].

Таким образом, можно констатировать, что деятельность ассоциации «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları» и формат ее организации представляет собой факт эффективного, стабильного и долгосрочного американского гуманитарного присутствия в регионе, о чем

свидетельствуют следующие факторы: франчайзинговая система организации всех представительств, работающих по единому выработанному стандарту, оказывающие поддержку друг другу при совместных социальных проектах и одновременно не зависящих друг от друга юридически; жесткий стандарт траектории образовательных услуг и организация контроля; поддержание развития ассоциации как бренда; ориентация на внешний трудовой рынок: содействие в вопросе трудоустройства; возможность предоставления консалтинговых услуг как фактор влияния на национальную бизнес-культуру.

«Мягкая сила» США в Турции: пример деятельности «The Turkish-American Association»

Инструментарий американской «мягкой силы» в Турции представлен также и другими организациями. Одна из них – Турецко-американская Ассоциация («The Turkish-American Association») была основана в 1951 году для реализации целого спектра культурных и просветительских программ. На сегодняшний день помимо своей штаб-квартиры, расположенной в Анкаре, Организация также имеет 17 частных школ по изучению английского языка, а также 8 дошкольных образовательных учреждений по всей Турции (см. рис. 2) [TÜRK-AMERİKAN DERNEĞİ, 2021]. Деятельность Турецко-Американской Ассоциации не ограничена предоставлением образовательных услуг: помимо курсов английского, испанского и турецкого языков, проводится большое количество разнообразных культурных и художественных программ и проектов. Различные события – конференции, лекции, дискуссионные семинары, творческие встречи, выставки, английские

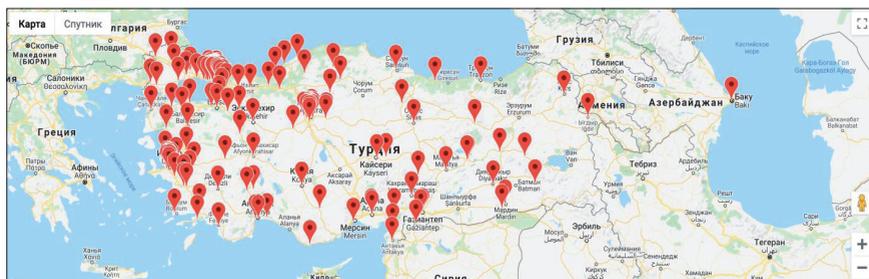

Рис. 2. Представительства «THE TURKISH-AMERICAN ASSOCIATION», май 2021 года

и турецкие драматические спектакли, танцевальные постановки, бродвейские мюзиклы с участием учеников, а также гастроли – посещают не только местные жители Анкары, но и члены международного сообщества, что позволяет турецким студентам и школьникам в полной мере погрузиться в новую культурную атмосферу, несмотря на собственную аутентичную среду.

Ассоциация позиционирует себя как некоммерческая организация, которая «стремится стать воротами между турецкой и американской обществами, которая создает качественную среду, развивающую общие интересы, взаимопонимание и дружбу между влиятельными и будущими влиятельными личностями обеих общин посредством широкого использования образования, искусства, деловых возможностей и социальной деятельности» [TÜRK-AMERİKAN DERNEĞİ, 2021].

В число социально-культурных программ Турецко-американская Ассоциации входят:

- конференции и круглые столы на такие темы, как экономика, политика, энергетика, окружающая среда;
- семинары, презентации, организованные по темам, представляющим общий интерес (изобразительное искусство, литература, популярная культура, здравоохранение, археология и т. д.);
- концерты, музыкальные, танцевальные и театральные представления. Ассоциация сотрудничает с театром в Анкаре, где полупрофессиональные турецкие и международные группы исполняют бродвейские мюзиклы на английском языке;
- выставки живописи, фотографии, цифрового искусства и традиционных турецких ремесел, открытые турецкими и иностранными художниками;
- специальные тематические вечера (американский вечер бобов, вечер спагетти, костюмированная вечеринка в честь Хэллоуина, новогодние вечеринки, ужины на День благодарения, вечера барбекю, вечера кино под открытым небом);
- новогодние базары;
- конкурсы фото и живописи.

Несмотря на то, что на сегодняшний день отсутствует официальная статистика, указывающая на количество задействованных в программах турецких граждан, можно предположить, что численность таковых составляет сотни тысяч человек.

Деятельность «Chrest Foundation»

Другой подобной Организацией является турецкий филиал фонда «Chrest Foundation». Организация была основана как частный фонд в Ирвинге, штат Техас, США в 1999 году. Заявленная цель Фонда – благотворительная деятельность, источником которой являются финансовые средства, полученные через медицинское страхование, телекоммуникации и иные бизнес-инвестиции учредителей [Chrest Foundation, 2021]. В Турции деятельность Фонда концентрируется на поддержке организаций гражданского общества, которые сосредоточены на развитии общественного диалога с помощью искусства и культуры. Фонд также продвигает американские благотворительные программы в области реформы уголовного правосудия и охраны окружающей среды.

Основным средством и методикой работы с турецким гуманитарным пространством стало предоставление грантов различным турецким НКО. Мероприятия, поддерживаемые Фондом, распространяются по всей Турции, хотя отдельные программы осуществляются в близлежащих регионах. Приоритет отдается организациям, действующим в Турции. О масштабах деятельности Фонда можно судить по официальной статистике. Так, только в 2018 году через турецкие НКО было реализовано множество масштабных грантов, в числе которых выделяются следующие проекты: «140 Journos Her» [Yılında Desteklediğimiz Projeler, 2018] (\$60.000), направленный на расширение гендерного разнообразия в области журналистики и поощрение справедливого представительства женщин в турецких СМИ; «The Memory of Sur and Diyarbakır» (\$47,895) [Yılında Desteklediğimiz Projeler, 2018], имеющий целью распространение информации о мультикультурной структуре и истории Диярбакыра; «Tandem Turkey V with Iran Component» (\$66,638) [Yılında Desteklediğimiz Projeler, 2018], направленный на укрепление гражданского общества, предоставляя культурным организациям Турции возможность сформировать транснациональную деятельность. В дальнейшем гранты выделялись уже не под конкретные мероприятия, а точно отдельным турецким НКО социокультурной направленности. Количество и финансирование практически не изменилось в 2019 и 2020 гг., несмотря на непростые условия пандемии. Тематика при этом оставалась прежней: пропаганда деятельности турецких правозащитников, поддержка плюралистической медиа-среды в Турции, мониторинг социоэкологической

обстановки, поддержка гражданских инициатив в турецком обществе и т. п. Новым направлением деятельности фонда «Chrest Foundation» стало сотрудничество с Центром гендерных и женских исследований престижного стамбульского университета Сабанджи (The Gender and Women's Studies Center of Excellence), а также финансирование интернет-издания Serbestiyet с целью «поддержки публикации беспартийных новостей» [Chrest Foundation, 2021].

Таким образом, рассмотренные организации являются различными структурами. С точки зрения административно-исполнительного аппарата, Турецко-американская Ассоциация становится примером системы управления некоммерческой организации в рамках четкой иерархии, где высшее звено – центральный исполнительный аппарат, возглавляемый директором и исполнительным директором, а главными структурными органами Ассоциации являются Генеральная Ассамблея, Совет управляющих и ревизионная комиссия [Bylaws, 2013]. Иную систему управления демонстрирует организация деятельности в «Chrest Foundation»: напрямую фонд не организует мероприятия и не занимается разработкой проектов, лишь отдает предпочтение тематической составляющей. Важнейшей характеристикой Фонда становится координационная функция, контроль отчетности и распределение финансовых потоков для реализации проектов. Исполнительные структуры фонда – турецкие организации, которые получают гранты для реализации конкретного проекта или цикла мероприятий, при этом юридически организации самостоятельны, не являются частью административно-исполнительного аппарата Фонда. Система «Chrest Foundatin» анархична, вызывает сложность при первичном анализе ввиду отсутствия регламентации уставными документами на уровне самой организации; в центре внимания Фонда исключительно финансовая поддержка организаций гражданского общества в Турции, тематический акцент мероприятий которых концентрируется на проблемах гендерного неравенства и развитии коммуникации и межкультурного диалога с помощью искусства и культуры.

Заключение

Рассмотренные организации представляют различные примеры по способу финансирования: в Уставе Турецко-американской Ассоциации регламентируются виды получения финансовых средств по

нескольким группам: взносы членов самой Ассоциации, доход, получаемый от продажи книг и издательской деятельности, детских спектаклей, концертов, конференции, видео-, кино- и театральные презентации; доход, получаемый Ассоциацией от реализации имущества, а также любые виды пожертвований как от физических, так и от юридических лиц [Bylaws, 2013]. Фонд «Chrest Foundatin» изначально был сформирован на основах благотворительности, существовавшая на пожертвования частных лиц организация. «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları», в свою очередь, официально формирует бюджет на основе средств, полученных от предоставления образовательных услуг. Общей чертой рассматриваемых организаций стала степень участия государственных и официальных лиц в деятельности организаций, а также темы мероприятий или проектов и методы работы. Межкультурное взаимодействие в рамках деятельности организаций осуществляется исключительно в рамках общественного взаимодействия. Участниками и целевой аудиторией являются разнообразные социальные группы: школьники, студенты, меньшинства, следовательно, используемые методы организации и реализации проектов соответствуют запросу указанных групп с целью увеличения числа участников мероприятия. Степень вовлеченности государственного аппарата или официальных лиц низкая, и принятие с их стороны участия в проектах не предусмотрено. Исключение составляют оговорки «Chrest Foundatin» о возможности взаимодействия как с организациями гражданского общества, так и с членами различных академических и деловых кругов, должностными лицами правительства Турции и местными муниципалитетами по вопросам оказания гуманитарной помощи конкретным регионам государства.

Сходством в деятельности организаций становятся методы и формы реализации деятельности, которые главным образом заключаются в планировании и реализации разнообразных мероприятий и проектов. Под «проектом» каждая организация может предполагать как одно мероприятие, так и цикл событий, объединенный единой тематикой. Главным различием становится выбор тем для проектов при общей формулировке о сотрудничестве в области культуры и искусства. Для Турецко-Американской Ассоциации и Американского культурно-языкового центра «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları» характерна языковая, кино- и театральная тематика, организация дискуссионных

встреч, в то время как в фокусе внимания «Chrest Foundatin» общие проблемы гражданских прав человека, вопросы исследования памяти, окружающей среды и экологии, гендерные аспекты.

Сравнительный анализ рассматриваемых в исследовании НКО позволяет сделать вывод об определенном вкладе организаций в развитие культурного диалога между США и Турецкой Республикой. В приложении 1 «Сравнительный анализ деятельности организаций «Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları», «The Turkish-American Association» и «Chrest Foundation» (см. табл. 1) в качестве единиц анализа указаны рассматриваемые в исследовании организации и произведено сравнение по наиболее значимым зависимым переменным. Опыт работы, формы и методы реализации проектов рассматриваемых организаций говорят об устойчивых культурных связях между американским и турецким обществами, их будущем развитии и укреплении. Однако, как показывает примеры деятельности НКО, определенный процент мероприятий, которые проводятся рассмотренными организациями, выходит далеко за рамки классического межкультурного обмена. К примеру, в число проектов, связанных с предоставлением образовательных услуг Турецко-Американской Ассоциацией, входят мероприятия языковых курсов как турецкого языка, так и английского, однако организуются они исключительно для турецкой аудитории. Если основываться на том факте, что процесс межкультурной коммуникации – это «форма деятельности, предполагающая знания языков, ценностей, религии, культурных особенностей партнера по коммуникации» [Боголюбова, Николаева, 2018] и «основывается на принципах равенства культур и взаимном обмене ценностями» [там же], то приоритетным должно становиться проведение данных мероприятий она обеих социокультурных пластах, в обоих государствах. Безусловно, необходимо отметить достаточно успешную работу рассмотренных НКО в рамках различных направлений культурного сотрудничества. Тем не менее отдельные формы и методы деятельности организаций – источники финансирования, структура административно-исполнительного устройства, тематика проводимых мероприятий, дает основания расценивать эти структуры не только как элементы «мягкой силы» США, действующие на определенные категории турецкого общества, или как элементы двустороннего культурного обмена, а как целостную устойчивую внешнюю независимую скоординированную систему гуманитарного присутствия США в Турции.

Таблица 1

**Сравнительный анализ деятельности организаций
«Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları»,
«The Turkish-American Association» и «Chrest Foundation»**

Критерий	Организация	THE TURKISH-AMERICAN ASSOCIATION	Chrest Foundation	Американский культурно-языковой центр Amerikan Kültür Yabancı Dil
Год основания представительства в Турции и продолжительность работы	1951	1951	1999	1913
Место основания организации	Турция	Турция	США	Турция
Административный состав (по национальному признаку)	Турция	Турция	США	Турция
Степень разветвленности административно-исполнительного аппарата	Обширная система, у каждого проекта конкретный исполнительный аппарат + отдельный сайт каждого проекта	Обширная система, у каждого проекта конкретный исполнительный аппарат + отдельный сайт каждого проекта	Центральный исполнительный аппарат в США (Texas), однако каждый проект реализуется на месте как самостоятельный	Разветвленная система представительства, принцип разделения: языковой профиль

<p>Организация</p> <p>Критерий</p>	<p>THE TURKISH-AMERICAN ASSOCIATION</p>	<p>Chrest Foundation</p>	<p>Американский культурно-языковой центр Amerikan Kültür Yabancı Dil</p>
<p>Основной источник финансирования мероприятий</p>	<p>США</p>	<p>Частные пожертвования</p>	<p>Нет данных</p>
<p>Частота проведения мероприятий</p>	<p>От 80 до 90 в год</p>	<p>20–30 в год* *в число проведенных мероприятий входят проекты, реализованные различными организациями за счет выделенного гранта</p>	<p>Более 70 в год</p>
<p>Финансовые затраты на одно мероприятие</p>	<p>Нет финансовой отчетности на официальных сайтах</p>	<p>От 35 до 75 тыс. долл. США</p>	<p>Нет финансовой отчетности на официальных сайтах</p>
<p>Наличие рекламной кампании мероприятий / самой структуры в турецких СМИ</p>	<p>Да</p>	<p>Да</p>	<p>Да</p>
<p>Наличие активных профилей в социальных сетях</p>	<p>Instagram, Facebook, Twitter, LinkedIn</p>	<p>Нет** **Организация координирует деятельность иностранных агентов (центров, творческих объединений и др.), каждое из которых отдельно ведет страницы в социальных сетях</p>	<p>Instagram Facebook</p>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları. 2021. URL: <https://www.amerikancakultur.com/hakkimizda.php> (дата обращения: 12.08.2021).
2. Amerikan Kültür Kurumsal // Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları. 2021. URL: <https://www.amerikankulturkurumsal.com/degerlerimiz/> (дата обращения: 12.08.2021).
3. TÜRK-AMERİKAN DERNEĞİ // TAD TARİHÇESİ. 2021. URL: <https://www.taa-ankara.org.tr/dernek/tad-tarihce> (дата обращения: 18.05.2021).
4. Chrest Foundation. 2021. URL: <https://chrestfoundation.org/grants-awarded/#> (дата обращения: 01.05.2021).
5. Yılında Desteklediğimiz Projeler – Türkiye // Chrest Foundation. 2018. URL: <http://www.chrestfoundation.org/TR/grantsawarded.asp?lang=TR> (дата обращения: 22.11.2019).
6. Bylaws TAA Statutes of the Turkish-American Association // Turkish-American Association. 2013. URL: <https://www.taa-ankara.org.tr/cms-uploads/tuzuk-eng.pdf> (дата обращения: 08.04.2020).
7. *Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.* Межкультурная коммуникация: в 2 ч. М.: Юрайт, 2018. Ч. 1.

REFERENCES

1. Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları (2020). <https://www.amerikancakultur.com/hakkimizda.php> (accessed: 12.08.2021).
2. Amerikan Kültür Kurumsal (2020). Amerikan Kültür Yabancı Dil Kursları. <https://www.amerikankulturkurumsal.com/degerlerimiz/> (accessed: 12.08.2021).
3. TÜRK-AMERİKAN DERNEĞİ – TAD TARİHÇESİ. <https://www.taa-ankara.org.tr/dernek/tad-tarihce> (accessed: 18.05.2021).
4. Chrest Foundation. <https://chrestfoundation.org/grants-awarded/#> (accessed: 01.05.2021).
5. Yılında Desteklediğimiz Projeler – Türkiye. 2018. <http://www.chrestfoundation.org/TR/grantsawarded.asp?lang=TR> (accessed: 22.11.2019).
6. TAA Bylaws STATUTES OF THE TURKISH-AMERICAN ASSOCIATION. 2013. <https://www.taa-ankara.org.tr/cms-uploads/tuzuk-eng.pdf> (accessed: 08.04.2020).
7. Bogolubova, N. M., Nikolaeva, Yu. V. (2018). Mezhluk'turnaya kommunikaciya = Cross-cultural communication: in 2 parts. Moscow: Urait. Part 1.

Информация об авторах

Колесников А. А. – доктор исторических наук, профессор,
директор Центра евразийских исследований СПбГУ

Золотова В. Э. – аспирант кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений СПбГУ

Information about the authors

Kolesnikov A. A. – PhD (Historical Science), Associate Professor, Director of the Center for Eurasian Studies, St. Petersburg State University

Zolotova V. E. – graduate student, Department of International Humanitarian Relations, St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 18.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 16.11.2021.

The article was submitted 18.10.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 16.11.2021.

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_72

**ПОТЕНЦИАЛ ИСПАНОФОНИИ НА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ
НАПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ**

М. В. Пупышева

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, pupysheva.maria@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению потенциала, которым обладают лингвофонии в реализации внешнеполитических интересов государств. Несмотря на то, что испанофония является одной из крупнейших лингвофоний, она характеризуется поздним становлением, а поэтому ее потенциал еще до конца не изучен. Латинская Америка традиционно является приоритетным регионом во внешней политике Мадрида, однако он также привлекает внимание и более крупных игроков. Автор исследует роль, которую играет такой ресурс, как испанофония, в осуществлении целей, обозначенных в «Стратегии внешнеполитической деятельности» Испании на современном этапе. В конце статьи автор приводит серию направлений, в которых потенциал испанофонии может быть наиболее полно раскрыт.

Ключевые слова: испанофония, лингвофония, Латинская Америка, внешняя политика Испании

Для цитирования: Пупышева М. В. Потенциал испанофонии на латиноамериканском направлении внешней политики современной Испании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 72–83. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_72

Original article

**POTENTIAL OF HISPANOPHONY IN THE LATIN-AMERICAN DIMENSION
OF CONTEMPORARY SPANISH FOREIGN POLICY**

M. V. Pupyshcheva

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, pupysheva.maria@gmail.com

Abstract. The article examines the study of the linguophonic potential in the implementation of foreign policy interests of a State. Even though Hispanophony is one of the largest linguophonies, it is characterized by a late formation, and therefore its potential has not yet been fully explored. Latin America has traditionally been a

priority region in Madrid's foreign policy, but it also attracts the attention of larger players. The author examines the role played by such a resource as Hispanophony in the implementation of the goals outlined in the current "Foreign Action Strategy" of Spain. At the end, the author gives a series of directions in which the potential of Hispanophony can be most fully revealed.

Key words: Hispanophony, Linguophony, Latin America, Spanish foreign policy

For citation: Pupysheva, M. V. (2021). Potential of Hispanophony in the Latin-American dimension of contemporary Spanish foreign policy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(844), 72–83. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_72

Латинская Америка во внешнеполитической деятельности современной Испании

Основными документами, регулирующими внешнеполитическую деятельность Королевства, являются «Закон о внешней политике и внешнеполитической службе Испании» от 2014 г. и «Стратегия внешнеполитической деятельности», принимаемая Советом министров каждые четыре года (актуальная стратегия действует по 2024 г.). Отличительной особенностью механизма реализации внешней политики страны является тот факт, что ее основные цели статичны и сформулированы в Законе, в то время как «Стратегия» концентрируется непосредственно на задачах и конкретных инструментах для их достижения. Схожая практика реализации доктринальных политических установок на практике распространена и в других странах [Белозеров, 2013]. В официальных документах [La Moncloa, 2019] испанские государственные институты распределяют свою внешнеполитическую деятельность по географическим направлениям или векторам: европейский, средиземноморский, атлантический, африканский, тихоокеанский и латиноамериканский. Последний является одним из приоритетных в силу причин как экономического, так и культурно-исторического характера.

С одной стороны, как показывают исследования, лингвистический фактор играет важную роль в процессах заключения международных контрактов [García Delgado, Alonso, Jiménez, 2012]. В том случае, если коммуникация строится на родном языке всех контрагентов, эффективность их работы увеличивается вдвое. Если в качестве родного языка выступает испанский, то в четыре раза. В данном контексте

стоит учитывать не только традиционно высокие инвестиции из Испании в страны ЛАК (более 20% прибыли испанских компаний происходят из этого региона), но и рост латиноамериканских финансовых потоков в испанские корпорации, во многом обеспечивший выживание последних во время финансово-экономического кризиса. Данное изменение в расстановке сил наблюдается не только в экономическом, но и в идеологическом планах – идеологизированный подход Мариано Рахоя [Luiña, Nieto, 2011], разделившего регион на дружественные Испании либеральные и демократические государства и на авторитарные «боліварианские», привел к открытым конфликтам с рядом стран, в том числе приведшим к национализации испанских активов.

С другой стороны, общее историко-культурное наследие Латинской Америки и Пиренейского полуострова является основой для создания ибероамериканской общности, основанной на едином мировоззрении и морально-этических ценностях и противостоящей давлению англосаксонской модели глобализации. По мнению исследователей [Прохоренко, 1995], государства ЛАК традиционно базируются свой внешнеполитический курс на основе позиций США и Испании. Политика Мадрида по «наведению мостов» имеет большее влияние на социально-демократические правительства Венесуэлы, Боливии, Эквадора, Уругвая, Аргентины и даже Бразилии, в то время как Мексиканская Республика и страны Центральной Америки более заинтересованы в проекте НАФТА.

Мировой финансово-экономический кризис имел сильное влияние на стабильность испанской экономики, послужив толчком для обострения конфликтов внутри страны и вынудив Мадрид снизить свое международное присутствие. В частности, в латиноамериканском регионе испанская политика последнего десятилетия охарактеризовалась сокращением сотрудничества в целях развития и концентрацией на развитии двусторонних отношений с узким кругом стран в ущерб существующим многосторонним союзам. Снижение испанского присутствия было компенсировано активизацией других игроков, имевших интересы на латиноамериканском рынке, таких как Китай и Россия [Зверева, 2019; Яковлев, 2016].

Анализ действующей «Стратегии внешнеполитической деятельности» [Gobierno de España, 2021] Испании показывает, что (i) Латинская Америка остается одним из ключевых направлений внешней

политики страны; (ii) Мадрид осознает необходимость в восстановлении своего присутствия в регионе, особенно в возврате к интеграционным процессам, практически остановившимся в силу как объективных причин глобального характера, так и сокращения непосредственной поддержки Мадрида; (iii) закрепление в ЛАК является необходимым условием для реализации своих интересов по другим векторам, в частности, европейскому.

На современном этапе Мадрид беспокоит социальная и политическая нестабильность, усилившаяся вследствие глобальной пандемии Covid-19. Региональная нестабильность, возникшая в результате кризиса в Венесуэле, привела к кризису региональных объединений, что пошатнуло влияние Испании в Латинской Америке. На сегодняшний день система Иberoамериканских встреч на высшем уровне рассматривается в качестве единственного механизма, объединяющего все государства ЛАК. Для восстановления потенциала других организаций, таких как СЕЛАК и Системы Центральноамериканской интеграции «Стратегия» предусматривает расширение сотрудничества с основным стратегическим партнером Испании – Мексикой, а также с другими крупными игроками – Аргентиной, Чили, Бразилией [Gobierno de España, 2021]. Ситуация с правами человека, связанная с политическими кризисами (Никарагуа, Венесуэла) или проблемой миграции (Центральная Америка, Венесуэла), является приоритетным вопросом в двусторонней повестке, и будет введена в повестку дня ЕС во время председательства Испании.

Испания также выступает в поддержку экономического восстановления ЛАК после пандемии, оказывая содействие в получении странами региона финансирования международных организаций. В данной сфере предполагается разработка единой согласованной политики для реализации инициативы «Совместный ответ Латинской Америки и Карибского бассейна на Covid-19». В рамках развития другого стратегического приоритета планируется дальнейшее укрепление научно-технического сотрудничества, направленного на инновации в целях устойчивого развития, в рамках Иberoамериканского пространства знаний и Иberoамериканской программы науки и технологий в целях развития. Председательство Испании в Совете ЕС во второй половине 2023 г. должно завершить процесс подписания нескольких стратегических соглашений, в частности Соглашения об ассоциации

ЕС-МЕРКОСУР и Всеобъемлющего соглашения с Мексикой, а также обновления соглашения об ассоциации с Чили.

Испанофония как ресурс выстраивания отношений Испании с Латинской Америкой

Исследователи рассматривают лингвофонию как межправительственное движение, обладающее как культурно-цивилизационным, так и политическим измерениями, как интуитивную политику бывших колоний к интеграции на основе идентичности, ядром которого является страна, обладающая наибольшим весом на международной арене [Ковалевская, 2013; Ribas, 2012; Freixoto, 2009]. В институциональном смысле она объединяет все межправительственные, правительственные или частные организации, работающие в определенном лингвистическом пространстве; страны, которые используют данный язык и за счет своей деятельности способствуют распространению определенных ценностей и традиций в мировом пространстве.

Таким образом, испанофония – это совокупность измерений (лингвистического, политического, экономического и межкультурного), объединяющая страны и сообщества, говорящие на испанском языке и имеющая своей целью как создание единой лингвополитической общности внутри ее границ, так и повышение ее роли в мировой политике при помощи распространения испанского языка и культурно-этических ценностей. Лидером и источником испанофонии является Королевство Испания, а поэтому она также может рассматриваться в качестве внешнеполитического ресурса Мадрида для достижения своих интересов внутри ибероамериканского пространства.

Сложившиеся между Испанией и Иberoамерикой отношения могут быть рассмотрены в рамках трех направлений: восстановление системы региональной интеграции, развитие двусторонних отношений, посредничество в выстраивании отношения ЕС-ЛАК.

Вынужденное снижение испанской помощи в политике развития и сокращение испанского присутствия в целом негативно сказалось на интеграционных процессах в регионе. Отчасти это связано с тем, что политические и академические элиты Испании традиционно считают страну лидером ибероамериканского сообщества, а потому с регионом поддерживались скорее эмоциональные отношения, нежели

рациональные. Исторически политические и экономические элиты составляли потомки мигрантов из Испании, однако процессы демократизации привели к власти политиков смешанного происхождения, обладавших более прагматичным отношением к бывшей метрополии, что компенсировалось активизацией других игроков, имевших интересы на латиноамериканском рынке [Яковлев, 2016]. Политика действующего председателя правительства Педро Санчеса основана на изменившейся конъюнктуре, устанавливая связь с новыми элитами при помощи испанофонии: на смену идее великого колониального прошлого, которая использовалась элитами в том числе для маргинализации [Van Klaveren, 1992] общественных слоев, из которых и пришли новые латиноамериканские лидеры, пришла концепция совместного эффективного развития на партнерских основаниях благодаря единому мировоззрению и ценностям.

Основой многостороннего сотрудничества являются Ибероамериканские саммиты, последний из которых состоялся в апреле 2021 г. и был посвящен двум сквозным приоритетам внешней политики Испании, наследуемым из «Белой книги» [Departamento de Seguridad Nacional, 2017]: экологии и борьбы с эпидемиями. Стоит отметить, что проблемы экологии и устойчивого развития являются во многом ключевыми для современной Испании, поскольку она чувствительна к климатическим изменениям, которые могут вызвать опустынивание центральной части и затопление многочисленных прибрежных районов. «Латинская Америка перед лицом проблемы коронавируса» включает программу адаптации региона к ситуации с COVID-19 и механизм эффективной координации ответных мер, государственных политик и ибероамериканского сотрудничества. Ответственным за программу является Испанское агентство по международному сотрудничеству в целях развития, однако экономическая ситуация в стране позволяет сделать вывод, что проект получит свою реализацию лишь после получения Испанией траншей из Фонда ЕС по восстановлению экономики от последствий пандемии.

С точки зрения экологической дипломатии Испания настаивает на продвижении проекта «Зеленый Альянс» с Латинской Америкой, благодаря чему была запущена программа AL-Invest Verde, направленная на финансирование латиноамериканского среднего и малого бизнеса для их перехода на устойчивое производство. Данный проект выгоден

испанскому бизнесу, поскольку в последнее десятилетие институты испаноязычной продвигали имидж страны как технологического и инновационного хаба, а также поддерживали экспорт в ЛАК «зеленых» технологий в области добычи ископаемых и энергетики.

В рамках развития двусторонних отношений приоритетной остается экономическая дипломатия, направленная на сохранение уровня инвестиций. Однако «Стратегия внешнеполитической деятельности» определяет и перечень стратегических партнеров, развитие отношений с которыми позволит Мадриду восстановить влияние региональных организаций (СЕЛАК, Система Центральноамериканской интеграции), а также укрепить позиции испаноязычной в Бразилии и США.

Первой в качестве стратегического партнера следует упомянуть Мексику, в связи с тем, что она не только является крупнейшей испаноязычной страной в мире, но также источником (и перевалочным пунктом) испаноязычных мигрантов в США. С одной стороны, целью Мадрида в данной стране является поддержка испаноязычной, оказавшейся под сильным влиянием англофонии, с другой – сотрудничество с мексиканскими институтами для распространения испаноязычной на территории штатов с высоким присутствием мигрантов. За последние семь лет МИД Испании запустил несколько совместных программ с соответствующими министерствами стран ЛАК, среди которых по своим масштабам выделяется соглашение между Министерством иностранных дел Мексики и Институтом Сервантеса по продвижению испанского языка, в рамках которого планируется открытие совместных центров в Лос-Анджелесе и Сеуле, а также совместных культурных и научных представительств.

Аргентина – страна, с которой Испания обладает наиболее тесными неинституциональными связями поскольку именно там находится крупнейшая испанская община в Латинской Америке. Кроме того, Буэнос-Айрес является ключевым партнером Мадрида в рамках программы «испанизации» Бразилии, которой уделяется большое значение. Возникновение интереса к испанскому языку в Бразилии тесно связано с подписанием в 1991 г. Договора о создании МЕРКОСУР, в котором страны-члены обязуются, в частности, преподавать в учебных учреждениях португальский и испанский языки. В отличие от Аргентины, которая так и не ввела обязательное изучение португальского языка, в Бразилии реализуется несколько государственных

программ как по обучению, так и по подготовке педагогического состава, крупнейшая из них – на основе соглашения с Институтом Сервантеса [Villa, del Valle, 2008].

В связи с тем, что Аргентина представляет третью экономику в регионе, а также является основным конкурентом Бразилии в рамках региональных организаций, таких как МЕРКОСУР, УНАСУР или АЛАДИ, ее поддержка Испании является одной из ключевых в рамках укрепления позиций Испании в ЛАК. Новая «Стратегия внешней политики» предполагает не только усиление механизмов политических консультаций и установление активного отраслевого диалога, но и помощь при вступлении Аргентины в ОЭСР, а также координацию единой политики в рамках G20.

Третьим направлением деятельности Испании в регионе является посредничество в развитии отношения между Европейским союзом и Иberoамерикой. Мадриду необходима ратификация договора об ассоциации МЕРКОСУР-ЕС, процесс по которой планируется завершить в период председательства Испании. Кроме того, необходимо обновление договоров ЕС с Мексикой и Чили [Pérez Herrero, 2020]. Важным фактором в постановке данного вопроса в повестке дня Евросоюза является личная дипломатия Жозепа Борреля, Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности и бывшего Мининдел Педро Санчеса, который неоднократно заявлял о необходимости формирования новых трансатлантических отношений с Латинской Америкой.

В свете глобальных вызовов, стоящих перед мировым сообществом в 2021 г., вакцинация является важным вопросом, на который Испании и ЕС в целом необходимо дать быстрый ответ с учетом растущей роли Китая и России во внедрении своих вакцин на латиноамериканском рынке [Березина, 2021]. Королевство выступает в качестве гаранта распределения доз европейской вакцины на территории стран региона во всех социальных слоях, с учетом большого социального неравенства, присутствующего в некоторых странах ЛАК. В рамках ЕС и международных организаций, в которые она входит, Испания также продвигает участие в коалиции COVAX, которая стремится гарантировать доставку вакцин в беднейшие страны. Благодаря достигнутым договоренностям, с одной стороны, лишние испанские вакцины будут доставляться в нуждающиеся страны, с другой – Испания

будет обеспечивать доступ к вакцине среди стран со средним уровнем дохода в рамках Ибероамериканского сообщества наций.

Потенциал испанофонии как ресурса внешней политики Испании в Латиноамериканском регионе

Анализ показывает, что испанофония обладает большим потенциалом, используемым Мадридом в латиноамериканском регионе.

Во-первых, владение единым языком, а также единой бизнес-культурой, позволяет испанским и латиноамериканским корпорациям осуществлять более эффективное сотрудничество по сравнению с партнерами из других стран. Кроме того, созданный институтами испанофонии имидж Испании как страны прорывных технологий в области экологии и социального развития позволяет ей развивать экспорт соответствующих продуктов и услуг.

Во-вторых, возврат к концепции ибероамериканской идентичности на основе общей истории и культуры, создавшей единый ценностный базис, но на новой платформе равенства и сотрудничества, позволяет социалистическому правительству Педро Санчеса нивелировать ущерб, нанесенный двусторонним и многосторонним отношениям в ЛАК предыдущим председателем Мариано Рахоем. Проактивная позиция Мадрида в программах финансовой и медицинской помощи региону во время пандемии является ключевой для дальнейшего развития механизмов региональной интеграции и закрепления единого лингвополитического пространства.

В-третьих, развитие отношений со стратегическими партнерами в Ибероамерике позволяет Испании расширять ареал испанофонии (и продвигать собственные интересы) в пограничных странах – в первую очередь в Бразилии, но также и в США. Кроме того, их поддержка необходима Мадриду для возрождения основных региональных союзов, потерявших свое значение в последнее десятилетие.

В-четвертых, посредничество Испании в выстраивании отношений ЕС-ЛАК должно привести к стабилизации ситуации в регионе и дальнейшему росту его благосостояния, а потому и росту политического влияния Ибероамерики и Испании как ее представителя в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что испанофония обладает достаточным потенциалом как для консолидации ибероамериканского

сообщества под координацией Мадрида, так и для создания подходящей конъюнктуры для продвижения внешнеполитических интересов Испании при помощи лояльных испаноязычных диаспор.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белозёров В. К. Доктрины и идеологии в системе политических институтов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 24 (684). С. 31–40.
2. Los ejes de la política exterior española // La Moncloa. 2019. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/espana/eh18-19/p exterior/Paginas/ejespolext.aspx> (дата обращения: 01.11.2021).
3. *García Delgado J. L., Alonso J. A., Jiménez J. C.* Valor económico del español: una empresa multinacional. Madrid: Fundación Telefónica, 2012.
4. *Luiña E. F., Nieto J. Z.* América Latina: una agenda de libertad. Madrid: Fundación FAES, 2011.
5. Прохоренко И. Л. Национальный интерес во внешней политике государства. Опыт современной Испании. М.: Паспорт-Графика, 1995.
6. *Русский С. И.* Ибероамериканское сообщество: перспективы в XXI веке // Международные отношения. 2004. № 7. С. 23–35.
7. *Зверева В. С.* Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 171–183. doi.org/10.18384/2310-676X-2019-2-171-183
8. *Яковлев П. П.* Стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки: тенденции и контртенденции // Перспективы. Электронный журнал. 2016. №1 (5). URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/strategicheskoye_partnerstvo_rossii_so_stranami_latinskoj_ameriki_tendencii_i_kontrtendencii_2015-12-28.htm (дата обращения: 01.11.2021).
9. Estrategia de Acción Exterior 2021–2024 // Gobierno de España. 2021. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/ElMinisterioInforma/Documents/ESTRATEGIA%20ACCION%20EXTERIOR%20ESP.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).
10. *Ковалевская Н. В.* Лингвистическое измерение мировой политики: испанофония. Berlin: Golden Mile GmbH, 2013.
11. *Ribas M.* Hispanité, Hispanophonie: étude de la rhétorique des discours et de l'agir: Thèse de doctorat. Montréal, 2012.
12. *Freixoto A.* Minhapátria é a língua portuguesa: a construção da idéia de lusofonia em Portugal. Rio de Janeiro: Apicuri, 2009.
13. *Van Klaveren A.* Entendiendo las políticas exteriores latinoamericanas: modelo para armar // Estudios Internacionales. 1992. № 25 (98). P. 169–216.

14. Estrategia de Seguridad Nacional 2017 // Departamento de Seguridad Nacional. 2017. URL: https://www.dsn.gob.es/sites/dsn/files/Estrategia_de_Seguridad_Nacional_ESN%20Final.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
15. *Villa L., del Valle J.* ¡Oye!: língua e negócio entre o Brasil e a Espanha // *Calidoscópico*. 2008. № 6(1). P. 45–55.
16. *Pérez Herrero P.* Imaginando el Futuro de la asociación de América Latina y el Caribe con la Unión Europea // *Unión Europea y América Latina: Una Asociación Estratégica Para Los Desafíos Globales* / ed. Casanueva H. Marcial Pons, Ediciones Jurídicas y Sociales, 2020. P. 109–132. doi.org/10.2307/j.ctv1grb9fj.13
17. *Березина Е. К.* Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // *Латинская Америка*. 2021. № 9. С. 25–41. doi.org/10.31857/S0044748X0015181-8

REFERENCES

1. Belozarov, V. K. (2013). Doktriny i ideologii v sisteme politicheskikh institutov = Doctrines and ideologies in the system of political institutions. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 24 (684), 31–40. (In Russ.)
2. Los ejes de la política exterior española (2019). La Moncloa. <https://www.lamoncloa.gob.es/espana/eh18-19/p exterior/Paginas/ejespolext.aspx>
3. García Delgado, J. L., Alonso, J. A., Jiménez, J. C. (2012). Valor económico del español: una empresa multinacional. Madrid: Fundación Telefónica.
4. Luiña, E. F., Nieto, J. Z. (2011). América Latina: una agenda de libertad. Madrid: Fundación FAES.
5. Prokhorenko, I. L. (1995). Nacional'nyj interes vo vneshnej politike gosudarstva. Opyt sovremennoj Ispani (National interest in the foreign policy of a State. Experience of modern Spain). Moscow: Pasport-Grafika. (In Russ.)
6. Russky, S. I. (2004). Iberoamerikanskoe soobshhestvo: perspektivy v XXI veke = Ibero-American community: prospects for the XXI century. *International Relations*, 7, 23–35. (In Russ.)
7. Zvereva, V. (2019) China's Presence in Latin America: Present-Day Geopolitical Realities. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2, 23-35. doi.org/10.18384/2310-676X-2019-2-171-183 (In Russ.)
8. Yakovlev, P. P. (2016) Strategicheskoe partnerstvo Rossii so stranami Latinskoj Ameriki: tendencii i kontrtendencii (Russia's Strategic Partnership with Latin American Countries: Trends and Countertrends). *Perspektivy*. Online journal, 1(5). http://www.perspektivy.info/rus/desk/strategicheskoe_partnerstvo_rossii_so_stranami_latinskoj_ameriki_tendencii_i_kontrtendencii_2015-12-28.htm (In Russ.)

9. Estrategia de Acción Exterior 2021–2024 (2021). Gobierno de España. <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/ElMinisterioInforma/Documents/ESTRATEGIA%20ACCION%20EXTERIOR%20ESP.pdf>
10. Kovalevskaia, N. V. (2013). Linguistic Dimension of Global Politics: Hispanophone. Berlin: Golden Mile GmbH. (In Russ.)
11. Ribas, M. (2012). Hispanité, Hispanophonie: étude de la rhétorique des discours et de l'agir: Thèse de doctorat. Montréal.
12. Freixoto, A. (2009). Minhapátria é a língua portuguesa: a construção da idéia de lusofonia em Portugal. Rio de Janeiro: Apicuri.
13. Van Klaveren, A. (1992). Entendiendo las políticas exteriores latinoamericanas: modelo para armar. Estudios Internacionales, 25(98), 169–216.
14. Estrategia de Seguridad Nacional 2017. Departamento de Seguridad Nacional. https://www.dsn.gob.es/sites/dsn/files/Estrategia_de_Seguridad_Nacional_ESN%20Final.pdf
15. Villa, L., del Valle, J. (2008). ¡Oye!: língua e negócio entre o Brasil e a Espanha. Calidoscópico, 6(1), 45–55.
16. Pérez Herrero, P. (2020) Imaginando el Futuro de la asociación de América Latina y el Caribe con la Unión Europea. In Casanueva H. (ed), Unión Europea y América Latina: Una Asociación Estratégica Para Los Desafíos Globales (pp. 109–132). Marcial Pons, Ediciones Jurídicas y Sociales. doi.org/10.2307/j.ctv1grb9fj.13
17. Berezina, E. K. (2021) Russian Public Democracy in Latin America: Specifics and Institutions. Latinskaya Amerika, 9, 25–41. doi.org/10.31857/S0044748X0015181-8

Информация об авторах

Пупышева М. В. – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Pupysheva M. V. – Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Institute of International Relations and Social-Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.10.2021; одобрена после рецензирования 12.11.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 15.10.2021; approved after reviewing 12.11.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Научная статья

УДК 323.173

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_84

ПРОБЛЕМА СЕПАРАТИЗМА И РАДИКАЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАН ПАТТАНИ В ЮЖНОМ ТАИЛАНДЕ

Р. И. Файншмидт

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия, fbromau@gmail.com

Аннотация. В рамках представленной статьи автор исследует проблему сепаратизма в регионе Паттани в южной части Таиланда. Данная тема иллюстрирует сложности взаимоотношений между мусульманским меньшинством, компактно проживающим в рамках определенной территории, и, соответственно, большинством населения страны с его государственными структурами, относящимся к тайской этносу и являющимися буддистами по вероисповеданию. При этом в контексте данного кейса проблема сепаратизма рассматривается вместе с процессом радикализации ислама и формирования отдельных террористических группировок, ассоциированных или напрямую связанных с исламом или исламомизмом. В процессе исследования были использованы: факторный анализ, системный подход, кросс-культурный анализ, методы синтеза, сравнения и статистические методы.

Ключевые слова: Паттани, сепаратизм, радикализация, этнокультурный конфликт, межрелигиозный конфликт, терроризм

Для цитирования: Файншмидт Р. И. Проблема сепаратизма и радикализации мусульман Паттани в южном Таиланде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 84–97. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_84

Original article

THE PROBLEM OF SEPARATISM AND RADICALIZATION OF PATTANI MUSLIMS IN SOUTHERN THAILAND

R. I. Fainshmidt

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russia, fbromau@gmail.com

Abstract. In the framework of the given article, the author explores the problem of separatism in the Pattani region of the southern part of Thailand. This topic illustrates

the complexity of the relationship between the Muslim minority, compactly residing within a certain territory, and, accordingly, the majority of the country's population with its state structures, related to the Thai ethnic group and to Buddhist religion. At the same time, in the context of this case, the problem of separatism is scrutinized together with the process of Muslim radicalization and the formation of separate terrorist groups associated or directly related to Islam or Islamism. The methodology of the research is based upon factor analysis, systematic approach, cross-cultural analysis, synthesis, comparison, and statistical methods.

Key words: Pattani, separatism, radicalization, ethno-cultural conflict, interreligious conflict, terrorism

For citation: Fainshmidt, R. I. (2021). The problem of separatism and radicalization of Pattani Muslims in Southern Thailand. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(844), 84–97. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_84

Юго-Восточная Азия как отдельный субрегион выделяется своим культурным и конфессиональным многообразием: представлены исламские, христианские, буддистские и другие сообщества. В то же время есть страны, в которых заметно деление по этноконфессиональному признаку. Так, в Таиланде в условиях доминирования буддизма (94,6 % всего населения) в южной части страны проживают этнические малайцы Паттани, исповедующие ислам суннитского толка. Малайцев Паттани насчитывают около 1,5 млн человек, они составляют большинство таких провинций, как Наратхиват (80 % от всего населения провинции), Яла (72 %), Сатун (67 %) и Паттани (88 %), а также представлены в Сонгхла (25 %) [Daroueng, 2015, с. 11]. При этом именно на территории данных провинций (кроме пр. Сатун) активно развиваются и радикализируются сепаратистские процессы, направленные на отделение от Таиланда.

Культурный и исторический контекст проблемы Паттани в Таиланде

Рассматривая этнокультурный контекст сепаратизма в регионе Паттани, необходимо отметить родственность малайцев Паттани ряду групп австронезийских народов, в то время как основная часть населения Таиланда говорит на тайском языке и его диалектах, принадлежащих Тай-кадайской семье. Кроме того, несмотря на отсутствие

официальной государственной религии, 94,6 % населения страны являются адептами буддизма, в Конституции от 2017 г. (Секция 67 Глава VI) закреплено особое положение Буддизма Тхеравада и его принципов в общественном развитии, а также необходимость по защите буддистского достояния и традиций. Иначе говоря, малайцы Паттани значительно контрастируют с населением страны как в этническом контексте, так и в религиозном.

Наличие в Таиланде крупной общности со значительно отличающимся этноконфессиональным составом обусловлено историческими причинами, а именно – особенностями формирования территории Сиама в конце XIX – нач. XX вв. Уже с конца XIV в. существовало Королевство Паттани, ставшее позднее султанатом. Султанат находился в вассальной зависимости от Сиама, который не вмешивался в его внутренние дела. Тем не менее Паттани не раз пытался избавиться от полувассальности от своего сюзерена, в том числе и с помощью альянса с португальцами. В 1786 г. войска Сиама заняли территорию Паттани и начали принимать участие в его внутривассальном развитии. Несмотря на ряд административных реформ, в XIX в. Паттани всё равно контролировался местными султанами. Только в 1902 г. в рамках политики централизации (Тхесапхибан) территория включается в состав Сиама и управляется администрацией из столицы. В 1909 г. Сиама и Великобритания подписали Бангкокское соглашение, по которому признавался контроль Сиама над Паттани (провинции Паттани, Наратхиват, Яла и Сонгхла), однако Сиама полностью отказывался от притязаний на другие малайские султанаты.

В течение 1920-х гг. в тайское общество проходит этап растущего национализма, однако у малайцев юга продолжали сохраняться религиозные права, а также традиционные социальные институты (например, исламское право для семейных вопросов). Тем не менее с 1921 г. в регионе распространяются государственные школы, которые местные дети должны были посещать. Обязательным было изучение тайского языка, а также дисциплин на тайском, включая буддийскую этику, преподававшуюся буддистскими монахами. При этом школы должны были стать заменой религиозным школам-интернатам (понохам / пондокам), одной из основ малайской мусульманской идентичности в условиях отсутствия репрезентации и самоуправления. Продвижение государственных школ привело к недовольству местных

жителей, отказывавшихся отправлять туда своих детей. В некоторых местностях это даже привело к столкновениям, например мятеж в Намсаи в 1922 г., после чего темп унификации и «таизации» был значительно замедлен.

В условиях разворачивания тайского национализма при маршале Пибун Сонгкраме, к концу 1930-х, в стране началась активная ассимиляция на основе культурных и социальных норм Центрального Таиланда. Так, в Паттани в госучреждениях запрещалось использование малайского языка и имен, ношение традиционной малайской одежды наказывалось. Кроме того, окончательно отменялось использование исламского права. При этом малайские дети были окончательно переведены в государственные школы, где с они должны были кланяться статуям Будды.

После начала Второй мировой войны в Азии Таиланд связал себя союзом с Японией и аннексировал территории, уступленные англичанам еще в 1909 г., а именно – регион Си Рат Малай. После поражения Японии и перехода власти членам движения Сопrotивления правительство решило вернуть Си Рат Малай обратно Британии. В этих условиях религиозные лидеры Паттани активно продвигали идею о присоединении к Британской Малайи, где практически отсутствовало внешнее вмешательство в культурную и социальную жизнь. Касательно возможности присоединения была налажена коммуникация с британской администрацией в Куала-Лумпуре, однако в итоге был получен отказ.

Несмотря на послевоенные попытки демократических сил способствовать уравниванию прав жителей южных провинций вплоть до возможности формирования федерального формата управления, многие из инициатив оказались непроработанными и нежизнеспособными. После военного переворота в ноябре 1947 г. и возвращения Сонгкрама ряд проектов был отвергнут, а отдельные активисты были отправлены в тюрьму.

В 1948 г. более 250 тыс. малайцев Паттани подписали петицию в адрес ООН о возможности присоединения региона к Малайской Федерации, сформированной в том же году. Данный акт породил волну арестов, спровоцировавших массовые мятежи. Крупнейшим из них стало восстание Дусун Нюр в апреле 1948 г., приведшее к 400 погибших и более 1000 беженцев [Southern Thailand: Insurgency, not

Jihad, URL]. Восстание обусловило объявление джихада со стороны местных религиозных лидеров Паттани – проблема сепаратизма в регионе была окончательно отождествлена с процессом радикализации ислама.

Развёртывание террористической активности в Паттани и действия правительства Таиланда

В конце 1940–1950-х гг. военное правительство пошло на уступки: в судебной системе региона было частично внедрено исламское право, в начальных школах было разрешено преподавание на малайском, а служащим – носить малайскую одежду. Это привело к определенному снижению социальной напряженности. Тем не менее поскольку данные шаги внедрялись непоследовательно и не устраивали местное духовенство Паттани, активизировались организации, продвигавшие идеи объединения с Малайей. К середине 1950-х гг. эти организации ослабли и распались на более мелкие фрагментированные группы. В 1959 г. появляется первая вооруженная группировка – Национальный фронт освобождения Паттани (BNPP). В течение 1960–1970-х гг. к ней присоединяются Национальный революционный фронт (BRN, создан в 1963), Объединенная организация освобождения Паттани (PULO, 1968), Саибиллиах (сер. 1970-х гг., исчезла в 1977 г.), Исламское движение Паттани (GIP), Черный декабрь 1902 г., Объединенное движение за свободу Паттани (PKPB, 1969).

Увеличение числа группировок шло с ростом террористической активности в течение 1960–1970-х гг. Объектами нападений становились госучреждения (полицейские участки и школы). Кроме того, их деятельность сопровождалась вымогательствами у крупных бизнесменов тайского и китайского происхождения, а также похищениями с целью выкупа. К концу 1970-х гг. около 1000 человек в регионе Паттани являлись членами террористических группировок [Ladd Thomas, 1989, с. 28].

В ответ на рост терроризма правительство использовало военные операции и спецназ, однако с приходом к власти в 1980 П. Тинсулана была начата новая политика «Тай Ром Йен» («Юг в прохладной тени»), включавшая масштабную амнистию политических заключенных и сепаратистов. Кроме того, в ее рамках приоритет отдавался

социально-экономической инфраструктуре региона: проведение электричества и водоснабжения; запуск дорожных сетей и программ развития. Отдельно следует выделить усилия по созданию институтов взаимодействия и укрепления доверия между тайцами и малайцами. Например, Административный центр по южным приграничным провинциям (SBPAC) продвигал политическую децентрализацию в сочетании с активным политическим участием малайцев, стремился повысить эффективность управления регионом, а также бороться с коррупцией и с предубеждениями в отношении малайцев. Более того, Центр организовывал семинары для религиозных лидеров и учителей для обсуждения локальных проблем. Отдельной инициативой стало создание Объединенного штаба гражданской полиции и вооруженных сил (СРМ-43) для искоренения внесудебных наказаний. В дополнение важно подчеркнуть одобрение строительства новых понохов, что привлекло поддержку со стороны религиозных кругов.

Политические и социально-экономические меры значительно повлияли на снижение социальной напряженности и улучшение межэтнической коммуникации в регионе. Количество терактов и бойцов заметно сократились, отчасти из-за появления постоянной работы и более высокой зарплаты благодаря программам развития. Уже в середине 1990-х гг. бывший министр иностранных дел С. Питсуван утверждал о близости к полному разрешению конфликта: «...малайские мусульмане интегрируются в тайское общество через своих парламентских представителей; они становятся партнерами в социальном контракте» [Dubus, 1994, с. 56]. Тем не менее, несмотря на значительное улучшение ситуации в Паттани, конфликт не был исчерпан, а культурные права малайцев не могли быть реализованы в полной мере ввиду особенностей законодательства.

В течение 1990-х гг. активность террористических организаций шла на спад, однако местные группировки стали активно радикализироваться. Кроме того, в 1995 г. появилось Исламское движение муджахидов Паттани (GMIP), а от группировки PULO отделился ряд влиятельных боевиков, сформировавших организацию New PULO. Наконец, в конце 1990–2000-х появились так называемые Малые патрульные подразделения (РКК).

Следует также добавить, что в 1989 г. была создана зонтичная организация «Bersatu», по факту являвшаяся слабокоординируемой

коалицией между наиболее крупными террористическими организациями Паттани, как BRN, PULO, BNPP-BIPP, а в 1997 г. ее активность была возобновлена с добавлением GMIP и New PULO.

Радикализация может быть объяснена тремя взаимосвязанными причинами, а именно: укрепившимися связями с международным терроризмом, возросшей поддержкой из-за рубежа, а также общерегиональным трендом радикализации и исламизации террористических группировок. В условиях разрастания сетей международного терроризма (например, Аль-Каида) местные террористические группировки получили возможность проходить тренировку на специализированных тренировочных базах (например, в Афганистане): например, основатель GMIP Насори Саесаенг проходил подготовку в Ливии и участвовал в боевых действиях в Афганистане на стороне афганских муджахидов. Кроме того, именно Н. Саесаенг потребовал формирования Исламского государства на территории Большого Паттани и заявил о поддержке Аль-Каиды [Harish, 2006, с. 57].

Если говорить о второй причине, а именно, о помощи и вмешательстве из-за рубежа, то здесь нужно подчеркнуть возможность финансировать строительство и работу понохов, мусульманских колледжей, мечетей, в том числе, посредством международного капитала. Именно в течение 1980-х г. эта опция была предоставлена правительством Тинсуланона и рассматривалась в качестве одной из основ политики примирения. К 1990-м г. активизировалось финансирование из стран Ближнего Востока (Саудовской Аравии и ОАЭ) и Пакистана на изучение салафитских и ваххабитских учений [Chalk, 2008, с. 13]. Из числа влиятельных религиозных деятелей региона Паттани, имевших связи с международным терроризмом, можно выделить Исмаила Яралонга. Количество религиозных учебных заведений, преподававших радикальные исламистские учения, к 2004 г. было около 50 на три провинции региона Паттани. Тем не менее специалист по терроризму в ЮВА П. Чок подчёркивает, что, несмотря на финансирование и влияние из Саудовской Аравии, местные члены террористических группировок, прежде всего, руководствуются собственной локальной этнорелигиозной идентичностью, приверженность к которой отделяет местных боевиков от продвижения широкой региональной или глобальной исламистской повестки или присоединения к ней [Chalk, 2008, с. 20].

Третья причина касается тренда исламизации сепаратистских и радикализации религиозных движений в ЮВА в течение 1990-х гг., иллюстрируемого активным распространением исламистских группировок, например, «Абу Сайяф» и «Группировка Мауте» с юга Филиппин; Джемаа Исламия из Индонезии и ряд других террористических сообществ.

Радикализация и эскалация конфликта в Паттани в XXI веке

Новый виток эскалации конфликта и вооруженного противостояния связан с именем премьер-министра Т. Чиннавата с 2001 по 2006 гг. Именно в период его правления Паттани стал одним из центров политической борьбы: Т. Чиннават, будучи политически связанным с регионом Северного Таиланда (Чиангмай), пытался заполучить и усилить влияние на самый политически обособленный регион, находившийся под влиянием Демократической партии (под контролем Ч. Ликпаи) и военных (контроль П. Тинсуланона). С целью ослабления сил оппозиции в провинциях Паттани и усиления процессов политической централизации Т. Чиннават уже в мае 2002 г. упразднил SBPAC и СРМ-43, ответственные за стабильную коммуникацию центральной власти и местных религиозных сил.

Дополнительным инструментом борьбы за влияние в регионе стала объявленная в масштабах всей страны война с наркотиками, которая дала полиции дополнительные полномочия, включавшие внесудебные разбирательства и ликвидацию лиц, связанных с контрабандой и распространением наркотиков. На территории трех южных провинций Таиланда полиция ориентировалась на местных жителей, связанных с отдельными группами Королевской армии, включая осведомителей и религиозных деятелей. При этом полиция в период с 2001 по 2003 гг. также становилась жертвой нападений со стороны местных жителей и членов террористических организаций (с 50 случаев в 2001 г. до 119 инцидентов – в 2003 г. [Southern Thailand: Insurgency, not Jihad, URL]).

При анализе динамики конфликта в XXI в. следует отметить, что в экономическом плане регион оставался достаточно отсталым. Это в условиях концентрации активов и ресурсов в Бангкоке сохраняло определённый уровень социальной напряженности и могло быть

катализатором конфликта в условиях осложнения отношений между центром и регионом. Так, в 1999 г. подушевой показатель ВВП в Таиланде в среднем составлял 74 675 батов (2000 USD), в Бангкоке – 229 тыс. батов (6000 USD), а в провинции Наратхиват – 29 тыс. батов (750 USD), Яла – 39 523 бата (1000 USD) и в Паттани – более 50 тыс. бат (1300 USD) [Thailand Human Development Report, 2003, с. 126]. Иначе говоря, подушевой доход в провинциях региона Паттани был значительно ниже, чем в среднем по стране, не говоря уже о столичном регионе.

Активизация неконтролируемого насилия в регионе привела к разграблению военной базы в Наратхивате 4 января 2004 г., где малайские боевики получили пистолеты, штурмовые винтовки, пулеметы и гранатометы. В ответ на это премьер-министр объявил о вводе военного положения в Наратхивате, Яле и Паттани. В течение 2004 г. в регионе распространились теракты в форме поджогов госучреждений, размещения взрывчатки в публичных местах, убийств полицейских, учителей, ученых, активистов, судей, продавцов свинины и буддистских монахов.

В то же время наиболее громкими в 2004 г. стали два инцидента, отличавшиеся массовым подавлением сепаратистов и их сторонников силами центральной власти: штурм мечети Круе Се (было ликвидировано более 100 повстанцев) и подавление протестов в Так-Баи (убиты 84 демонстранта). Премьер-министр объявил в качестве причины массовой гибели в Так-Баи слабость организма мусульман из-за соблюдения поста, что было раскритиковано и в Таиланде, и за рубежом. Позднее Т. Чиннават выразил соболезнования и пообещал начать расследование, однако, несмотря на официальные извинения следующего премьер-министра С. Чуланонта и выплату компенсаций, виновные не были найдены.

Военное положение, объявленное 5 января 2004 г., до сих пор в силе, и за 17 лет (на 15.02.2021) в трех провинциях произошло около 20 900 терактов, были убиты более 7200 человек и около 13 500 получили ранения различной степени тяжести, учитывая, что в регионе на 2019 было задействовано около 70 тыс. солдат и 20 тыс. полицейских [Summary of Incidents, URL; Ahmad, URL]. Кроме того, по данным Организации JASAD, около 13 тыс. человек за данный период было арестовано по подозрению в сотрудничестве с террористами [Gozali Idrus, URL].

Попытки провести переговоры между вовлеченными в конфликт сторонами, а именно – между представителями центральной власти и отдельными группировками, выступавшими за независимость Паттани, начались еще в 2004 г. Так, уже в мае лидер отмеченной ранее коалиции «Bersatu» Ван КаDIR Че Ман связался с министром обороны Ч. Танаджаро. В рамках переговоров Ван КаDIR отметил, что Организация готова отказаться от претензий на отделение региона Паттани от Таиланда, получив автономию в составе страны с предоставлением широких политических прав малайцам. Тем не менее Ван КаDIR не имел влияния на молодые террористические организации и новое поколение боевиков, поэтому с ним переговоры были завершены. Попытки переговоров при поддержке Малайзии были предприняты после государственного переворота 2006 г. и прихода премьер-министра С. Чуланонта, принёсшего извинения мусульманам Паттани за жесткие подавления. В 2013 были организованы переговоры между представителями премьер-министра Й. Чиннават и BRN. Переговоры в итоге были «заморожены» из-за активизировавшегося в Бангкоке политического кризиса, и только в 2020 г., при руководстве П. Чан-Оча, они были возобновлены с участием официальных наблюдателей от Германии и Швейцарии.

Необходимо отметить, что 25 октября 2014 г. со стороны сепаратистских групп появилась коалиция МАРА Паттани, включающая в себя повстанцев, заинтересованных в разрешении конфликта. В составе коалиции есть представители от BRN, BNPP/BIPP, три фракции PULO и GMIP. Тем не менее, сепаратистские и террористические группировки Паттани по-прежнему остаются крайне разобщёнными, что значительно затрудняет урегулирование конфликта.

Отдельно следует выделить специальную Комиссию по национальному примирению (NRC), созданную в марте 2005 г., состоявшую из 48 экспертов и политиков и подготовившую доклад «Преодоление насилия с помощью силы примирения», где критиковались действия Т. Чиннавата, приведшие к значительному ухудшению ситуации в регионе и потере контроля [Overcoming Violence, URL]. Также в нем были даны рекомендации по разрешению кризиса через формирование трех институтов: Стратегического административного центра по миротворчеству в южных приграничных провинциях, Совета по развитию южных приграничных провинций и Фонда восстановления

и примирения. Отдельно рекомендовалось внедрение исламского права, признание малайского вторым официальным и рабочим языком в регионе (изучение в школе, использование в делопроизводстве, создание местных медиа). Несмотря на соответствие ряда рекомендаций требованиям сепаратистов, данная программа критиковалась, прежде всего, П. Тинсуланом, негативно воспринявшим вопрос о языке.

Заключение

Сепаратизм на юге Таиланда обуславливается историческими причинами и значительными этноконфессиональными различиями, которые в течение более 100 лет не были искоренены. Напротив, эти различия способствовали формированию и развитию собственной идентичности у малайских мусульман, контрастировавшей с тайской национальной идентичностью: главные аспекты тайской культуры (буддизм и тайский язык) противоречили основным компонентам идентичности малайцев (ислам и малайский язык). При этом кризис назрел как результат попытки властей насильно «таизировать» местное население в течение 1930–1940-х в ходе националистической политики П. Сонгкрама, что привело к запросу на присоединение к Малайской Федерации и последующей радикализации, когда запрос был отвергнут.

Сохранявшаяся в течение 1950–1970-х гг. напряженность в регионе была практически ликвидирована в условиях реализации политики П. Тинсуланона «Тай Ром Йен» благодаря усилению политической репрезентации малайских мусульман, организации частичной автономии, массовой амнистии, предоставлению работы в рамках проектов развития и улучшению социально-экономических условий. Тем не менее программа не смогла полностью искоренить недовольство отдельных групп. В то же время стратегия Т. Чиннавата по демонтажу институтов «Тай Ром Йен» в начале 2000-х гг. с целью усиления собственной власти и централизации управления привела к эскалации конфликта ввиду экономического отставания региона и решения вопроса терроризма исключительно жесткими силовыми методами. В условиях военного положения, в регионе происходят точечные теракты, а мирные переговоры проводились редко и пока не привели к видимым результатам из-за регулярных политических кризисов и крайней разобщенности сепаратистских групп.

Следует при этом отметить, что местные террористические организации можно обозначить как в значительной мере сепаратистские, т. е. направленные на создание автономии или отдельного государства, в котором основой будут мусульманские традиции и использование малайского языка. Тем не менее, в регионе на данный момент отсутствуют организации, руководствующиеся джихадистской идеологией и связанные с организациями международного терроризма. Напротив, несмотря на финансирование и влияние Саудовской Аравии посредством строительства школ и гранты, местные религиозные лидеры и повстанцы, прежде всего, характеризуются наличием собственной локальной этнорелигиозной идентичности малайского мусульманина Паттани, способствующей отмежеванию от повестки международного исламского терроризма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Daroueng P.* Conflict-management in Betong district-Managing differences in the context of Southern Thailand insurgency violence// In: No More Guns: Documenting Local Conflict Resolution Initiatives in Select Asian Communities/ Ed. by Rosalie Arcala Hall. Iloilo: University of the Philippines Visayas Miagao, 2015. P. 11–22.
2. Southern Thailand: Insurgency, not Jihad/ Crisis Group Asia Report N°98// International Crisis group report. 18 May 2005. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/10752/098_southern_thailand.pdf (дата обращения: 18.02.2021).
3. Ladd Thomas M., “Thai Muslim Separatism in South Thailand”, in *The Muslims of Thailand*, Vol. 2, eds, Andrew D. W. Forbes (general editor) and Sachchidanand Sahai, Gaya, India: Center for South East Asian Studies, 1989. (дата обращения: 18.02.2021).
4. Dubus A. Musulmans malais, Thaïs bouddhistes: vers quelle cohabitation? // *Musulmans d’Asie, Cahiers de l’Orient* (Paris). Third Quarter 1994. No. 35. P. 41–56.
5. Harish S.P. Ethnic or Religious Cleavage? Investigating the Nature of the Conflict in Southern Thailand// *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs* Vol. 28/1. April 2006. P. 48–69.
6. Chalk P. The Malay-Muslim Insurgency in Southern Thailand. Understanding the Conflict’s Evolving Dynamic // RAND Corporation – National Defense Research Institute, 2008. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP198.pdf (дата обращения: 18.02.2021).
7. Southern Thailand: Insurgency, not Jihad/ Crisis Group Asia Report N°98// International Crisis group report. 18 May 2005. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/10752/098_southern_thailand.pdf (дата обращения: 18.02.2021).

8. Thailand Human Development Report// UNDP – United Nations Development Programme. 2003. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/thailand_2003_en.pdf (дата обращения: 18.02.2021).
9. Summary of Incidents in Southern Thailand// Deep South Watch Database. February 15, 2021. <https://dswdatabase.info/wp-content/uploads/2021/03/20210216-DATASHEET-JAN-ENG.pdf> (дата обращения: 18.02.2021).
10. Gozali Idrus P. Southern Thailand: Heartbreak of martial law// Anadolu Agency. 02.10.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/southern-thailand-heartbreak-of-martial-law/1599896> (дата обращения: 18.02.2021).
11. Ahmad M. Army Chief in Thai Deep South Defends Martial Law to Thwart Rebel Attacks// Benar News – Malaysia. 07.11.2019. URL: <https://www.benarnews.org/english/news/thai/thailand-insurgents-11072019173859.html> (дата обращения: 18.02.2021).
12. Overcoming Violence Through the Power of Reconciliation: Report of the National Reconciliation Commission (NRC)// Report of the National Reconciliation Commission. 2006. URL: <https://chaisuk.files.wordpress.com/2008/09/nrcreport-eng1.pdf> (дата обращения: 18.02.2021).

REFERENCES

1. Daroueng, P. Conflict-management in Betong district-Managing differences in the context of Southern Thailand insurgency violence// In: No More Guns: Documenting Local Conflict Resolution Initiatives in Select Asian Communities/ Ed. by Rosalie Arcala Hall. Iloilo: University of the Philippines Visayas Miagao, 2015. P. 11–22.
2. Southern Thailand: Insurgency, not Jihad/ Crisis Group Asia Report N°98// International Crisis group report. 18 May 2005. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/10752/098_southern_thailand.pdf.
3. Ladd, Thomas M. “Thai Muslim Separatism in South Thailand”, in *The Muslims of Thailand*, Vol. 2, eds, Andrew D. W. Forbes (general editor) and Sachchidanand Sahai, Gaya, India: Center for South East Asian Studies, 1989.
4. Dubus, A. Musulmans malais, Thaïs bouddhistes: vers quelle cohabitation? // *Musulmans d’Asie*, Cahiers de l’Orient (Paris). Third Quarter 1994. No. 35. P. 41–56.
5. Harish, S. P. Ethnic or Religious Cleavage? Investigating the Nature of the Conflict in Southern Thailand// *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs* Vol. 28/1. April 2006. P. 48–69.
6. Chalk, P. The Malay-Muslim Insurgency in Southern Thailand. Understanding the Conflict’s Evolving Dynamic// RAND Corporation – National Defense Research Institute, 2008. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP198.pdf.

7. Southern Thailand: Insurgency, not Jihad/ Crisis Group Asia Report N°98// International Crisis group report. 18 May 2005. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/10752/098_southern_thailand.pdf.
8. Thailand Human Development Report// UNDP – United Nations Development Programme. 2003. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/thailand_2003_en.pdf.
9. Summary of Incidents in Southern Thailand // Deep South Watch Database. February 15, 2021. <https://dswdatabase.info/wp-content/uploads/2021/03/20210216-DATASHEET-JAN-ENG.pdf>.
10. Gozali, Idrus P. Southern Thailand: Heartbreak of martial law// Anadolu Agency. 02.10.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/southern-thailand-heartbreak-of-martial-law/1599896>.
11. Ahmad, M. Army Chief in Thai Deep South Defends Martial Law to Thwart Rebel Attacks// Benar News – Malaysia. 07.11.2019. URL: <https://www.benarnews.org/english/news/thai/thailand-insurgents-11072019173859.html>.
12. Overcoming Violence Through the Power of Reconciliation: Report of the National Reconciliation Commission (NRC)// Report of the National Reconciliation Commission. 2006. URL: <https://chaisuk.files.wordpress.com/2008/09/nrcreport-eng1.pdf>

Информация об авторах

Файншмидт Р. И. – аспирант Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Information about the authors

Fainshmidt R. I. – postgraduate student, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Статья поступила в редакцию 29.03.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 04.11.2021.

The article was submitted 29.03.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 04.11.2021.

Научная статья

УДК 327.51; 327.88

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_98

**ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ
В ПРОЦЕССЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Д. Л. Цыбаков

Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия
d413839@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования потенциала международных политических коммуникаций в процессе милитаризации международных отношений в начале XXI столетия. Автор рассматривает этапы милитаризации политических отношений на постсоветском пространстве в период 1990–2000-х гг. и характеризует каждый из них. Анализируется роль политико-коммуникационного обмена в формировании и реализации милитаристских стратегий стран Запада в ареале ближнего зарубежья России. Характерной чертой использования политико-коммуникационного ресурса США и их союзниками признается стирание граней между директивными и диалоговыми формами информационного обмена во втором десятилетии XXI в. Доктринальное закрепление ревизии понятийного аппарата политических коммуникаций в странах НАТО и Европейского союза происходило последовательно и зависело от особенностей развития международных отношений в постсоветском геополитическом регионе и в мире в целом. Обосновывается, что в ходе нарастания военно-политического экспансионизма атлантических институтов в ближнем зарубежье России происходит трансформация традиционных технологий политической коммуникации в форме «мягкой силы» и «публичной дипломатии». Имеет место декларируемая на доктринальном уровне их переориентация на продвижение целей концепта «стратегической пропаганды», при помощи которой создаются вызовы и угрозы российским интересам в сфере политико-коммуникационного обмена на пространстве бывшего СССР. Последние проявляются в попытках США и их союзников добиться международной изоляции России и нарушить систему ее политических коммуникаций с союзниками по ОДКБ.

Ключевые слова: Европейский союз, Международные политические коммуникации, милитаризация, НАТО, ОДКБ, постсоветское пространство, стратегическая коммуникация

Для цитирования: Цыбаков Д. Л. Фактор политических коммуникаций в процессе милитаризации постсоветского пространства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 98–111. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_98

Original article

THE FACTOR OF POLITICAL COMMUNICATIONS IN THE PROCESS OF MILITARIZATION OF THE POST-SOVIET SPACE

D. L. Tsybakov

Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Khimki, Russia, d413839@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of using the potential of international political communications in the process of militarization of international relations at the beginning of the XXI century. The author examines the stages of militarization of political relations in the post-Soviet space in the period of the 1990s-2000s and characterizes each of them. The role of political and communication exchange in the formation and implementation of militaristic strategies of Western countries in the area of Russia's near abroad is analyzed. A characteristic feature of the use of the political and communication resource of the United States and its allies is the blurring of the lines between directive and dialog forms of information exchange in the second decade of the XXI century. The doctrinal consolidation of the revision of the conceptual apparatus of political communications in the countries of NATO and the European Union occurred consistently and depended on the peculiarities of the development of international relations in the post-Soviet geopolitical region and in the world as a whole. It is proved that in the course of the growing military-political expansionism of the Atlantic institutions in the near abroad of Russia, the transformation of traditional technologies of political communication in the form of "soft power" and "public diplomacy" is taking place. There is a doctrinally declared reorientation of them to promote the goals of the concept of "strategic propaganda", which creates challenges and threats to Russian interests in the field of political and communication exchange in the former USSR. The latter are manifested in attempts by the United States and its allies to achieve international isolation of Russia and disrupt the system of its political communications with its CSTO allies.

Key words: European Union, International political communications, militarization, NATO, CSTO, post-Soviet space, strategic communication

For citation: Tsybakov, D. L. (2021). The factor of political communications in the process of militarization of the post-Soviet space. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(844), 98–111. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_98

Введение

Мировое сообщество в XXI столетии продолжает развиваться в условиях нового этапа милитаризации международных отношений.

Как указывал на пороге XXI столетия академик В. Серебрянников, в постбиполярном мире вероятно начало новой милитаризации международных отношений, которая неизбежно затронет и страны СНГ [Серебрянников, Дерюгин, 1996, с. 232]. Возможность военной политики проникать во все новые сферы социальной действительности констатируется не только в научных разработках, но и в созданных на их основе методологических определениях, согласно которым милитаризация – это не только результат взаимодействия прямо относимых к искусству войны принципов, методов и инструментов, но и итог взаимовлияния опосредованно относящихся к военному делу продуктов интеллектуальной и творческой деятельности. Поэтому закономерно предположить, что достижения научно-технологического прогресса в сфере развития политических коммуникаций неизбежно окажутся в орбите стратегий современного милитаризма. Ученые признают, что к международной коммуникации относятся и специфические информационные процессы воздействия и взаимодействия, которые возникают при подготовке и в ходе военных конфликтов [Белозеров, 2020, с. 180].

Поэтому тема взаимодействия международных политических коммуникаций и современного милитаризма представляется весьма перспективной и в контексте анализа развития международных отношений на постсоветском пространстве. События, происходящие в ближнем зарубежье России – вооруженный конфликт на Донбассе, вторая Карабахская война, политическая дестабилизация подавляющего большинства государств – членов ОДКБ – Армении, Белоруссии, Киргизии, наглядно свидетельствуют о возрастании значения политико-коммуникационного фактора в эскалации военно-политической напряженности в зоне стратегических национальных интересов нашей страны.

Этапы милитаризации постсоветского пространства

Постсоветское пространство, под которым в настоящей работе понимается территориально-политический ареал бывшего СССР, включая страны СНГ и Балтии, с самого начала оформления своей геополитической конфигурации испытывало на себе воздействие процесса феномена милитаризма – фактически суверенизация новых независимых

государств и милитаризация их внутренней и внешней политики неразрывно связаны друг с другом. Причем последний процесс проходил весьма противоречиво и сочетал в себе как умножение числа военных организаций, так и массовое сокращение вооружений, уменьшения численности регулярных армий, конверсию оборонно-промышленного комплекса, ядерное разоружение Украины, Белоруссии и Казахстана, отказ от производства других видов оружия массового поражения. Однако параллельно с этим во многих постсоветских республиках возрождались архаичные проявления политического насилия в форме парамилитарных и иррегулярных формирований, которые и стали основными участниками вооруженных конфликтов периода 1990-х гг.

Социальные противоречия, как в столицах новых независимых государств, так и на их национальных окраинах, разрешались насильственным путем, что вызвало череду этноконфессиональных конфликтов и государственных мятежей. К началу XXI столетия практически все они были так или иначе локализованы с преобладающим участием миротворческой политики Российской Федерации – так был завершен первый этап милитаризации постсоветского геополитического региона.

Однако на смену ему вскоре пришел второй этап, обремененный своим возникновением началом активной военно-политической экспансии атлантических держав на пространстве СНГ и Балтии. Уже не будучи отвлечены, как это было в 1990-е гг., на балканский кризис, США и их союзники по НАТО под предлогом борьбы с международным терроризмом приступили к последовательному продвижению ряда проектов военно-политической интеграции республик бывшего СССР. Именно на этом этапе ими были широко задействованы технологии и методы политической коммуникации, что позволило атлантистам наладить эффективный диалог с постсоветскими политическими элитами и рядом гражданских институтов, большинство из которых было прямо создано по инициативе из-за рубежа. В указанное время пространство СНГ охватывают так называемые цветные революции, катализатором которых выступают разветвленные и устойчивые сети политических коммуникаций.

Показательно, что на фоне перманентных политических кризисов и потрясений, один за другим охватывавших столицы новых независимых государств, Организация Североатлантического договора через

каналы политических коммуникаций преподносила себя в качестве силового ресурса мировой демократизации и монополиста (в союзе с США) поддержания коллективной безопасности в Восточной Европе. Магистральной линией пронатовской пропаганды в тот период выступала корректировка имиджа этой Организации. Теперь НАТО преподносилась не как военный БЛОК, а как международный союз, объединенный на основе так называемого Альянса ценностей, предназначенного для борьбы за идеалы либеральной демократии.

В большинстве постсоветских стран тогда же постепенно преодолеваются реликтовые вариации милитаризма. Значительную роль в этом для государств-участников ОДКБ сыграли политические коммуникации с Российской Федерацией, тогда как другие республики, чем дальше, тем больше укрепляли свою ориентацию на идеи евроатлантизма. Специфическим видом международных политических коммуникаций становится вовлечение вооруженных сил некоторых стран СНГ в вооруженные конфликты за пределами постсоветского региона, когда под эгидой ООН или НАТО они принимали активное участие в поддержании международных оккупационных режимов в Ираке и в Косово, а украинские миротворцы в нарушение мандата ООН в 2013 г. отметились в военных действиях в Кот-д'Ивуаре.

Наивысшей точкой этого периода стало принятие в Североатлантический союз прибалтийских государств, а также всеобъемлющая милитаризация политики Грузии, приведшая в итоге к «олимпийской войне» 2008 г. Проявленная российской стороной политическая воля, сорвала принятие в НАТО Украины, Молдавии и Грузии, что перевело милитарную стратегию атлантических институтов в более последовательный и косвенный по своему внешнему выражению формат.

В период 2008–2014 гг. на основе дальнейшего внедрения подконтрольных информационных каналов и ресурсов США и Европейский союз прочно закрепили свое влияние в политических системах новых независимых постсоветских государств, включая и установление тесных и регулярных контактов с их генералитетом и специальными службами. Уверенность в эффективности политической коммуникации Запада с постсоветскими политическими элитами и гражданскими сообществами спровоцировала антироссийский по своим целям государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г, обернувшийся масштабным международным кризисом. Воссоединение Российской

Федерации и Крыма, а также Гражданская война на Донбассе вызвали открытую конфронтацию по линии Запад–Россия, которая положила начало новому этапу милитаризации постсоветского пространства.

Политико-коммуникационное обеспечение современной милитаризации

Отметим, что на первом этапе милитаризации постсоветского пространства, политическая коммуникация со стороны лидеров пост-биполярного мира не носила императивного характера. В 1990-х – начале 2000-х гг. информационная стратегия большинства стран Запада в отношении России и новых независимых государств СНГ являлась относительно умеренной и склонной к диалогу. Фактически не эксплуатировался «образ врага», акцент делался на продвижение позитивного образа НАТО и атлантической цивилизации в международном общественном мнении.

Доминирование публичной дипломатии в политической коммуникации Североатлантического союза, предполагало примат двустороннего диалога, партнерства и «мягкой силы» [Филимонов, Цатурян, 2012, с. 21]. Однако в связи с укреплением исламского фундаментализма в 2011–2013 гг., кризиса вокруг Украины, американо-китайской конфронтации был восстановлен приоритет пропагандистских стратегий НАТО в международном коммуникационном обмене. Причем негативная коннотация термина «пропаганда» был заретуширован термином «стратегическая коммуникация». Этот вариант международных пропагандистских стратегий в экспертной литературе называют также диалоговой пропагандой.

После международного кризиса 2014 г. происходит реформа системы субъектов политико-коммуникационного обмена США. Согласно Стратегии публичной дипломатии США от 2015 г. принципиально трансформируется концепт «мягкой силы». Для чего был создан орган специальной компетенции – Агентство, предназначенное для развития международных коммуникаций.

Теперь именно оно должно координировать деятельность всех субъектов, занятых в этом секторе, включая шесть отделов Государственного департамента, два подразделения Президентской администрации, около 15 отделов Министерства обороны и ЦРУ, а также 12 национальных радио- и телеканалов [Цветкова, 2015, с. 121].

Характерной чертой использования политико-коммуникационного ресурса в целях экспансионистской политики признаем стирание граней между директивными и диалоговыми формами информационного обмена во втором десятилетии XXI века. Например, такой основанный на прямом воздействии на контрагента формат как «психологические операции», первоначально предусматривался для военного времени. Тогда как «общественная дипломатия» и «связи с общественностью» признавались в качестве универсальных средств коммуникации с государственными и, в первую очередь – с гражданскими институтами. Однако в США после 2003 г. было документально подтверждено снятие запретов на использование сведений из арсенала психологических операций в национальном медийном пространстве. Оказалось, легитимизировано прямое воздействие на массовое политическое сознание граждан США, не говоря уже об аудитории союзных им или нейтральных государств. Причем оказались расширены не только пространственно-политические границы «психологических операций», но и их временные рамки: полномасштабные пропагандистские акции отныне начинаются еще в период внешне открытых и партнерских отношений с потенциальным противником.

Доктринальное закрепление ревизии понятийного аппарата политических коммуникаций прошло ряд этапов: от выхода в свет «Объединенной доктрины информационных операций» 1998 г., введшей в оборот дефиницию «стратегическая информационная борьба», до принятой Пентагоном «Дорожной карты стратегической пропаганды» 2006 года.

Последними по времени тенденциями привлечения политических коммуникаций для целей милитаризации политики, следует назвать отход от глобального масштаба проводимых информационно-пропагандистских акций. В 2000-е гг. таковые концентрируются на региональной сфере международной безопасности. Ключевыми точками приложения информационно-психологических стратегий атлантических институтов признаны Ближний Восток и постсоветское пространство, а также страны, где отмечается усиление идеологических позиций или культурного влияния России. Определены доминирующие категории воздействия внешней пропаганды, к которым причислена как мусульманская молодежь, так и молодежь, владеющая русским языком. В связи с чем именно языки народов ближнего

зарубежья России и стран Ближнего и Среднего Востока провозглашены в качестве объектов пропагандистских стратегий США и их союзников.

После кризиса международных отношений периода 2014–2015 гг. с их стороны существенно активизировалось проведение информационных кампаний в отношении национальных правительств и государственных коалиций. Было на порядок увеличено количество подразделений ведения пропаганды – более 50 новых субъектов. Например, в функции военных ведомств, практически всех стран НАТО были включены мониторинг мирового медийного пространства, глобальной блогосферы и проведение информационных кампаний. Концептуальные документ Североатлантического союза предусматривают использование информационных и информационно-психологических средств и технологий для вмешательства в принятие управленческих решений органами власти суверенных государств, ведение контрпропаганды против других стран, контроль над транснациональным киберпространством.

Весьма показателен подготовленный в 2019 г. корпорацией РЭНД документ под «Изматывание и разбалансировку России», содержащий конкретные предложения для использования политических коммуникаций для дестабилизации внутренней ситуации в Российской Федерации и для ограничения ее международного влияния. По первому направлению планируется подорвать доверие к российской избирательной системе, акцентировать общественное внимание на коррупционных проявлениях, поддерживать протестные движения с целью делегитимации правящего режима. По второму направлению намечается разрушение международного имиджа России, а также использование политических коммуникаций для «либерализации» Белоруссии, геополитической переориентации Приднестровья, поощрения политико-экономической конкуренции с Российской Федерацией в Закавказье и Центральной Азии.

Помимо государств концепции политической коммуникации используются и в политике милитаризации наднациональных международных организаций – прежде всего Североатлантического союза. Основными доктринальными документами НАТО в этой сфере являются Концепция стратегической пропаганды и Доктрина психологических операций. Систему организации политической коммуникации

Североатлантического альянса составляют управление его секретариата, работающее в области публичной дипломатии и Комитет по общественной дипломатии. Конкретными технологиями, которые используются в коммуникационной сфере, выступают: общественная дипломатия, информационные операции, психологические операции, связи с общественностью, а также военно-гражданское взаимодействие.

Другим отличием концепций блока НАТО по отношению к подходу военного ведомства США к организации информационно-психологической борьбы является выделение последнего из перечисленных направлений. Оно не включено в формат действий «стратегической пропаганды», представляя собой самостоятельный, но тесно связанный с пропагандистскими операциями военно-политического блока сектор косвенного и опосредованного политического политико-коммуникационного обмена. Контрагентом военно-гражданских отношений признаются негосударственные институты и органы публичной власти зарубежных государств. Сотрудничество с ними организуются Военным комитетом Североатлантического альянса и Комитетом по гражданскому чрезвычайному планированию.

Обобщим, что в рамках ревизии концептуальной основы экспертами НАТО проведена корректировка принципиальных положений концепта общественной дипломатии. По своему содержанию вносимые изменения были идентичны аналогичным действиям американских специалистов, в тот же временной период фактически подчинивших «публичную дипломатию» целям массовой пропаганды в сфере международных отношений.

Под влиянием США и НАТО отмечается тенденция милитаризации международной политики Европейского союза, в том числе и в области политических коммуникаций. В последние десятилетия стала реальностью ревизия доктринальных основ информационной политики Европейского союза [Емельянова, 2010, с. 155]. Что прямо относится к содержанию Глобальной стратегии безопасности Европейского союза 2016 г. России впервые на доктринальном уровне объявлена источником вызовов европейской безопасности. С другой стороны, признается необходимость «избирательного партнерства» с российской стороной, конкретные параметры и направления которого не установлены.

Отметим, что приспособление технологий «мягкой силы» и «публичной дипломатии» ЕС к задачам масштабного информационно-психологического наступления на постсоветском пространстве, совпадает с предшествующими по времени изменениями в доктринах информационной политики США и НАТО. Так, «План действий по стратегическим коммуникациям» 2015 г., принятый Европейским парламентом и Резолюция о необходимости использовать стратегические коммуникации против внешней международной пропаганды от 2016 г. вслед за заокеанским союзником приравнивали информационную политику России к пропагандистским акциям так называемого Исламского государства. В результате приобщение панъевропейского объединения к практике военно-политического экспансионизма Североатлантического блока через каналы современной информационной коммуникации способствует его вовлечению в орбиту милитаризации постсоветского геополитического региона.

Развертывание политических коммуникаций США и НАТО в странах СНГ и Балтии

Организацией Североатлантического договора в период 2000-х гг. создана структура представительств и филиалов, которые при необходимости могут реализовывать конкретные из стратегий политических коммуникаций на пространстве бывшего СССР: представительство НАТО в Киеве, офисы связи в Кишиневе и Тбилиси, Информационное бюро НАТО в Российской Федерации.

Следует обратить внимание на разветвленную систему «общественной дипломатии» НАТО, включающую в себя значительное количество как входящих в структуру альянса, так и аффилированных с ней субъектов. Особую роль здесь играет Парламентская ассамблея НАТО, органы управления которой (секретариат), непосредственно относящийся к ведению Генерального секретаря Организации Североатлантического договора. Аналогичные задачи решает конгломерат международных неправительственных организаций, формально не связанных с военно-политическим союзом, но фактически обеспечивающих его информационно-пропагандистскую политику. Наиболее активным из них следует признать Ассоциацию Атлантического договора, которая действует как зонтичная структура для курируемых

национальных пронатовских общественных объединений в странах Европы и новых независимых государствах СНГ. Значительную роль в продвижении стратегии НАТО в глобальном информационном пространстве играют такие формально общественные международные объединения, как ассоциация молодежных лидеров Атлантического договора, просветительский комитет, ассоциация молодежи Североатлантического альянса.

Нередко связующим звеном между Управлением общественной дипломатии НАТО и политическим классом стран СНГ избираются посольства государств–членов альянса: Польши в Белоруссии и на Украине, посольство Румынии в Молдавии, дипломатические представительства Турции в Грузии и в Азербайджане.

Наиболее массовым по охвату направлением усиления влияния атлантического блока в постсоветском регионе следует признать проведение «Недель НАТО» в закавказских государствах, включая Армению как государство-члена ОДКБ.

Помимо официальных управленческих структур к налаживанию политических коммуникаций привлекаются неправительственные организации, образованные по инициативе Североатлантического альянса: Ассоциация Атлантического договора, чьи филиалы развернуты–Азербайджане, Молдавии, Грузии, на Украине. Ассоциация евроатлантического сотрудничества продолжает действовать и на территории Российской Федерации, чьей целью провозглашено укрепление «атлантической солидарности», что в современных условиях противоречит национальным интересам нашей страны.

После кризиса 2014 г. передовой форпост информационно-психологической активности альянса сместился на Украину, к чему привлечен «Центр информации и документации НАТО», который проявляет активность на Юго-Востоке страны, в том числе посредством участия в пропагандистском проекте «Паспорт безопасности Украины».

Под внешним патронажем НАТО на постсоветском пространстве создается сеть политических коммуникаций Европейского союза. Целью официальных документов ЕС в сфере обороны признано наращивание взаимодействия с Североатлантическим союзом, в том числе и при проведении «межвидовых операций по принуждению к миру» и «гражданских (полицейских) миссий по кризисному

урегулированию». Которые неоднократно предлагалось проводить в районах вооруженных конфликтов, включая территорию Донецкой и Луганской народных республик. В области противодействия «гибридным угрозам» в 2016-2020 гг., налажено взаимодействие органов Европейского союза с центром НАТО в секторе стратегической пропаганды» (Латвия) и центром компьютерной безопасности (Эстония). В г. Хельсинки, где с 2017 г. работает созданный по инициативе Евросоюза «Европейский центр передового опыта (практик) по противодействию гибридным угрозам», апробируется взаимодействие между экспертами НАТО и ЕС по противодействию информационной политике Российской Федерации, КНР и Ирана.

Методы «публичной дипломатии» в рамках проекта ЕС «Восточное партнерство» переориентированы на ведение стратегической пропаганды против России. Будучи зарегистрированы в странах ЕС или в США, неправительственные организации и фонды предпочитают вести практическую информационно-пропагандистскую и подрывную работу с территории государств Восточной Европы и СНГ, находящихся под контролем прозападных правительств. В 2015 г. создана «Группа по стратегическим коммуникациям», которая ежегодно вовлекает в свои программы не менее 400 журналистов из стран СНГ, организуя пропаганду на русском языке на Украине, в Грузии, Молдавии, Азербайджане, Белоруссии и Армении. Аналогичные задачи решает с 2014 г. «Европейский фонд за демократию», работающий в Брюсселе под эгидой Европейской комиссии и польского Министерства иностранных дел. Именно ему поручен поиск и обновление инструментария, позволяющего принципиально перестроить идейно-политический контекст русскоязычной медиасреды постсоветского региона. Одной из форм работы фонда являются тренинги с журналистами оппозиционных СМИ из России и союзных ей государств ОДКБ.

Следует отметить, что проникновение атлантических организаций в систему политических коммуникаций Организации Договора о коллективной безопасности реализовывалось под лозунгами отказа от тесного сотрудничества с Россией. Итогом активности протатовских субъектов международных коммуникаций стала их монополия на формирование программ протестных движений 2020 г. в Армении, Белоруссии и Киргизии, которые декларировали отход от проектов

военно-политической и экономической интеграции постсоветского региона с участием Российской Федерации.

Заключение

В качестве вывода отметим, что трансформации международных политических коммуникаций на постсоветском пространстве, их переход от диалоговых к директивным и императивным вариациям, непосредственно связаны с процессами милитаризации современной международной политики. Развитие военно-политического экспансионизма атлантических держав в начале 2000-х гг. встретило активное противодействие Российской Федерации, которое проецировалось, в том числе через международные культурные связи нашей страны и ее информационную политику. Ответом на это стало изменение концептуальных подходов западных держав и патронируемых ими международных институтов к применению информационных и коммуникационных технологий в контексте современного милитаризма. После 2014–2015 гг. отмечено приспособление методов «публичной дипломатии» и «мягкой силы» к задачам прямой массивированной пропаганды против интересов России и ее союзников. Важная роль в этом принадлежит развертыванию инфраструктуры политических коммуникаций США, НАТО и органов военного управления Европейского союза на постсоветском пространстве. Причем, в отличие от Российской Федерации, которая практически не использует формат ОДКБ для продвижения своих интеграционных проектов в нейтральных государствах СНГ, евроатлантические институты активно эксплуатируют коммуникационные возможности международных военно-политических объединений в деле идеологической изоляции России на пространстве бывшего СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Серебрянников В. В., Дерюгин Ю.И.* Социология армии. М.: ИСПИ РАН, 1996.
2. *Белозёров В. К.* Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2020. Т. 13. № 2. С. 177–194.
3. *Филлимонов Г. Ю., Цатурян С. А.* «Мягкая сила» как форма непрямой аппликации «национального интереса» // *Вестник Российского*

университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 2. С. 21–30.

4. *Цветкова Н.* Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к диалоговой пропаганде// Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 121–133.
5. *Емельянова Н. Н.* Европейский союз, вооруженные силы и международное право. М.: ЮрисПруденс, 2010.

REFERENCES

1. Serebryannikov, V. V., Deryugin, Y. I. (1996). Sociologiya armii = Sociology of the army. Moscow: ISPI RAN. (In Russ.)
2. Belozyorov, V. K. (2020). Mezhdunarodnaya politicheskaya kommunikaciya v usloviyah cifrovizacii mirovogo razvitiya = Contours of global transformations: politics, economics, law, 13 (2), 177–194. (In Russ.)
3. Filimonov, G. Y., Caturyan, S. A. (2012). Myagkaya sila» kak forma nepryamoj aplikacii «nacional'nogo interesa = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations, 2, 21–30. (In Russ.)
4. Cvetkova, N. (2015). Publichnaya diplomatiya SSHA: ot "myagkoj sily" k dialogovoj propaganda = International processes, 13 (3), 121–133. (In Russ.)
5. Emel'yanova, N. N. (2010). Evropejskij soyuz, vooruzhennyye sily i mezhdunarodnoe pravo = The European Union, the Armed Forces and international Law. Moscow: Yuris Prudens. (In Russ.)

Информация об авторах

Цыбаков Д. Л. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России

Information about the authors

Tsybakov D. L. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Статья поступила в редакцию (13.01.2021); одобрена после рецензирования (28.10.2021); принята к публикации (30.10.2021).

The article was submitted (13.01.2021); approved after reviewing (30.01.2021); accepted for publication (30.10.2021).

Научная статья

УДК 327(091)

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_112

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Т. В. Каширина¹, А. И. Якиревич²

^{1,2}Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

¹Kashirina73@mail.ru

²yakirevitchanastasia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен процесс становления американо-мексиканских отношений. В качестве факторов формирования двусторонних отношений отмечены Американо-мексиканская война 1846–1848 гг., Первая и Вторая мировые войны, «холодная война». Доктринальными основами развития связей двух стран стали доктрина Монро и политика «доброе соседство». В статье показано, что существенные изменения двусторонние отношения претерпели после окончания «холодной войны» (был заключен НАФТА) и, особенно, с приходом к власти в США президента Д. Трампа. При Трампе существенно снизилось взаимодействие США и Мексики по линии борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Ключевые слова: история международных отношений, внешняя политика, США, Мексика, «деликатный баланс», Д. Трамп

Для цитирования: Каширина Т. В., Якиревич А. И. Формирование и развитие американо-мексиканских отношений в середине XIX – начале XXI вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 112–125. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_112

Original article

**THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF AMERICAN-MEXICAN RELATIONS
IN THE MIDDLE OF XIX – EARLY XXI CENTURY**

T. V. Kashirina¹, A. I. Yakirevich²

^{1,2}Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation
Moscow, Russia

¹Kashirina73@mail.ru

²yakirevitchanastasia@yandex.ru

Abstract. The article examines the process of the formation of American-Mexican relations. The American-Mexican War of 1846–1848, the First and Second World Wars, and the Cold War were noted as factors in the formation of bilateral relations. The doctrinal foundations for the development of relations between the two countries were the Monroe Doctrine and the “good neighbor” policy. The article proves that bilateral relations underwent significant changes after the end of the Cold War (NAFTA was concluded) and, especially, with the coming to power in the United States of President Donald Trump. Under Trump, the interaction between the United States and Mexico in the fight against drug trafficking has significantly decreased.

Key words. history of international relations, US foreign policy, Mexican foreign policy, US-Mexican relations, “delicate balance”, US President Donald Trump

For citation: Kashirina, T. V., Yakirevich, A. I. (2021). The formation and development of American-Mexican relations in the middle of XIX – early XXI century. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(844), 112–125. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_112

Особенностью американо-мексиканских отношений является то, что вопросы двусторонних отношений, относящихся к сфере внешней политики обоих государств, существенно влияют на их внутреннюю политику, по сути, «переплетаются» с ней. Действительно, территориальные и водные границы, проблемы пограничной безопасности, миграция, незаконный оборот наркотиков напрямую влияют на внутреннюю политику двух государств, и всё активно проявляясь в нынешнем столетии, заставили обе страны сотрудничать еще теснее, чем раньше.

Американо-мексиканские отношения в сер. XIX – сер. XX вв.

Противоречивый и конфликтный характер американо-мексиканских отношений проявился уже на начальном этапе формирования двусторонних отношений между двумя государствами. Территориальная экспансия на тот момент являлась составной частью внешнеполитической активности США в регионе. Претензии на испанскую, а позднее – уже на мексиканскую территорию, в первую очередь на Техас, предъявлял американский президент Томас Джефферсон. Экономическая экспансия США в Техас произошла еще раньше Американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Динамичное развитие и постоянное расширение американских хлопковых плантаций вынуждали владельцев искать новые земли. Эти новые земли они находили в Техасе. Такому быстрому освоению техасских земель также способствовал действующий с 1820 г. мексиканский закон, позволявший купить американским плантаторам территории за меньшую цену. К тому же этот закон освобождал американских плантаторов от уплаты налогов [Alcaraz Ramón, 1967, с. 15–16]. Уже в 1846 году, к началу американо-мексиканской войны на территории Техаса более половины населения состояло преимущественно из американцев [Argüello, 1982, с. 156–157]. США всячески пытались овладеть Техасом, предлагая выкупить его у Мексики, или же поддерживали англосаксонское население, выступавшее за отделение от Мексики. При помощи дипломатических инструментов США и их политической поддержки, Техас заявил о своем отделении от Мексики в 1836 году. Непризнание с мексиканской стороны независимости этой территории; националистические настроения как в мексиканских, так и в американских политических кругах; явное проявление идеологической американской доктрины «предопределения судьбы» во внешней политике США, оправдывавшей их территориальные притязания и их политику экспансии, и привели к войне 1846–1848 гг. В ходе Американо-мексиканской войны Мексика потеряла около половины своей территории, США приобрели Верхнюю Калифорнию, Новую Мексику и Аризону. Надо отметить, что именно эта война заложила основу для последующей экспансионистской политики США в отношении Мексики.

Вторая половина XIX в. в двусторонних отношениях Мексики и Соединенных Штатов характеризовалась, однако, определенной стабильностью, взаимопониманием и даже развитием этих отношений в положительном ключе. Это выражалось, например, в политической поддержке со стороны мексиканского президента Бенито Хуареса политики Авраама Линкольна во время Гражданской войны в США [Alcaraz Ramón, 1969, с. 72]. Американская сторона, в свою очередь, выражала свое одобрение в отношении либеральных реформ, проводимых мексиканским президентом в тот период и оказывала помощь Мексике в борьбе против Англо-франко-испанской интервенции в период с 1861 по 1867 год [Альперович, Слезкин, 1966, с. 193–194]. Последняя четверть XIX в. олицетворяла собой развитие американо-мексиканских экономических отношений. Во время правления Порфирио Диаса в Мексике американским компаниям были предоставлены выгодные условия для ведения бизнеса. Таким образом Мексика смогла получить помощь в модернизации страны: развивалась экономическая инфраструктура, мексиканцы всё больше включались в капиталистические отношения.

В целом, стоит отметить, что в период с начала и до 30-х гг. XX века политика США в отношении латиноамериканских государств характеризовалась усилением имперской направленности и намерением установить свою гегемонию в регионе. Мексику такая политика также не обошла стороной, ярким примером которой стала интервенция Соединенных Штатов в Мексику в 1914 и 1916 гг.

В начальный период формирования революционного движения в Мексике на стыке двух столетий, США поддерживали режим П. Диаса в борьбе с его внутренними противниками. К моменту, когда внутривластная борьба в Мексике переросла в острую фазу, и активные столкновения происходили в приграничной зоне и угрожали безопасности американского капитала, а также самим американским жителям, США заняли более активную позицию и прибегали к военному вмешательству. Дело в том, что режим Уэрты, который пришёл к власти путем военного переворота, активно поддерживал увеличение английского капитала в Мексике. Укрепление английской экономики в приоритетной для Соединенных Штатов сфере промышленности, а именно в нефтяной промышленности, напрямую шло в разрез с их интересами [Манухин, 2012, с. 11]. Более того, в революционных

мексиканских настроениях США видели угрозу подъема национальных движений в других странах региона. Ситуацию также усугубляло возросшее напряжение в американо-британских отношениях. Согласно официальной позиции президента В. Вильсона и его соратников, данная интервенция была осуществлена лишь для борьбы за освобождение Мексики от иностранного влияния, на самом же деле американскую администрацию волновали лишь собственные национальные интересы [Байбакова, 2017, с. 8–11].

После Первой мировой войны США стали играть ведущую роль в межамериканских отношениях. Лига Наций не особо интересовалась делами континента, что позволило США еще больше воспользоваться ситуацией и закрепить свое привилегированное положение на континенте. Политика «добраго соседа» Ф. Д. Рузвельта способствовала установлению атмосферы относительного доверия в отношениях США и Мексики [Альперович, 1970]. Готовность к взаимодействию воплотилась в подписании в 1936 г. двустороннего соглашения «Дополнительный протокол о невмешательстве» [Mario Ojeda, 1976, с. 132]. Согласно документу, со стороны США осуществлялась экономическая поддержка Мексики в сфере инвестиций и предоставления займов, закреплялось также положение о принятии со стороны Соединенных Штатов закрытой экономической модели Мексики, а также другие политические договоренности, например такие, как отказ от вмешательства во внутринациональные дела.

В период Второй мировой войны американо-мексиканские отношения переживали период добрососедского диалога. США продолжали оказывать экономическую и политическую поддержку мексиканскому правительству. Такая политика со стороны США была продиктована как соображениями безопасности, так и важностью мексиканской нефти, её полезных ископаемых, в которых нуждались союзники Соединённых Штатов и на запасы которых с интересом поглядывали страны гитлеровской коалиции. Относительная гармония и стабильность в двусторонних отношениях складывалась в условиях угрозы приближения войны к мексиканской территории. Со вступлением США во Вторую мировую войну началось активное военное сотрудничество между двумя странами. Был создан Тихоокеанский военный округ, который находился под объединённым американо-мексиканским командованием, постепенно происходило развертывание американских

военных объектов на территории Мексики. Надо отметить, что создание такого формального военного альянса поспособствовало тому, что Мексике удалось сохранить пространство суверенной автономии и избежать ее прямого участия в конфликте.

США и Мексика в период «холодной войны»

После начала «холодной войны» главной задачей в американо-мексиканских отношениях было установление баланса в диалоге двух государств, прежде всего, по вопросам политических событий того времени в регионе. Разрыв в идеологическом представлении о том, какие режимы должны устанавливаться в регионе стал камнем преткновения этого периода. Мексика и США занимали противоположные позиции в отношении переворота в Гватемале в 1954 году и событий на Кубе 1960–1964 гг., а также других процессов, происходящих в иных странах Центральной Америки. Но общее понимание необходимости поддержания стабильности в регионе, на фоне нараставшего напряжения в отношениях между США и СССР позволило сохранить баланс во внешнеполитическом взаимодействии двух государств. Сложившиеся противоречия не привели к серьезным трениям в двусторонних отношениях.

80-е гг. XX столетия стали для Латинской Америки сложным периодом. Экономический кризис, охвативший регион, в том числе и Мексику, диктовал свои условия. Мексиканское правительство приоритетными задачами видело выход из экономического кризиса, либерализацию торговли и финансовую интеграцию в мировую экономику и, в особенности, в североамериканском регионе [Альперович, Лаврова, 1960, с. 131–134].

Мексика во внешней политике США в период президентства Дж. Буша-младшего

Началом оформления нового этапа в американо-мексиканских отношениях XXI века можно назвать победу в 2000 г. в США республиканца Джорджа Буша – младшего и избрание Висенте Фокса в Мексике от Партии национального действия в том же году. Во многом положительное развитие двусторонних отношений в тот период обуславливали схожесть взглядов двух президентов и их симпатии по отношению

друг к другу. Новоизбранный президент от Республиканской партии взял курс на сближение с Мексикой и отметил приоритетность данного направления во внешней политике США. Одновременно мексиканскому президенту было необходимо закрепить свою власть и власть своей партии, после того как страной более 70 лет правила Институционально-революционная партия, заручившись поддержкой американского соседа в определенных сферах. Обе стороны инициировали переговоры по заключению иммиграционного соглашения, вели переговоры по договору НАФТА, о расширении его экономических положений, также обсуждались вопросы энергетики, в которых, прежде всего, был заинтересован Вашингтон [Domínguez, 1999, с. 339–400].

Отдаление от Мексики во внешнеполитическом поле США произошло после событий 11 сентября 2001 года. Тогда в администрации США произошел пересмотр внешнеполитической деятельности в сфере безопасности. Отныне у Соединенных Штатов появились иные приоритетные задачи, и Мексика становилась «важной страной» для США лишь в дипломатическом плане. Теперь Америка на передний план выдвигала вопросы безопасности. Темы дальнейшей интеграции в Северной Америке и проблемы миграции отодвигались. В тот период американская администрация в отношениях с Мексикой пыталась склонить ее к совместным действиям в борьбе с терроризмом. Заметные трения в американо-мексиканских отношениях проявились в 2003 году, когда мексиканская сторона не поддержала предоставление международной санкции на войну в Ираке администрации Буша. Некоторые эксперты оценивали это момент, как толчок к возведению «невидимой стены» в пока еще дружественных отношениях США и Мексики [Pastor, Castañeda, 2011, с. 432].

Следующее десятилетие не отмечалось коренным изменением в отношениях двух стран. Следующий президент Мексики Филиппе Кальдерон (2006–2012) сконцентрировал свою политику в большей степени на внутренних делах, что явно отличалась от курса его предшественника, однако существовавшие проблемы, которые угрожали безопасности двух стран не могли не заставить две страны развивать диалог. Прежде всего, в сфере борьбы с наркоторговлей, которая наиболее остро встала в период президентства Кальдерона. Мексиканской стороной было представлено администрации Дж. Буша предложение об интенсификации сотрудничества в данном направлении. В силу

чего появилась программа «Инициатива Мерида» [Benítez Manaut, 2009, с. 115]. Таким образом, Мексике удалось получить финансовую и техническую поддержку от США для войны с наркобизнесом.

Американо-мексиканские отношения в период президентства Б. Обамы

При президентстве Барака Обамы (2009–2017) двусторонние отношения США и Мексики развивались не особо динамично. В первую очередь, по причине того, что глава американской администрации отдавал приоритет другим направлениям во внешней политике, например ближневосточному направлению и экономическому вектору [Velázquez Flores, 2011, с. 45]. Особое место Мексике не отводилось несмотря на то, что в предвыборной кампании Обамы упоминались такие аспекты двусторонних американо-мексиканских отношений как вопрос проведения реформы миграционной системы, проблемная тематика наркотрафика, по котором страны намеривались вести серьезный диалог. Также президент упоминал и о вероятности пересмотра НАФТА. От прихода к власти президента от Демократической партии ожидали смену формы внешнеполитического курса, прежде всего, от одностороннего вектора с применением силы к политике многосторонней дипломатии и «мягкой силы». Деликатная проблема миграции так и не претерпела коренных изменений, о которой в предвыборных речах говорил Б. Обама. Осуществить обещанную миграционную реформу не удалось из-за сопротивления со стороны Конгресса. Иной вопрос, который также вызывал напряженность в двусторонних отношениях – вопрос о массовой депортации мексиканских мигрантов также не приобрел своего решения. На то, что в период первого срока Барак Обама миграционная сфера американо-мексиканских отношений так и не претерпела перемен, повлияло достаточно жесткая позиция Конгресса, консервативных кругов США¹. Второй срок Б. Обамы также не ознаменовался проведением долго-обещающей реформы в сфере миграции.

Дискуссии о пересмотре договора НАФТА так и остались разговорами. Заняв кресло Овального Кабинета, 44-й президент Соединенных Штатов сразу дал понять, что он не намерен вносить поправки в договор о зоне свободной торговли. Ведь его изменение или даже отказ от

¹ URL: http://www.ontheissues.org/international/barack_obama_immigration.htm

договора, о котором изначально говорил президент, могло пойти не на пользу США и породило бы резкое сопротивление со стороны предпринимателей, которые извлекали особые выгоды из соглашения. Всё это и привело к тому, что при Обаме соглашение НАФТА так и не было пересмотрено.

Особо стоит уделить внимание также инициативе Б. Обамы, которая заключалась в стратегии «двух стратегических колец» – трансатлантического и тихоокеанского [Сударев, 2017, с. 20–21]. Воплощая в реальность данную стратегию, администрация Б. Обамы стремилась «отделить» страны Латинской Америки и Карибского бассейна от ключевых экономических и торговых потоков, наблюдавшихся в первой декаде текущего столетия. Так, именно Мексика рассматривалась США в качестве первоочередного стратегического партнера в регионе, с помощью которого администрация Б. Обамы проводила бы свой план в рамках создания Транстихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership).

Другим приоритетным направлением развития двусторонних отношений Мексики и США на протяжении двух сроков Б. Обамы была борьба с незаконным оборотом наркотиков. Особенно тесное сотрудничество в данной сфере выразилось в принятии в США Закона в 2009 году. Согласно ему вырос уровень финансовой поддержки Мексики для принятия контрнаркотических мер [Сударев, 2017, с. 23]. Если говорить об области незаконного оборота оружием, глава Белого Дома также предпринимал попытки внести изменения в национальное законодательство страны в области продажи оружия, дабы помешать его перемещению в соседнее государство. Про особые успехи в данном направлении говорить не приходится, в первую очередь по причине яростного сопротивления «американского оружейного лобби». Таким образом, можно констатировать, что проблемы незаконного оборота наркотиков и проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия были теми областями американо-мексиканских отношений, где стороны выстроили наиболее тесные отношения.

Отношения США и Мексики при президенте США Д. Трампе

В период президентства Д. Трампа (2016–2020) отношения между Мексикой и США носили реформационный характер. Это отразилось на всех основных направлениях сотрудничества двух

государств. Разумно будет отметить также, что с 1980-х гг. конфликтный характер американо-мексиканских отношений не проявлялся так очевидно, как во время президентства Д. Трампа. Еще в ходе предвыборной компании будущий лидер США открыто демонстрировал «антимексиканизм» по отношению к южному соседу. Не раз Мексика становилась объектом нападок со стороны действующего президента, ни раз о ней упоминали как об угрозе национальной безопасности Соединенных Штатов.

Доказательством антимексиканской риторики США при Д.Трампе являлось его решение коренным образом пересмотреть Североамериканский Договор о зоне свободной торговли от 1994 года между США, Канадой и Мексикой (НАФТА), который был охарактеризован Трампом как «самое худшее соглашение, подписанное США»¹. Соглашение, которое в свое время смягчило противоречия в отношениях двух стран; договор, который в определенной мере улучшил экономическое положение Мексики, но втянул ее в американскую «экономическую воронку». В ходе продолжительных и затруднительных переговоров соглашение, под давлением США, было пересмотрено в их интересах. Если оценивать экономическую политику Трампа в отношении Мексики, надо сказать, что данная политика осуществлялась в контексте протекционистских настроений американской администрации к концу второго десятилетия XXI в., которые пришли на смену идеям открытого режима внешней торговли. Нанести удар получилось не только по Мексике и двусторонним отношениям с ней, но и многостороннему сотрудничеству в области торговли. Выход США из соглашения по Транстихоокеанскому партнерству, частью которого была как Мексика, так и другие страны Латинской Америки, разрушил этот стратегический проект, который был обречен на гибель из-за отсутствия в нем США.

Миграционную сферу американо-мексиканских отношений в период президентства Д. Трампа также захлестнула волна критики. Накалялись отношения двух стран. Далеко нелестные комментарии Д. Трампа по отношению к мексиканским мигрантам, которые, по его словам, «это люди с огромным количеством проблем, которые приносят эти проблемы на территорию США, которые приносят наркотики

¹ URL: <http://www.cbc.ca/news/world/nafta-is-the-worst-trade-deal-maybe-ever-signed-anywhere-1.3780231>

и преступность»¹. Строительство стены на границе, да еще и за мексиканский счет, милитаризация границы с Мексикой; давление США, выразившиеся во введении запрета на переводы денежных средств из США в Мексику еще больше осложнили взаимоотношения между двумя государствами, и привели к росту антиамериканских настроений в мексиканском обществе.

Наверное, слабым звеном американо-мексиканских отношений в период президентства Д. Трампа оставалась борьба с наркотрафиком. Понимание необходимости регулирования данной проблемы и дальнейшей борьбы присутствовало у администрации Д. Трампа. Так, между двумя государствами было согласовано решение создать рабочую группу по безопасности (High-Level Security Working Group (HLSWG))². Также было увеличено финансирование «Инициативы Мериды»³.

Заключение

Таким образом, отношения США и Мексики с середины XIX в., самого начала их оформления, занимали одну из ключевых позиций во внешнеполитической деятельности двух государств. На протяжении всей истории взаимоотношений двух государств, от независимости Мексики и до наших дней, противоречивый характер связей двух стран, заключающийся в перекрещивании интересов взаимного сотрудничества и факторов конфликтности, вынуждал оба государства находить «деликатный баланс» в их диалоге, выстраивать конструктивные отношения друг с другом, сохраняя при этом суверенную автономию.

Внешняя политика США в отношении Мексики в период после окончания «холодной войны» и до периода президентства Д. Трампа олицетворяла определенные успехи, достигнутые двумя государствами в сфере экономики и движения товарооборота, уделялось большое внимание проблеме общего управления границами и совместной

¹ URL: <https://www.bbc.com/russian/features-37235449>

² The White House, “Memorandum on the Presidential Determination on Major Drug Transit or Major Illicit Drug Producing Countries for Fiscal Year 2020,” August 8, 2019

³ U.S. Department of State, U.S. Agency for International Development (USAID), “FY2021 Foreign Assistance Budget Request,” February 10, 2020

борьбе с наркоторговлей. Но острые проблемы миграционного характера так и остались нерешенными, будучи камнем преткновения во взаимоотношениях двух стран.

Американская администрация, возглавляемая Д. Трампом, ознаменовала начало нового этапа американо-мексиканских отношений. Этапа, который характеризовался острым проявлением целого комплекса противоречий почти по всем направлениям межгосударственного сотрудничества, по причине критики Д. Трампом Договора НАФТА, проведения жесткой миграционной политики и иногда даже расистских и ксенофобских высказываний президента. В целом, политика Д. Трампа в отношении Мексики проводилась в контексте общего пересмотра стратегии деятельности США как странах Латинской Америки, так и странах Карибского бассейна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Alcaraz Ramón*. Apuntes para la historia de la guerra entre México y los Estados Unidos. México. Editora Nacional, 1967. P. 15–16.
2. *Argüello, Silvia y Raúl Figueroa*. El intento de México por retener Texas. México. Editora Nacional, 1982. P. 156–157.
3. *Alcaraz Ramón*. Historia general de México. México. Editora Nacional, 1969.
4. *Альперович М. С., Слезкин Л. Ю.* Образование независимых государств в Латинской Америке. М.: ИЛА РАН. 1966. С. 193–194.
5. *Манухин А. А.* Формирование внешнеполитического курса администрации В. Вильсона по отношению к Мексиканской революции 1913–1916 // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 11.
6. *Байбакова Л. В.* Новый взгляд на вмешательство США в события мексиканской революции 1910–1917 // Латинская Америка. 2017. № 4. С. 8–11.
7. *Альперович М. С.* Новая история стран Латинской Америки // Высшая школа. 1970. № 4. С. 35.
8. *Mario Ojeda*. Alcances y límites de la política exterior de México. México. El Colegio de México. 1976. P. 132.
9. *Альперович М. С., Лаврова Н. М.* Очерки Новой и Новейшей истории Мексики. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 131–134.
10. *Domínguez J. I.* Ampliando horizontes: aproximaciones teóricas para el estudio de las relaciones MéxicoEstados Unidos. México, UNI, 1999. P. 339–400.
11. *Pastor R. A., Castañeda J. G.* Limits to Friendship: The United States and Mexico. New York: Vintage, 2011.

12. *Benítez Manaut*. La Iniciativa Mérida: nuevo paradigma de cooperación entre México y Estados Unidos en seguridad México, UNAM. 2009. P. 115.
13. Velázquez Flores R. La política exterior de Estados Unidos hacia México bajo la administración de Barack Obama: cambios y continuidades // *Norteamérica*. 2011. Vol. 6. № 2. P. 45.
14. *Сударев В. П.* Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. М.: ИЛА РАН, 2017.

REFERENCES

1. Alcaraz Ramón. Apuntes para la historia de la guerra entre México y los Estados Unidos. México: Editora Nacional, 1967. P. 15–16.
2. Argüello, S. y Figueroa, R. El intento de México por retener Texas. México. Editora Nacional, 1982. P. 156–157.
3. Alcaraz, R. Historia general de México. México: Editora Nacional, 1969.
4. Al'perovich, M. S., Slezkin, L. Yu. Obrazovanie nezavisimyh gosudarstv v Latinskoj Amerike. Moscow: ILA RAN. 1966. S. 193–194. (In Russ.)
5. Manuhin, A. A. Formirovanie vneshnepoliticheskogo kursa administracii V.Vil'sona po otnosheniyu k Meksikanskoj revolyucii 1913–1916 // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2012. № 1. S. 11. (In Russ.)
6. Bajbakova, L. V. Novyj vzglyad na vmeshatel'stvo SSHA v sobytiya meksikanskoj revolyucii 1910–1917 // *Latinskaya Amerika*. 2017. №4. S. 8–11. (In Russ.)
7. Al'perovich, M. S. Novaya istoriya stran Latinskoj Ameriki // *Vyssshaya shkola*. 1970. № 4. S. 35. (In Russ.)
8. Mario Ojeda. Alcances y límites de la política exterior de México. México: El Colegio de México, 1976.
9. Al'perovich, M. S., Lavrova, N. M. Ocherki novoj i novejshej istorii Meksiki. Moscow: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1960. S. 131–134. (In Russ.)
10. Domínguez, J. I. Ampliando horizontes: aproximaciones teóricas para el estudio de las relaciones MéxicoEstados Unidos. México: UNI, 1999. P. 339–400.
11. Pastor, R. A., Castañeda, J. G. Limits to Friendship: The United States and Mexico. New York: Vintage, 2011.
12. Benítez, Manaut. La Iniciativa Mérida: ¿nuevo paradigma de cooperación entre México y Estados Unidos en seguridad? México: UNAM, 2009.
13. Velázquez Flores R. La política exterior de Estados Unidos hacia México bajo la administración de Barack Obama: cambios y continuidades // *Norteamérica*. 2011. Vol. 6. № 2. P. 45.
14. Sudarev, V. P. Latinskaya Amerika na perelome global'nyh i regional'nyh trendov. Moscow: ILA RAN, 2017. (In Russ.)

Информация об авторах

Каширина Т. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Якиревич А. И. – магистрант 1-го курса, направление обучения «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России

Information about the authors

Kashirina T. V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yakirevich A. I. – 1st year undergraduate student, direction of study “International Relations” of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 18.10.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 09.11.2021.

The article was submitted 18.10.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 09.11.2021.

Научная статья

УДК 321

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_126

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В. А. Подольский

Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия, deomniscibili@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье представлена история российской социальной политики. Показано, как возникло и менялось государственное регулирование в сфере социальной поддержки. Представлено формирование пенсионной системы и социального страхования в России, рассмотрена история образования и здравоохранения. Изучено возникновение благотворительности и ее роли в становлении системы социальной политики. Российские практики сопоставляются с зарубежными решениями.

Ключевые слова: социальная политика, пенсии, социальное страхование, благотворительность, история России

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме: «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

Для цитирования: Подольский В. А. Социальная политика в Российской империи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 126–139. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_126

Original article

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN EMPIRE

V. A. Podolskiy

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia
deomniscibili@yandex.ru

Abstract. The present article shows the history of the Russian social policy. Emergence and changes of the government regulation in the sphere of social support are reviewed. Development of the pension system and the system of social insurance in Russia is presented, history of education and healthcare is shown. Emergence of charity is

studied, along with its' role in the development of the social policy system. Russian practices are compared against their foreign counterparts.

Key words. social policy, pensions, social insurance, charity, history of Russia

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support as part of the implementation of the state assignment of the State Academic University for the Humanities (GAUGN) on the topic «Modern Information Society and Digital Science: Cognitive, Economic, Political and Legal Aspects» (FZNF-2020-0014).

For citation: Podolskiy, V.A. (2021). Social policy in the Russian Empire. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 126–139. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_126

Введение

Изучение истории отечественной социальной политики представляет интерес по трем причинам. Во-первых, это оценка эффективности предпринятых мер и возможности их использования для решения современных задач. Во-вторых, рассмотрение существовавших в России практик позволяет соотнести их с зарубежными и определить их зрелость и состоятельность на мировом уровне. В-третьих, обобщающий обзор российской социальной политики полезен для формирования представления о всей совокупности доступных мер поддержки, их масштабе; роли в социальном, экономическом и политическом контекстах. Существующие исследования по истории становления отечественной социальной политики чаще всего охватывают либо отдельные периоды, либо отдельные аспекты социальной поддержки. Изучена роль церкви в социальной сфере [Зубанова и др., 2012], участие чиновников в организации благотворительности [Ульянова, 2006], становление систем образования [Войтеховская, Куперт, 2012], здравоохранения, пенсионного обеспечения [Гусаков, 2015; Бокарев, 2018].

Социальная поддержка до создания империи

И в Европе, и в России некоторые практики помощи нуждающимся и выплаты пособий были известны уже в самые ранние времена, например, пенсии для военнослужащих существовали в Древнем Риме, а задача еды для малоимущих практиковалась не только в Античном мире,

но и среди древних славян. В европейских государствах и в России социальная поддержка стала устойчивым и формализованным феноменом вследствие распространения христианства и активности церкви. Постановления церковных соборов в Европе обязывали общины заботиться о нищих, такие решения воспроизводились во многих странах вплоть до XIX в. Различное отношение к трудоспособным и нетрудоспособным бедным представлено еще в кодексе Юстиниана, и определило репрессивный характер законов против трудоспособных бедных, просивших подаяние. Церковь в Византии и Европе создавала приюты и больницы с IV в. [Фирсов, 2012, с. 105]. В России такие категории, как «больницы», «богадельни» присутствуют в изводах Владимирского устава и отнесены к сфере компетенции церкви [Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв., 1976, с. 24]. До XVI века и в России, и в Европе государственное регулирование социальной поддержки было незначительным, хотя правители часто подавали пример исполнения религиозного долга. При Карле Великом в Европе несколько раз объявлялся общий пост с раздачей милостыни от монастырей сообразно их благосостоянию [Фирсов, 2012, с. 124]. Князь Московский Иван Калита, по одной из версий, получил свое прозвище за мешок с мелочью, из которого он подавал деньги нищим [Холостова, 2011, с. 17]. В Средние века в Европе гильдии и некоторые города организовывали фонды, в которые их участники или жители делали взносы, для оплаты медицинских услуг, пособий для вдов и сирот. В России не существовало аналога европейских гильдий и религиозных орденов, но монастыри могли содержать приюты, распределять подаяние. Желающие могли проживать в старости в монастырях за пожертвование. При монастырях могли возникать целые слободы собирающих подаяние, появились «профессиональные нищие» [Фирсов, 1999, с. 53–57].

В Европе изменения государственной политики в отношении бедных начались из-за роста населения и урбанизации в конце XV в. и существенно ускорились в период Реформации. После того, как церкви Северной Европы и Британии перестали подчиняться Ватикану, была проведена секуляризация монастырских земель, и функция заботы о нуждающихся, которую ранее выполняли монастыри, перешла к светским властям [Фирсов, 2012, с. 137]. Во многих городах Северной Европы были введены сборы на бедных, а в 1531 году император Священной Римской Империи Карл V принял эдикт с указанием о том,

что эта практика должна распространиться по всей империи. Вслед за ним похожий закон принял король Франции Франциск I, а в Англии при Генрихе VIII началось формирование наиболее систематического на тот момент законодательства в сфере социальной поддержки, объединенного уже в 1601 г. под названием «законов о бедных» [Фирсов, 2012, с. 371–372].

В России попытка установить новые порядки была предпринята при Иване Грозном в «Стоглавом соборе» 1551 г. Предлагалось организовывать по царскому повелению богадельни для наиболее нуждающихся нищих, содержать их за счет милостыни, приставлять к ним трудоспособных нищих как социальных работников, контроль над ними, в свою очередь, должны были осуществлять священники и чиновники, также трудоспособных нищих следовало привлекать на общественные работы [Стоглав, 1862, с. 58]. Одним из примеров организации общественных работ стало использование труда нуждающихся при укреплении городских стен в Москве в годы правления Бориса Годунова во время голода 1601–1603 гг. [Холостова, 2011, с. 111]. После учреждения патриаршества в России и изменения административной структуры церкви была предпринята попытка централизации социальных функций церкви: так, в число компетенций патриаршего приказа внесено управление богадельнями. В 1670 г. учрежден Приказ строительства богаделен [Холостова, 2011, с. 25], учреждения призрения получали средства приказа Большого Дворца, т.е. управления делами царя [Фирсов, 2012, с. 165]. При Алексее Михайловиче в России вводится содержание отставных военслуживших за счет государства на территории монастырей [Гусаков, 2015, с. 19]. Высокопоставленные чиновники были основными благотворителями до возникновения купеческой благотворительности в XVIII в. Во второй половине XVII века окольный Федор Ртищев содержал в Москве больницу для бедных, а глава Посольского приказа Ордин-Нащокин – богадельню в Пскове [Фирсов, 1999, с. 60]. В 1682 г. издан Указ царя Фёдора Алексеевича об учреждении в Москве богаделен по европейскому образцу для обучения детей нищих ремеслам [Кононова, 2014, с. 65]. Количество богаделен в стране до XIX века оставалось незначительным и измерялось сотнями, а число постояльцев в них очень редко превышало 100 человек. К моменту революции в стране было несколько тысяч богаделен [Холостова, 2011, с. 98].

Пенсионное обеспечение и социальная поддержка в XVIII в.

С конца XVII века Россия, как и Европа, начала преследовать «профессиональных нищих» – Указ Петра 1691 года предписывал наказывать тех нищих, которые притворялись калеками [Лушникова. Лушников, 2009, с. 29], указ 1705 г. вводил штрафы за подаяние таким нищим. Различные меры против «профессиональных нищих» принимались регулярно вплоть до революции, например, при Елизавете было введено ограничение на выдачу паспортов нетрудоспособным нищим, чтобы исключить бродяжничество [Холостова, 2011, с. 33]. В России, впрочем, фактически не прижился такой европейский способ борьбы с праздными нищими. Количество рабочих домов, а также домов трудолюбия, которые отличались гораздо меньшей строгостью и были созданы в конце XIX века, к моменту революции достигло 300 [Холостова, 2011, с. 98].

8 июня 1701 года Петр подписал Указ о том, что в принадлежавших патриарху богадельнях трудоспособные нищие должны заботиться о нетрудоспособных. В 2001 году в память о Постановлении Петра был учрежден День социального работника [Кононова, 2014, с. 66]. Подражая Европе Россия постепенно переводила вопросы попечения о бедных и здравоохранения в компетенцию светских властей. В 1712 году Петр подписал Указ, который требовал создания во всех губерниях «гошпиталей», т. е. богаделен, для попечения о пожилых и инвалидах из числа военнослужащих. В 1715 г. Петр велел для этих целей ввести налог в размере 1% от жалования всех служащих [Фирсов 1999, с. 96], Указ 1719 года уточнял, что содержать оставших военных следовало из монастырских доходов [Гусаков, 2015, с. 20], как во Франции. Попечение о прочих бедных находилось в ведении монастырского приказа, затем – Синода, а потом камер-конторы. «Инструкция магистратам», т.е. административным и судебным органам городского управления, от 1724 г. предписывала создавать городские богадельни для содержания немощных и пожилых подданных [Фирсов, 2012, с. 79].

Следуя примеру европейских стран, которые ввели пенсии для моряков – Англия в 1590 году, Франция в 1673 г. [Seamen in society, 1980, с. 126], – Пётр стремился укрепить военно-морской флот как наиболее важный инструмент внешней политики в ту эпоху. «Морской устав»

Петра I в 1720 г. гарантировал не имевшим дохода отставным морякам содержание в гошпиталях или единовременную выплату. Вдовы и сироты погибших моряков могли претендовать на получение доли их жалования, объём и продолжительность выплат зависели от возраста получателей. Пенсионные расходы оплачивались из тех же средств Адмиралтейской коллегии, что и жалования [Полное собрание законов, 1830, с. 57–58]. В 1758 году такое право получили служащие сухопутных войск. Военная коллегия выплачивала пенсии и содержала богадельни на средства, которые государство получало от монастырей, а после секуляризации монастырских земель в 1764 году – из казны и от благотворителей [Бокарев, 2018, с. 16]. Получатели пенсий должны были проживать в установленных городах, а пенсии предоставлялись только тем, у кого не было достаточного числа крепостных. В 1764 году гражданские служащие получили право подавать прошение на предоставление пенсии [Гусаков, 2015, с. 25–36]. За выплаты отвечали разные ведомства, пенсии могли выплачиваться с задержками из-за нагрузки на казну [Бокарев, 2018, с. 17].

Пенсионное обеспечение и социальная поддержка в XIX–XX вв.

В 1827 г. Николай I утвердил «Устав о пенсиях и единовременных пособиях», обобщавший прежнее законодательство. Пенсии платились из казны. 1-2 % от жалования служащих направлялось в казну для выплаты пенсий вдовам и сиротам госслужащих [Гусаков, 2015, с. 58–71]. Уровень пенсий зависел от срока службы и должности и составлял от 1/10 до 1/3 от жалования. Отставных военных и гражданских служащих поддерживали комитеты помощи, созданные в 1814 и 1823 гг. соответственно по указанию императора Александра I. Эти комитеты получали средства из сборов, пожертвований, процентов с судебных взысканий и премий и выдавали пенсии, пособия на съём жилья и на медицинские услуги [Гусаков, 2015, с. 43–48]. Россия использовала опыт Швеции, где еще в 1756 г. были созданы кассы взаимопомощи для отставных офицеров, но из-за того, что объёмы выплат превышали объёмы взносов, в кассу поступала помощь из казны [Бокарев, 2018, с. 16]. В России органами власти с одобрения императора создавались эмеритальные кассы, от латинского

слова «emeritus» – «заслуженный», они собирали пожертвования и 3–6 % от жалования, выдавали пенсии служащим и членам их семей в размере 25–100 % жалования. Смысл касс состоял в увеличении пенсионных выплат при сокращении быстро росших трат казны на государственные пенсии. Первые эмеритальные кассы создавались для военных, затем – для других ведомств. Государственная пенсия считалась наградой, и преступления служили основанием для отказа в пенсионном обеспечении, а на эмеритальные кассы это правило не распространялось. Особенно важны эмеритальные кассы были для земских служащих, которые не считались госслужащими, и поэтому не получали пенсии. Кассы земств создавались с конца 1860-х. В 1883 г. взносы в эмеритальные кассы стали обязательными, также кассы пополнялись из земских сборов, земские собрания контролировали кассы и регулировали суммы выплат [Гусаков, 2015, с. 78–92]. Охват комитетов помощи был небольшим и исчислялся десятками тысяч человек, государственных и эмеритальных касс – сотнями тысяч [Бокарев, 2018, с. 20–22].

В XIX в. в Европе распространились больничные кассы, выросшие из гильдейских практик корпоративной взаимопомощи, а в 1880-е гг. в Германии при Бисмарке взносы в эти кассы стали обязательными. В России вторая половина XIX – начало XX в. также стали периодом наиболее активной правотворческой деятельности в сфере социальной политики. Государство устанавливало правила работы обществ и касс взаимопомощи, которые в XIX в. начали создавать рабочие. Общества взаимопомощи могли оплачивать расходы при лечении после несчастных случаев, платить пособия и пенсии потерявшим трудоспособность, оплачивать проезд, помогать с поиском работы. Закон 1861 года предписывал создавать товарищества взаимопомощи на казённых горных заводах для выплаты пособий нетрудоспособным, затем такие же кассы были созданы в других отраслях. В 1897 г. был принят Закон о правилах создания касс для частных компаний. Министерства внутренних дел и финансов утверждали уставы и контролировали работу всех видов касс [Гусаков 2015, с. 95–107]. В 1901 г. рабочие казенных горных заводов получили право на пенсию из казны при утрате трудоспособности. Закон 1903 года обязывал работодателей выплачивать пособия и пенсии фабричным и горнозаводским рабочим при несчастных случаях, компенсировать им расходы на

лечение [Гусаков, 2015, с. 116]. Закон 1912 г. обязывал предприятия создавать страховые товарищества и больничные кассы. В страховые товарищества поступали взносы в размере 1-2 % от жалования, пожертвования, штрафы. Эти средства расходовались на выплату пособий и пенсий компенсаций при несчастных случаях. Больничные кассы создавались либо группами мелких предприятий, либо на предприятиях с численностью рабочих от 200 человек. Взносы в кассы составляли 1–3 % от зарплат рабочих, к этой сумме работодатель добавлял еще 2/3. На выплаты могли претендовать рабочие и члены их семей. Закон предполагал выплаты беременным за 2 недели до и 4 недели после родов. Больничные кассы создавали свои лечебницы. Кассы, отвечавшие за них страховые присутствия в губерниях, и совет по страхованию рабочих при Министерстве торговли и промышленности управлялись представителями рабочих и предпринимателей. Работникам часто отказывали в выплатах [Гусаков, 2015, с. 125–128], было охвачено не более 15 % рабочих [Лушникова, 2009, с. 59]. Право на пенсию в 1912 г. получили военные-инвалиды, обычно она составляла 25–40 % от средней зарплаты рабочего.

Образование, здравоохранение и благотворительность

Для строительства и содержания больниц, богаделен, рабочих домов, образовательных учреждений в 1775 г. по решению Екатерины II, были учреждены приказы общественного призрения. Они финансировались из казны, получали средства от местных налогов, сборов и штрафов, хранили залоговые суммы от судопроизводств, владели недвижимостью и предприятиями. Работу приказов общественного призрения контролировали губернаторы и высшие губернские чиновники, приказы были подчинены непосредственно сенату, затем, в начале XIX века, приказы перешли в сферу компетенции Министерства внутренних дел, а в 1860-е гг. их функции были переданы земствам [Фирсов, 1999, с. 81–82].

Российская система образования заметно уступала европейской вплоть до начала XX века. Университеты в Европе появились в XI–XII вв. В России первые учреждения высшего образования были созданы в XVII в. – Андреевское училище [Фирсов, 1999, с. 200] и Славяно-греко-латинская академия. Школьное образование в России

развивалось медленнее, чем в Европе. В Пруссии обязательное образование было введено в XVIII в., в Британии – в конце XIX в. [Curtis, 1953, с. 272–283], а в России – только после революции. В начале XIX в. в Британии действовало 7 тыс. воскресных школ, где училось 800 тыс. детей [Curtis, 1953, с. 199], в России – 300 школ приказов общественного призрения с 20 тыс. учащихся [Войтеховская, Куперт, 2012, с. 40], лишь во второй половине XIX в. государственные и воскресные школы в России стали массовыми. К началу революции в России было 100 тыс. школ, треть из них были церковно-приходскими, обучалось 7 млн детей, т. е. не более половины детей соответствующего возраста, продолжительность обучения была очень небольшой, 1-3 года; грамотность в России была самой низкой в Европе – читать и писать умело около трети подданных империи. В империи в конце XVIII–начале XIX в. существовала возможность получения бесплатного, «казённокоштного», высшего образования для студентов, чья платежеспособность была низкой при высоких академических успехах [Константинов и др., 1982, с. 258–303], как и в Европе, где университеты чаще платили стипендии из пожертвований, а не из казны. В конце XIX в. приюты для детей стали похожи на современные детские сады, например, в 1883 году вице-адмиралом Платоном Юрьевичем Лисянским были учреждены бесплатные ясли в Петербурге для детей бедных родителей [Ульянова 2006].

При Екатерине II были учреждены первые государственные больницы для бедных [Фирсов, 2012, с. 222]. В Европе больницы для малоимущих, которые содержались за счет городских сборов, стали появляться ещё в XVI веке [Фирсов, 2012, с. 133–135]. В России приказы общественного призрения, а затем земства в течение XIX–начала XX в. создали больницы в 2/3 городов страны. В 1866 году было выпущено положение правительства, включавшее требование создавать больницы при заводах в Московской губернии, были направлены циркуляры с рекомендациями и в другие регионы. В 1860-е гг. в стране формировалась земская медицина, которая предполагала бесплатное медицинское обслуживание, финансируемое за счет бюджетов уездов и губерний. Хотя доступность медицинских услуг оставалось очень низкой, а численность докторов, которые бесплатно оказывали помощь, была крайне невелика – до 5 000 человек на всю страну, – сама архитектура системы была передовой на мировом уровне,

предвосхищая всеобщие системы здравоохранения, которые будут созданы в СССР в 1920-е гг. и в Британии в 1940-е гг. [Большая медицинская энциклопедия, 1978, с. 367–371].

Важнейшую роль в становлении социальной политики в России играла поддержка государством благотворительности. В 1763 г. секретарь Екатерины II Иван Иванович Бецкой создал Воспитательные дома для сирот в Москве и Петербурге. Для обеспечения их работы был учрежден Опекунский совет, который собирал средства благотворителей и управлял фондами. Он имел право выдавать ссуды под залог недвижимости, имущества и крепостных крестьян, злоупотребление этими механизмами описано в «Мёртвых душах» Гоголя. В 1797 году Воспитательные дома перешли в ведение канцелярии супруги императора Павла, императрицы Марии Федоровны, она начала создавать новые образовательные заведения, в том числе для сирот и инвалидов, глухонемых, а также больницы, богадельни, дома для вдов чиновников. Для управления учреждениями императрицы было создано специальное ведомство. За время ее жизни число учреждений увеличилось почти в 10 раз – с 4 до 39 [Энгельгардт, 1832], а к революции – почти до тысячи. На учреждения императрицы Марии к 1917 г. приходилась треть всех расходов на благотворительность в стране [Ульянова, 2006]. Второй по значимости структурой частно-государственной благотворительности стало Императорское человеколюбивое общество, учрежденное в 1816 году по рескрипту императора Александра. Общество предлагало нуждающимся и нетрудоспособным медицинские услуги, еду, кров, создавало учебно-воспитательные заведения [Фирсов, 1999, с. 84–85]. На общество приходилось почти 10% благотворительных расходов в Российской империи. Всего в начале XX в. в стране было порядка 19 тысяч благотворительных организаций, опекавших около 2,5 млн человек, т. е. 1,5% подданных империи [Ульянова, 2006]. Заметный вклад в развитие социальных учреждений внесла благотворительная деятельность купцов и промышленников, которые в XIX – начале XX в. строили образовательные и медицинские учреждения, некоторые из них сохранились и по сей день. Воспоминания, газетные статьи и иные источники свидетельствуют о высокой степени вовлеченности многих слоев общества в развитие системы социальной поддержки [Щукин, 1997].

Заключение

Вскоре после принятия христианства и в России, и в Европе, при церквях появились богадельни и больницы. И европейские, и древнерусские князья раздавали милостыню во исполнение религиозного долга. В России была выше роль центральной власти и чиновников в организации благотворительных и страховых схем. В Европе университетское и школьное образование выросло из церковных институтов подготовки священнослужителей, а в России было организовано государством. Урбанизация и промышленное производство пришли в Россию позже, чем в Европу, поэтому основным смыслом российской социальной политики долгое время было обеспечение лояльности чиновников и военных, и только в конце XIX века – рабочих. В Европе сборы на бедных и корпоративные пенсии были известны еще в Средние века, но государственные пенсионные системы там в то же время, что и в России – в XVIII–XIX вв. В XIX веке в России, вслед за Германией и Швецией, начали действовать страховые схемы и добровольное пенсионное обеспечение, но в них участвовала лишь небольшая доля населения страны.

Социальная политика в дореволюционной России развивалась почти так же, как и в странах Европы, и почти теми же темпами, но охват ее значительно уступал таким лидерам, как Британия и Германия. Архитектура решений в социальной сфере в России иногда копировала зарубежные образцы, иногда формировалась одновременно с ними, а в случае с земской системой здравоохранения опережала их. Наиболее ценные решения дореволюционного периода для современности – это развитие частно-государственной благотворительности и накопительное пенсионное обеспечение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Зубанова С. Г., Патюлина Н. Д., Рузанова Н. П.* Социальное служение церкви: связь традиции с современностью. М.: ЛИКА, 2012.
2. *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской империи, конец XVIII – начало XX века. дис. ... д-ра истор. наук. М., 2006.
3. *Войтеховская М. П., Куперт Ю. В.* Зарождение государственной системы образования в Российской империи // Вестник ТГПУ. 2012. № 2 (117). С. 39–45.

4. *Гусаков Д. Б.* Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой аспект. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
5. *Бокарев Ю. П.* Первые пенсионные системы Российской империи // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 15–24.
6. *Фирсов М. В.* История социальной работы: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2012.
7. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. акад. Л. В. Черепнин; Изд. подгот. Я. Н. Щапов; АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1976.
8. *Холостова Е. И.* Социальная работа: история, теория и практика. М.: Юрайт, 2011.
9. *Фирсов М. В.* История социальной работы в России: учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 1999.
10. *Кононова Т. Б.* История социальной работы. М.: Юрайт, 2014.
11. *Лушникова М. В., Лушников А. М.* Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М.: Юстицинформ, 2009.
12. *Seamen in society: Proceedings of international conference / ed. by Adam P.* London: Society for nautical research, 1980.
13. Полное собрание законов Российской Империи 1649–1825: в 45 т. / под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. 1720–1722 гг.
14. *Curtis S. J.* History of education in Great Britain. London: University Tutorial Press, 1953.
15. *Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабеева М. Ф.* История педагогики. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1982.
16. Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 8 / гл. ред. Б. В. Петровский.
17. *Энгельгардт Е. А.* Императрица Мария Федоровна в богоугодных её заведениях. СПб.: Типография департамента народного просвещения, 1832.
18. Стоглав. Казань: Типография губернского правления, 1862.
19. *Щукин П. И.* Воспоминания: Из истории меценатства России / сост. Н. В. Горбушина. М.: Гос. ист. музей, 1997.

REFERENCES

1. Zubanova, S. G., Patyulina, N. D., Ruzanova, N. P. (2012). Sotsialnoye sluzheniye tserkvi: svyaz traditsii s sovremennostyu = Social service of the church: a link between the tradition and the present time. Moscow: LIKA, 2012. (In Russ.)

2. Ulyanova, G. N. (2006). *Blagotvoritelnost v Rossiyskoy imperii, konets XVIII – nachalo XX veka = Charity in the Russian Empire at the end of the XVII – beginning of the XX century: doctoral thesis in history.* Moscow. (In Russ.)
3. Voytekhovskaya, M. P., Kupert, Yu. V. (2012). The emergence of the state system of education in the Russian Empire. *Herald of the Tomsk State Pedagogic University.* №2 (117). P. 39–45 (In Russ.)
4. Gusakov, D. B. (2015). *Genezis gosudarstvennogo pensionnogo obespecheniya i sotsialnogo strakhovaniya v Rossiyskoy imperii: istoriko-pravovoy aspekt = Genesis of state pension provision and social insurance in the Russian empire: historical and legal aspects: candidate thesis in law.* Saint-Petersburg. (In Russ.)
5. Bokarev, Yu. P. (2018). First pension systems of the Russian Empire. *Herald of the Southern Urals State University. Series: Social sciences and humanities,* 4, 15–24. (In Russ.)
6. Firsov, M. V. (2012). *Istoriya sotsialnoy raboty = History of social work: a manual.* Moscow: KNORUS. (In Russ.)
7. Cherepnin, L. V. (ed.). (1976). *Drevnerusskiye knyazheskiye ustavy XI–XV vv. = Old Russian princely charters, prepared by Ya. N. Shchapov; AN SSSR. In-t istorii SSSR.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Kholostova, Ye. I. (2011). *Sotsialnaya rabota: istoriya, teoriya i praktika. = Social work: history, theory and practice.* Moscow: Yurayt. (In Russ.)
9. Firsov, M. V. (1999). *Istoriya sotsialnoy raboty v Rossii = History of social work in Russia: a manual.* Moscow: VLADOS. (In Russ.)
10. Kononova, T. B. (2014). *Istoriya sotsialnoy raboty = History of social work.* Moscow: Yurayt. (In Russ.)
11. Lushnikova, M. V., Lushnikov A. M. (2009). *Kurs prava sotsialnogo obespecheniya = A study on right of the social security.* 2nd ed., rev. Moscow: Yustitsinform. (In Russ.)
12. Adam, P. (Ed.). (1980). *Seamen in society: Proceedings of international conference.* London: Society for nautical research.
13. Speranskij, M. M. (Ed.). (1830). *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii 1649–1825 = Complete collection of laws of the Russian Empire: in 45 vols. Vol. VI. 1720–1722.* St.Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy YEgo Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
14. Curtis, S. J. (1953). *History of education in Great Britain.* London: University Tutorial Press.
15. Konstantinov, N. A., Medynskiy, Ye. N., Shabayeva, M. F. (1982). *Istoriya pedagogiki = History of pedagogics.* 5th ed., rev. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)
16. Petrovsky, B. V. (Ed.). (1978). *Big medical encyclopedia: in 30 vols. Vol. 8.* 3rd ed. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.)

17. Engelgardt, Ye. A. (1832) Imperatritsa Mariya Fedorovna v bogougodnykh yeye zavedeniyakh = Empress Maria Fedorovna in her God-pleasing establishments. St.Petersburg: Tipografiya departamenta narodnogo prosveshcheniya. (In Russ.)
18. Stoglav (1862). Kazan: Tipografiya gubernskogo pravleniya. (In Russ.)
19. Shchukin, P. I. (1997). Vospominaniya: Iz istorii metsenatstva Rossii = Memoirs from history of charity in Russia, prepared by N. V. Gorbushina. M: Gos. ist. muzei. (In Russ.)

Информация об авторе

Подольский В.А. – кандидат политических наук, доцент факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук

Information about the author

Podolskiy V.A. – Candidate of political sciences, assistant professor at the faculty of political science of the State Academic University for the Humanities

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 05.11.2021.

The article was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 01.11.2021; accepted for publication 05.11.2021.

Научная статья

УДК 94(47)

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_140

**ДРЕВНЕЙШИЙ КОМПЛЕКС МЕСТНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
(обстоятельства создания и состав)**

И. Г. Пономарева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
vasiliy_ii@mail.ru

Аннотация. Историки XIX в. ввели в научный оборот комплекс генеалогических документов XV в. и определили их характер. Часть документов связали с местническим делом XV в. Осталась непонятна связь с ним некоторых актов и упомянутых лиц. Историки XX в. оставили без внимания наработки предшественников. Это привело к негативным последствиям для понимания важнейшего социального института: неверно определяются время появления местничества и степень его развития до XVI в. В статье завершена работа по выявлению взаимосвязи документов и упомянутых персонажей, что открывает путь к дальнейшему осмыслению содержания актов и пересмотру устоявшихся взглядов на местничество.

Ключевые слова: местничество, местнические отношения, материалы о местничестве, местнический суд

Для цитирования: Пономарева И. Г. Древнейший комплекс местнической документации (обстоятельства создания и состав) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 140–155. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_140

Original article

**THE EARLIEST BODY OF MESTNICHESTVO DOCUMENTS
(circumstances of creation and contents)**

I. G. Ponomareva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vasiliy_ii@mail.ru

Abstract. Historians of the 19th century introduced a body of genealogical documents of the 15th century and identified their nature. A part of the documents were connected to mestnichestvo of the 15th century. It remained unclear how certain acts and persons mentioned are connected to it. Historians of the 20th

century disregarded the results of their predecessors. This had negative impact on the understanding of a very important social institute: the time of emergence of mestnichestvo and the extent of its development until the 16th century was ascertained incorrectly. In this paper the work on identifying the connection between the documents and the persons mentioned is completed which clears the way for the subsequent comprehension of the acts' contents and revision of the established views on mestnichestvo.

Key words: mestnichestvo, mestnichestvo relationships, materials about mestnichestvo, mestnichestvo court cases

For citation: Ponomareva, I. G. (2021). The earliest body of mestnichestvo documents (circumstances of creation and contents). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(844), 140–155. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_140

Введение

Историкам давно известна группа документов XV в., упоминаемая ими с разными названиями (генеалогические материалы, генеалогические документы, родословные заметки и пр.), отличающаяся составом и порядком комплектации. М. Е. Бычкова выявила 15 таких комплексов [Бычкова, 1986, с. 81–89]. Исследователям XIX в. были известны и другие списки [Погодин, 1843, № 1. С. 233; Коркунов, 1857, с. 11–12, 20, 24, 25; прим. 54, 55, 98]. Отдельные документы есть в родословце сборника с Новгородской летописью по списку П. П. Дубровского [Полное собрание ... 2004, т. 43, с. 257–261]. Древнейший список комплекса 30-х гг. XVI в.) находится в сборнике с Типографской летописью [Полное собрание ... 2000, т. 24, с. 227–233]. Не опубликованным остается один из документов.

В общей сложности в комплекс входят 13 документов, все без дат. «Память¹ Генадія Бутурлина да Михаила Борисовичя». Письмо инока Геннадия Федору Давидовичу: «Господину Федору Давидовичу...». 4 списка бояр: «Память. Федор Сабур болиши был...»; «Память: которой боярин которого был больше и выше сидел»; «Бояря сидели...»; «Места боярские при великом князе»; «Память Федора Ивановича Сабура». 3 перечня бояр – свидетелей составления

¹Память (зд.) – общее название письменных сообщений, деловых записей, документов, в том числе копии и выписки из них [Словарь русского языка ... 1994, вып. 14, с. 141–142].

завещаний московских великих князей Дмитрия Ивановича, Василия Дмитриевича, Василия Васильевича: «Въ духовной великого князя Дмитрея Ивановичя писаны бояре...»; «Въ духовной великого Василия Дмитревич[я] писаны боярѣ»; «Въ духовной великого князя Василия Васильевич[я] писаны бояре...». 2 списка боярынь: «Память Петра Костянтиновичя»; «[...] Марьи Микулины жены...». Перечень бояр – свидетелей меновой сделки Василия I с митрополитом Киприаном: «А мѣнил дѣд мой...».

Впервые часть документов («Память Генадія Бутурлина да Михаила Борисовичя», «Память Петра Костянтиновичя», «Память Федор Сабур болши был...»; «А мѣнил дѣд мой...»; перечни свидетелей завещаний) попала в поле зрения А. Х. Востокова, опубликовавшего первые два акта с определениями: «памяти, касающиеся до местничества» и «памяти или записки местнические» [Описание рукописей Румянцевского музея, 1842, № CCCXXXVI, с. 475; № CCCXLIX, с. 492]. М. П. Погодин опубликовал 4 документа («Память Генадія Бутурлина да Михаила Борисовичя»; «А мѣнил дѣд мой...»; «Бояря сидели...» и письмо), также указав на их местнический характер и отметив в этой связи их значимость [Погодин, 1843, с. 233–237]. М. А. Коркунов связал акты комплекса с дошедшей отдельно недатированной правой грамотой по местническому делу Василия Федоровича Сабурова и Григория Васильевича Заболоцкого. Вместе с правой он опубликовал почти все акты комплекса, как стало ему понятно, являвшиеся материалами следствия по названному процессу: «Господину Федору Давидовичу...»; «Память Генадія Бутурлина да Михаила Борисовичя» (под этим заголовком с разбивкой по статьям М. А. Коркунов объединил 3 акта, добавив к памяти 2 перечня бояр – «А мѣнил дѣд мой...» и «Бояря сидели...»); «Память: которой боярин которого был больше и выше сидел» (определенную другой редакцией статьи «Бояря сидели...»); «Память Федора Ивановича Сабура» [Коркунов, 1857, с. 17–21]. По лицам М. А. Коркунов отнес дело к XV в. Хотя главой судейской коллегии был великий князь Иван Васильевич, историк, сославшись на получение им титула при жизни отца, датировал процесс 1451 г. – 27 марта 1462 г. Позднее было определено, что наделение Ивана великокняжеским титулом состоялось в 1448 г. [Зимин, 1991, с. 133]. А. И. Маркевич дополнил информацию об упомянутых лицах, но сокрушался, что не удалось

установить конкретную связь с делом Сабурова – Заболоцкого (далее С–3) документов и их информацию. Так, ему было непонятно, «зачем впутаны в счет Бутурлины». А. И. Маркевич усомнился, что при жизни отца Иван Васильевич мог выдать правую грамоту, и отнес дело ко времени не позднее начала правления Ивана III [Маркевич: 1) 1879, с. 517–518, 775–784; 2) 1888, с. 242].

К сожалению, наработки историков XIX в. остались не востребованы. Материалы комплекса в XX в. стали рассматриваться как самостоятельные акты, которые были датированы по-разному: в пределах 30-х гг. – 1-й половины 60-х гг. XV в.; XVI в. [Бычкова, 1975, с. 125; 2) 1986, с. 87; Зимин, 1988, с. 299; Кучкин, 2006, с. 155–158; Назаров, 1999, с. 188]. С. Б. Веселовский, первым обратившийся к комплексу, верно понял предназначение документов: «С большой вероятностью можно полагать, что эти списки бояр являются ... выписками или материалами из местнических дел XV–XVI вв.» [Веселовский, 1969, с. 22–25]. Он установил родство В. Ф. Сабурова с Бутурлиными: через сестру Григорий Иванович Бутурлин приходился дядей В. Ф. Сабурову. [Веселовский, 1969, с. 71, 188]¹. Именно незнание этого обстоятельства помешало историкам XIX в. осмыслить связь комплекса с местническим делом С–3. А. А. Зимин, посвятивший специальное исследование ранним местническим документам [Зимин, 1970, с. 109–118], предварил его заявлением, что изучение местничества «необходимо начать с *пересмотра источниковой базы*», но при чтении статьи, вошедшей в монографию (Зимин 1988), создается впечатление, что историк *задался целью пересмотреть сложившиеся взгляды на местничество*. Источники, вопреки обозначенной теме, толком изучены им не были (одни – пересказаны, другие – лишь названы), но это не помешало их «забраковать». Среди рассмотренных материалов была привлечена правая грамота по местническому делу Петра Михайловича Плещеева и Петра Григорьевича Лобана Заболоцкого (далее – П–3) 1504 г., в состав которой входила уже упомянутая правая грамота по делу С–3, отнесенная А. А. Зиминим к 60-м – первой половине 70-х гг. Часть документов комплекса он бегло посмотрел, но отдельно от правых грамот, мимоходом отметив, что в правой по делу С–3

¹ С. Б. Веселовский также отметил, что Бутурлин монашествовал лет 40, став монахом в конце 30-х гг.

«странным образом» повторяются имена авторов «Памяти Генадія Бутурлина да Михаила Борисовичя». Письмо было неверно интерпретировано как челобитная. Акты о боярских местах рассмотрены не были. В целом, А. А. Зимин посчитал, что проделанной работы «достаточно». Наблюдения С. Б. Веселовского, которые шли в разрез с его позицией, он назвал предварительными, наработки историков XIX в. проигнорировал. Акты комплекса были объявлены «записями местнических отношений по воспоминаниям», если вообще не «плодом генеалогических размышлений», так как «не видно, чтобы они опирались на какие-либо письменные документы» [Зимин, 1988, с. 297–300], таковыми являясь. М. Е. Бычкова проследила архивное бытование комплекса, отнеся его оформление к 1506–1507 гг. Она отметила, что в документах фигурируют только представители видных родов конца XIV – первой половины XV в. Осмысливая их непосредственное предназначение, М. Е. Бычкова написала, что они были призваны подчеркнуть древность службы и значимость Сабуровых и Бутурлиных, и были необходимы некоему родовитому человеку для определения места на сословной лестнице [Бычкова: 1) 1975, с. 125; 2) 1986, с. 79–89; 3) 1997, с. 268]. Не зная обстоятельств появления документов в рамках местнического дела С–3, она интуитивно уловила их предназначение, связь с Бутурлиными и Сабуровыми. В. Д. Назаров дополнил наблюдения о Г. И. Бутурлине, определив, что он родился в конце XIV – начале XV в. и умер приблизительно в конце 1464 – начале 1466 г. Процесс С–3 В. Д. Назаров датировал 1463–1465 гг., связав с ним письмо, и предположил, что в комплексе «отразились тексты и заметки из личного архива» Г. И. Бутурлина [Назаров, 1999, с. 181–182, 186, 188].

Итак, историками XIX века были выяснены характер и предназначение актов комплекса, идентифицированы упомянутые в них лица, но не прояснена взаимосвязь документов и персонажей. Далее следовало, завершив эту сторону изучения документов, осмыслить их содержание. Но историографическая преемственность не была соблюдена, поэтому важно, завершив источниковедческую составляющую изучения комплекса, ввести в научный оборот уникальные материалы, дающие основание для пересмотра утвердившегося, но не обоснованного мнения о времени формирования местничества, а также представлений об этом институте в XV в.

**О причине включения «правой» грамоты XV в.
по делу Сабурова–Заболоцкого в правую 1504 г.
по делу Плещеева – Заболоцкого**

Недатированная «правая» грамота по делу С–3, с которой непосредственно связан комплекс, дошла в составе правой грамоты по местническому делу П–3 1504 г., в XVI в. хранившейся в Царском архиве [Государственный архив России XVI столетия, 1978, с. 77, ящик 178]. Из его описи 1572–1575 гг. [Ясинский, 1889, с. 3; Шмидт, С. О. 1960, с. 8–9] известно, что 26 мая 1563 г. «правая» грамота была передана Ивану IV. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Тексты обоих актов сохранились в разрядной книге [Разрядная книга 1475–1605 гг., 1977, с. 81–86]¹.

Дело П-3. Дело 1504 г. возникло из-за отказа П. М. Плещеева ехать вместе с П. Г. Заболоцким в составе посольства в Литву. Он настаивал, что «местом более», так как его отец Михаил Борисович был «больше» Ивана Федоровича Сабурова, апеллируя к решению суда Ивана III «о местех» между младшим братом Ивана Федоровича – В. Ф. Сабуровым и отцом Лобана – Г. В. Заболоцким в пользу Сабурова. Лобан отверг факт суда, но П. М. Плещеев заявил, что у сына В. Ф. Сабурова хранится «правая» грамота, которая была явлена следствию и приобщена к делу [Разрядная книга 1475–1605 гг., 1977, с. 81–82].

Дело С-3. Причиной конфликта, «вылившегося» в дело С–3, был спор на пиру из-за мест. В. Ф. Сабуров настаивал, что его отец «сидел выше Григорьева отца ... за многое бояр». Несогласный с этим Г. В. Заболоцкий настоял, чтобы Иван III «обыскал своими боярь» (провел следствие). Среди свидетелей стороны В. Ф. Сабурова был Михаил Борисович Плещеев – отец П. М. Плещеева. Это объясняет его осведомленность о суде С–3, следствием чего стало использование в процессе 1504 г. материалов этого дела. Их выявлению посвящен следующий раздел статьи.

**О составе следственной документации
по делу Сабурова–Заболоцкого**

«Память Генадія Бутурлина да Михаила Борисовичя: какъ князь Юрьи Патрекѣевичъ приѣхаль, а заехалъ бояръ...» [Полное

¹Самый ранний список книги (Щукинский) по филиграммам датируется 40-ми гг. XVII в.

собрание..., 2004, т. 24, с. 232]. Документ показывает иерархию бояр – членов Думы Василия I на момент переезда из Литвы в 1406 г. князя. Еще М. А. Коркунов обратил внимание на совпадение имен памяти с перечнем бояр – послухов 1-й душевной грамоты Василия I (13 февраля – 7 июня 1407 г.¹). С. Б. Веселовский и А. А. Зимин сочли ее источником для памяти [Коркунов, 1857, с. 359; Веселовский, 1969, с. 22–26; Зимин, 1991, с. 112]. М. Е. Бычкова и В. А. Кучкин доказали ее самодостаточность². Из памяти следует, что в 1406 г. первым боярином был *дядя отца В. Ф. Сабурова* – Константин Дмитриевич Шея, что доказывало высокий статус Сабуровых.

Вывод. Память входила в комплекс документации по делу С–3.

«Господину Федору Давидовичу...» [Полное собрание... 2000, т. 24, с. 232] – ответ инокa Геннадия Бутурлина двоюродному племяннику Федору Давидовичу Хромого³ (в «правой» по делу С–3 он назван членом судейской коллегии) на его запрос. В письме три части. 1. Сведения о боярских местах, призванные подчеркнуть статус деда В. Ф. Сабурова по матери – Ивана Бутурли. 2. Сведения о статусе отца Г. В. Заболоцкого со ссылкой на Петра Константиновича (Добрынско-го): «То память Петрова Константиновича, да и наша...». 3. Сведения о статусе отца В. Ф. Сабурова. «Спросит нас себе князь великий, и ему скажем в черенецкое послушество – Федор Иванович Сабур сидел выше...».

Вывод. Память входила в дело С–3.

4 документа фиксируют порядок рассаживания бояр Василия I в соответствии с их иерархией. 1. *«Память. Федор Сабур болши был...»* [РГБ. Ф. 256 (Собрание рукописных книг Н. П. Румянцева). № 349. Л. 268 об.]. 2. *«Память: который боярин которого больше был и выше сидел»* [Веселовский, 1968, с. 25]. 3. *«Бояря сидели»* [Погодин,

¹ В числе гарантов отсутствует его брат Константин, в этот день отбывший в Псков [Присёлков, 1950, с. 465]. Оттуда Константин выехал 20 июля [Полное собрание ... т. 5, вып. 1, с. 30; т. 5, вып. 2, с. 33, 115]. 7 июня – день смерти их матери (в завещание включены распоряжения на случай ее кончины).

² В первом завещании Василия I названы 7 бояр, а в памяти только 5, причем, как отметил В. А. Кучкин, порядок и форма записи лиц в обоих документах отличаются. Он счел, что составитель памяти опирался на воспоминания [Бычкова, 1986, с. 85; Кучкин, 2006, с. 156].

³ М. А. Коркунов ошибочно определил их троюродными братьями [Коркунов, 1857, с. 356; Румянцевская редакция родословных книг 1977, с. 126–128].

1843, с. 234]. 4. «Места боярские при великом князе» [Веселовский, 1969, с. 24].

М. Е. Бычкова написала, что акты под номерами 1, 3 и 4 имеют одинаковый перечень лиц, и посчитала, что первый стал общим источником для остальных [Бычкова, 1986, с. 86]. Сравнение выявляет, что во всех документах одинаковый перечень бояр (об исключении см. далее), и делятся на пары, в каждой из которых акты различаются только началом.

I

«Память.

«Память: которой боярин которого был больше и выше сидел

Федор Сабур болиши был...» Федор Сабур больше был...»

Далее 12 человек.

II

«Места боярские при великом князе. Приехал к великому князю князь Юрьи Патрикиевич, Наримантов внук, а князю Ивану Булгаку да князю Данилу Щеняти дед.

«Бояря сидели:

Борис Данилович...»

И в ту пору бояре у великого князя сидели: Борис Данилович...».

Далее Федор Сабур и еще 12 человек. Далее Федор Сабур и еще 12 человек.

В каждой паре начало одного из актов расширено для разъяснения его содержания. Единственное отличие по составу лиц – добавление во II паре Бориса Даниловича (Плещеева).

Вывод. I пара, судя по упоминанию Ф. И. Сабура, была в деле С–З. Думается, в ходе следствия по делу 1504 г. по инициативе П. М. Плещеева на базе этой пары создали II-ю, в которую вписали деда П. М. Плещеева – Бориса Даниловича, современника Сабура. Для чего, – понятно: В. Ф. Сабуров выиграл суд у отца П. Г. Заболоцкого, и П. М. Плещеев намеревался доказать, что его отец был выше отца В. Ф. Сабурова, что, соответственно, позволяло П. М. Плещееву настаивать на более высоком статусе по отношению к сыну Г. В. Заболоцкого.

«Память Федора Ивановича Сабура» [Веселовский, 1969, с. 25] включает 3 части. В 1-й, схожей со списками бояр, перечислены лица, занимавшие в боярской иерархии положение ниже Сабура. Во 2-й – говорится о местническом споре между Даниилом Ивановичем (Подольским – младший брат Сабура) и Федором Вельяминовичем (младшая ветвь влиятельных в XIV в. Протасьевичей). Приводятся доказательства, что Подольский был «боле», чем показано высокое место даже младшего брата Сабура. 3-я часть сообщает, что Сабур успешно местничал со старшим братом Юрия Патрикеевича, первого боярина.

Вывод. Память входила в материалы дела С–3. А. И. Маркевич отметил, что Сабур умер в начале правления Василия II [Маркевич, 1879, с. 782]¹, и к нему проводившие следствие обратиться не могли. Объяснить появление его памяти можно тем, что следствие середины XV в. привлекло ранние документы, подобно тому, как это наблюдается в деле 1504 г.

«Въ духовной великого князя Дмитрея Ивановичя писаны бояре...», «Въ духовной великого Василія Дмитревич[я] писаны боярѣ», «Въ духовной великого князя Василія Васильевич[я] писаны бояре...» [Полное собрание..., 2000, т. 24, с. 232]. Подборка списков бояр-послухов завещаний великих князей призвана дать представление об их иерархии.

Вывод. Так как в деле С–3 просматривается стремление к привлечению ранних материалов, весьма вероятно включение списков в это дело, но с оговорками относительно последнего.

Списки бояр Дмитрия Донского и Василия I полностью соответствуют их перечням в их последних душевных грамотах. Принимая во внимание, что у Дмитрия Ивановича названы 10 бояр, можно утверждать, что подборка была составлена не по памяти, а по документам великокняжеского архива. Иначе обстоит дело со списком бояр Василия II.

¹ Самые поздние упоминания Федора Ивановича как действующего лица относятся к 1425–1430 гг. [Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв., 1964, т. 1, с. 53, № 49; Кобрин, 1970, с. 408, № 2].

Бояре-послухи предсмертного завещания (1462 г.)

Душевная грамота:
князь Иван Юрьевич, Иван Иванович, Василий Иванович, Федор Васильевич.

Приписная к душевной:
князь Иван Юрьевич, Федор Михайлович

Бояре-послухи завещания по списку комплекса

Душевная грамота:
Князь Иван Юрьевич (Патрикеев), Василий Данилович, Федор Васильевич (Басенок).

Перечни не совпадают. В выписке смущают и количество бояр (3 человека), и присутствие некоего Василия Даниловича. Можно предположить, что составитель обращался к недошедшему раннему варианту завещания Василия II. Он мог составить его в ордынском плену, когда в его окружении было немного людей. При этом не видна значимость списка бояр этого завещания для какого-либо из двух судов. Разве что Василий Данилович – неизвестный член рода Сабуровых или Плещеевых. Если признать существование раннего завещания Василия II, то речь должна идти о процессе С–З в период его правления. В целом, этот список остается загадкой. Можно лишь добавить, что он есть среди родословных материалов сборника с Новгородской летописью П. П. Дубровского, куда включен также список бояр-послухов завещания Василия III [Полное собрание... 2004, с. 261], что еще более запутывает ситуацию.

«Память Петра Костянтиновича» («Князь Юрьева Патрѣекѣевича княгини Анна сидѣла выше...») и документ с утраченным началом («[...] Марьи Микулины жены...») дают последовательность рассаживания боярынь [Полное собрание..., 2000, т. 24, с. 232]¹. А. И. Маркевич, признавая эту память очень важной, в то же время недоумевал: как она «применяется к делу»? [Маркевич, 1879, с. 775–782]. Действительно, в списках как будто не упоминается ни одна из представительниц родов Сабуровых, Бутурлиных или Плещеевых, но есть родственницы других членов великокняжеского двора Василия I.

¹ О происхождении списков боярынь см.: [Пономарева 2014, с. 290–292].

Вывод. По составу лиц хронологически эти документы увязываются с делом С–3, и видимо относились к нему.

«А мёнил дёд мой» [Погодин, 1843, с. 234]. Изучавший комплекс первым М. П. Погодин признал, что не может понять здесь значение слова «менил». М. А. Куркунов понимал, что речь идет о сделке мены, но неверно определил ее суть. Для ясности следует привести текст памятника. «А мёнил дёд мой князь великий Василий Дмитриевич с своим отцем с Кипреяном с митрополитом своими боары (далее перечень) ... А Кипреян митрополит мёнил с моим дёдом с великим князем Василиём Дмитриевичем своими бояры (перечень)» [Полное собрание..., 2000, т. 24, с. 233; Акты феодального землевладения и хозяйства..., 1951, № 1]¹. М. А. Коркунов решил, что речь идет о мене боярами², и не мог понять, как этот акт вписывается в дело, но уверенно связал документ с «Памятью Генадія Бутурлина да Михаила Борисовича» из-за их соседства в его списке комплекса, приписав авторство обоим Геннадию, хотя его интриговало словосочетание «дёд мой»: Василий I никак не мог быть дедом Г. И. Бутурлина [Коркунов, 1857, с. 358–363]. Это недоразумение А. И. Маркевич объяснил опиской и настаивал на неверном чтении: «дёд твои». На самом деле, акт – выписка из жалованной грамоты Ивана III от 17 марта 1483 г., согласно которой бояре свидетельствовали мену владениями [Маркевич, 1879, с. 517–518; Акты феодального землевладения и хозяйства..., 1951, № 1, с. 23–24]. Очевидно, что из жалованной для были почерпнуты сведения об иерархии бояр для следствия.

Вывод. Документ, являющийся копией заключительной части грамоты Ивана III от 17 марта 1483 г., не входил в дело С–3. Дата грамоты и упоминание Даниила Феофановича – брата родоначальника Плещеевых, однозначно относят выписку к делу 1504 г.

Заключение

Большая часть комплекса с документацией местнического характера относится к делу С–3. Его материалы были задействованы в деле П–3 1504 г. и дополнены: выпиской «А мёнил дёд мой» и парой актов,

¹ А. В. Кузьмин датирует сделку периодом с 6 марта 1390 по 13 февраля 1392 г. [Кузьмин, 2015, с. 40].

² Также трактовал этот документ и С. М. Соловьев [Соловьев, 1847, с. 280].

подготовленных по аналогии с актами-дубликатами о местах бояр дела XV в. Пара из раннего дела, послужившая образцом, скорее всего, на суде 1504 г. не фигурировала, но ее наличие важно, как свидетельство того, что дошел полный комплект материалов первого дела, чье официальное происхождение и достоверность несомненны. Хотя оригиналы документов не дошли, можно однозначно утверждать, что сохранился *полный комплект копий местнического дела середины XV в. – древнейшего из задокументированных*. Его комплекс и материалы суда 1504 г. содержат сведения об организации следствия по счетным делам (типах документации, аргументации сторон), местнической бытовой и судебной практике. К сожалению, уникальная информация остается невостребованной историками, хотя показывает существование института местничества в развитых формах задолго до времени, к которому, принято, полагаясь на мнение А. А. Зимина, относить его оформление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. I / подготовил к печати Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Ч. 1.
2. *Бычкова М. Е.* Римская тема в русских генеалогических сочинениях XVI–XVII вв. // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 28–30 мая 1986 г. М.: Ин-т российской истории, 1997. С. 266–274.
3. *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1975.
4. *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М.: Наука, 1986.
5. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969.
6. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / подготовка текста и комм. А. А. Зимина ; под ред. и с предисловием Л. В. Черепнина. М.: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1978. Т. 1.
7. *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.
8. *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI // Археографический ежегодник за 1968 год. М.: Наука, 1970. С. 109–118.

9. *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.
10. *Кобрин В. Б.* Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Археографический ежегодник за 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 406–410.
11. *Коркунов М. А.* Памятники XV в.: Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1857.
12. *Кузьмин А. В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Севере-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М.: ЯСК, 2015. Т. II.
13. *Кучкин В. А.* Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1. С. 154–168.
14. *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса: Тип. «Одесского Вестника», 1888.
15. *Маркевич А. И.* О местничестве. Ч. I. Русская историография в отношении к местничеству. Киев: Тип. М. П. Фрица, 1879.
16. *Назаров В. Д.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. Ч. III. Троицкий старец Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М.: ЯРК, 1999. С. 180–189.
17. Описание рукописей Румянцевского музея / сост. А. Востоковым. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1842.
18. *Погодин М. П.* Свидетельства о местничестве задолго до Иоанна III, при в. к. московском Василии Дмитриевиче и Дмитрии Донском // Москвитянин. 1843. Ч. I. С. 233–237.
19. *Пономарева И. Г.* Раннее упоминание о свадебных чинах в документах великокняжеской канцелярии // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14 января – 15 апреля 2014 г. М.: РГГУ, 2014. С. 290–292.
20. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 5: Вып. 1: Псковская 1-я летопись. М.: ЯРК, 2003; Т. 5. Вып. 2: Псковские 2-я и 3-я летописи. М.: ЯРК, 2000; Т. 24: Типографская летопись. 2-е изд.: М.: ЯРК, 2000; Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского М.: ЯСК, 2004.
21. *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.
22. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1. М.: Наука, 1977.
23. Румянцевская редакция родословных книг // Редкие источники по истории России. М.: Наука, 1977. Ч. 2. С. 72–182.
24. Словарь русского языка XI–XVIII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука – Азбуковник, 1975–1988. Вып. 14.

25. Соловьев С. М. О местничестве // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М.: Типография Семена, 1847. С. 263–316.
26. Шмидт С. О. Введение / Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960.
27. Ясинский А. Н. Московский государственный архив в XVI в. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1889.

REFERENCES

1. Bakhrushin, S. V. (Ed.). (1951). Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV–XVI vekov. P. I. M.: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.)
2. Bychkova, M. Ye. (1997). Rimskaya tema v russkikh genealogicheskikh sochineniyakh XVI–XVII vv. Rim, Konstantinopol', Moskva: sravnitel'no-istoricheskoye issledovaniye tsentrov ideologii i kul'tury do XVII v. VI Mezhdunarodnyy Seminar istoricheskikh issledovaniy «Ot Rima k Tret'yemu Rimu» (pp. 266–274). Moscow, 28–30 may, 1986. M.: In-t rossiyskoy istorii. (In Russ.)
3. Bychkova, M. Ye. (1975). Rodoslovnnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Bychkova, M. Ye. (1986). Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Veselovskiy, S. B. (1969). Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Cherepnina, L. V., Zimin, A. A. (Eds.). (1978). Gosudarstvennyy arkhiv Rossii XVI stoletiya. Opyt rekonstruktsii. Moscow: Akademiya nauk SSSR, Institut istorii SSSR. Vol. 1. (In Russ.)
7. Zimin, A. A. (1991). Vityaz' na rasput'ye: Feodal'naya voyna v Rossii XV v. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
8. Zimin, A. A. (1970). Istochniki po istorii mestnichestva v XV – pervoy treti XVI. Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1968 god (pp. 109–118). Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Zimin, A. A. (1988). Formirovaniye boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV – pervoy treti XVI v. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Kobrin, V. B. (1970). Gramoty XIV–XV vv. iz arkhiva Kirillo-Belozerskogo monastyrya. Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1968 gg. (pp. 406–410). Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Korkunov, M. A. (1857). Pamyatniki XV v.: Akty iz dela o mestnichestve Saburova s Zabolotskim. St.Petersburg: Tip. Imperatorskoy akademii nauk.
12. Kuz'min, A. V. (2015). Na puti v Moskvu: ocherki genealogii voyenno-sluzhilykh znati Severe-Vostochnoy Rusi v XIII – seredine XV v. Moscow: YASK. Vol. II. (In Russ.)

13. Kuchkin, V. A. (2006). Bol'shoy moskovskiy namestnik Ivan Yur'yevich Patrikeyev. Otechestvennaya istoriya, 1, 154–168. (In Russ.)
14. Markevich, A. I. (1888). Istoriya mestnichestva v Moskovskom gosudarstve v XV–XVII veke. Odessa: Tip. «Odesskogo Vestnika». (In Russ.)
15. Markevich, A. I. (1879). O mestnichestve. P. I. Russkaya istoriografiya v ot-noshenii k mestnichestvu. Kiyev: Tip. M. P. Fritsa, 1879. (In Russ.)
16. Nazarov, V. D. (1999). Razyskaniya o drevneyshikh gramotakh Troitse-Sergi-yeva monastyrya. P. III. Troitskiy starets Gennadiy Buturlin. In Vostochnaya Yevropa v istoricheskoy retrospektive (pp. 180–189). K 80-letiyu V. T. Pa-shuto. Moscow: YARK. (In Russ.)
17. Vostokov, A. (Ed.). (1842). Opisaniye rukopisey Rummyantsevskogo muzeya. St.Petersburg: Tip. Imperatorskoy akademii nauk. (In Russ.)
18. Pogodin, M. P. (1843) Svidetel'stva o mestnichestve zadolgo do Ioanna III, pri v. k. moskovskom Vasiliy Dimitriyeviche i Dmitriye Donskom. In Moskvity-anin (pp. 233–237). P. I. (In Russ.)
19. Ponomareva, I. G. (2014). Ranneye upominaniye o svadebnykh chinakh v dokumentakh velikoknyazheskoy kantselyarii. In Vspomogatel'nyye i spetsial'nyye nauki istorii v XX – nachale XXI v.: prizvaniye, tvorchestvo, obshchestvennoye sluzheniye istorika (pp. 290–292). Moscow: RGGU. (In Russ.)
20. Polnoye sobraniye russkikh letopisey : v 43 t. T. 5: Vyp. 1: Pskovskaya 1-ya letopis'. M.: YARK, 2003; T. 5. Vyp. 2 : Pskovskie 2-ya i 3-ya letopisi. M.: YARK, 2000; T. 24: Tipografskaya letopis'. 2-ye izd.: M.: YARK, 2000; T. 43: Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo M.: YASK, 2004. (In Russ.)
21. Prisol'kov, M. D. (1950). Troitskaya letopis'. Rekonstruktsiya teksta. Mos-cow; Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. (In Russ.)
22. Razryadnaya kniga 1475–1605 (1977). Vol. I. P. 1. Moscow: Nauka. (In Russ.)
23. Rummyantsevskaya redaktsiya rodoslovnykh knig (1977). In Redkiye istochni-ki po istorii Rossii (pp. 72–182). Moscow: Nauka. P. 2. (In Russ.)
24. Slovar' russkogo yazyka XI–XVIII vv. (1975–1988). In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. Moscow: Nauka – Azbukovnik. Issue 14. (In Russ.)
25. Solov'yev, S. M. (1847). O mestnichestve. In Moskovskiy literaturnyy i uchenyy sbornik na 1847 god (pp. 263–316). Moscow: Tipografiya Semena. (In Russ.)
26. Shmidt, S. O. (1960). Vvedeniye. Opisi Tsarskogo arkhiva XVI veka i arkhiva Posol'skogo prikaza 1614 goda. Moscow: Izd-vo Vostochnoy literatury. (In Russ.)
27. Yasinskiy, A. N. (1889). Moskovskiy gosudarstvennyy arkhiv v XVI v. Kiyev: Tip. Imp. Un-ta sv. Vladimira. (In Russ.)

Информация об авторе

Пономарева И. Г. – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических наук и архивоведения Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Ponomareva I. G. – PhD (History), Associate Professor, Department of Historical Sciences and Archival Science, Institute of Humanities and Applied Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию 18.10.2021; одобрена после рецензирования 05.11.2021; принята к публикации 06.11.2021.

The article was submitted 18.10.2021; approved after reviewing 05.11.2021; accepted for publication 06.11.2021.

Научная статья

УДК 94(571)

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_156

**ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНЫ И ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В ЖУРНАЛЕ «РАЗВЕДЧИК» С ПОЗИЦИЙ ВОЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

Н. Н. Романов¹, В. В. Трифонова²

¹Сызранский филиал ВУНЦ ВВС ВВА им. профессора Н. Е. Жуковского
и Ю. А. Гагарина, Сызрань, Россия, nic.nic.rrr@mail.ru

²Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева,
Самара, Россия, vitolda08@yandex.ru

Аннотация. В работе, с позиций военной антропологии, анализируются проблемы дисциплины и воинского воспитания. Источниковой базой исследования стали статьи известных военных теоретиков, опубликованные в журнале «Разведчик». Рассматривается влияние морально-психологического состояния войск на дисциплину, а также возможности ее повышения через восприятие авторов журнала. Подчеркивается роль прессы как исторического источника по военной антропологии. Сделан вывод о воспитательном значении журнала «Разведчик», об огромном вкладе теоретических разработок его авторов в фундаментальные вопросы воинского воспитания и дисциплины.

Ключевые слова: военная антропология, дисциплина, воспитание, журнал «Разведчик»

Для цитирования: Романов Н. Н., Трифонова В. В. Проблемы дисциплины и воинского воспитания в журнале «Разведчик» с позиций военной антропологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 156–168. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_156

Original article

**PROBLEMS OF DISCIPLINE AND MILITARY INSTRUCTION
IN THE «RAZVEDCHIK» JOURNAL FROM THE POSITION
OF MILITARY ANTHROPOLOGY**

N. N. Romanov¹, V. V. Trifonova²

¹Syzran branch of the VUNC VVS VVA named after Professor N. E. Zhukovsky
and Yu. A. Gagarin, Syzran, Russia, nic.nic.rrr@mail.ru

²Samara National Research University named after S. P. Korolev, Samara, Russia,
vitolda08@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the problems of discipline and military instruction from the position of military anthropology. The source base of the study are the articles of well-known military theorists published in the journal "Razvedchik". The influence of the moral and psychological state of the troops on the discipline, as well as the possibility of its enhancement through the perception of the authors of the journal, are considered. The role of the press as a historical source for military anthropology is emphasized. The authors draw the conclusion about the educational significance of the magazine "Razvedchik", about the huge contribution of theoretical developments of its authors to the fundamental issues of military discipline

Key words: military anthropology, discipline, education, Razvedchik Journal

For citation: Romanov, N. N., Trifonova, V. V. (2021). Problems of discipline and military instruction in the «Razvedchik» journal from the position of military anthropology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 156–168. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_156

Введение

Общественная актуальность военной антропологии связана с публикацией новых архивных документов, появлением огромного количества работ, основанных на анкетировании военнослужащих, на культурологических исследованиях. Данная научная дисциплина занимается изучением всего многообразия человеческого опыта, индивидуального и коллективного мышления и поведения, содержание и характер которых обусловлены социокультурным контекстом войн и вооруженных конфликтов» [Лазарев, 2016] По мнению Е. С. Сенявской, военная антропология опирается на достижения военной психологии и военной социологии [Сенявская, 2018].

Е.С. Сенявская считает, что военная психология и военная социология как научные дисциплины начали формироваться в начале XX века, после поражения России в русско-японской войне [Сенявская, 2018, с. 11].

Неисчерпаемый эмпирический материал для военной социологии и военной психологии дает военная пресса. Она всегда была оперативным источником информации о событиях на фронте, героях, а также средством популяризации их подвигов. Фронтные очерки, рассказы очевидцев, репортажи с места боев раскрывали читателю специфику оценки военных событий представителями разных родов и видов войск, их морально-психологическое состояние, взаимное восприятие

командиров и личного состава, т. е. всего того, что касалось «человеческого измерения войн и вооруженных конфликтов».

Анализ причин поражения России в Русско-японской войне, который проводился на страницах военных журналов, стал основой теоретических изысканий Драгомирова, Керсновского, Леера и др. Большое внимание эти авторы уделяли таким человеческим качествам, как умение подчиняться, выполнять приказ, проявлять инициативу – комплексу навыков, которые составляют суть воинской дисциплины.

Одним из горьких уроков Русско-японской войны стала плохая морально-психологическая подготовка войск, проявившаяся в падении воинской дисциплины. Особенно активно общественное обсуждение военных неудач Русско-японской войны с точки зрения дисциплины и воспитания проходило в журнале «Разведчик».

Объектом исследования в данной статье являются материалы журнала «Разведчик» и содержащееся в них понимание военными начала XX века проблем воинской дисциплины и воспитания.

Предмет исследования – освещение в журнале «Разведчик» вопросов дисциплины и путей ее повышения.

Работа выполнена в проблемном поле военной антропологии с использованием конкретно-исторического и междисциплинарного методов.

Проблемы дисциплины и воспитания в зеркале российской прессы рассматривались многими авторами в самых разных аспектах. К. С. Лазарев в своем исследовании пришел к выводу, что «авторы публикаций (журнала «Разведчик» – *Прим. авт.*) свели проблему воинского воспитания исключительно к ее внешним проявлениям: дисциплине, инициативе, взысканиям. Вне поля их зрения оставались вопросы патриотизма, нравственности, чести, товарищества, без которых немислимо полноценное формирование здорового и боеспособного армейского коллектива» [Лазарев, 2016, с. 51].

Эти выводы не совпадают с мнением П. Д. Симашенкова, который полагает, что «статьи русских офицеров, критикующих армейские порядки, были в подавляющем большинстве проникнуты идеей патриотизма, осознания ответственности за судьбы армии и страны. Особенно ярко это проявилось в обсуждении итогов Русско-японской войны». В работе П. Д. Симашенкова произведен анализ деятельности властных структур и органов государственного управления в

сфере культивирования патриотизма среди офицеров русской армии. Особое место в монографии занимает обзор периодической печати по этому вопросу. «Военная публицистика того периода была в основном конструктивной, так как предложения офицеров по устранению существующих недостатков носили конкретный характер» [Симашенков, 2015, с. 19].

Анализируя отношение к Русско-японской войне в русском обществе, Е. Гладкая отмечает важную роль прессы, периодических изданий, в формировании общественного мнения [Гладкая, 2008].

Вопросы воинской дисциплины в рассматриваемый период оказались в центре внимания в исследовании Н. Н. Романова «О морально-психологическом состоянии офицерского корпуса русской армии на рубеже XIX–XX вв.». В своей работе автор приходит к выводу, что «предшествующий опыт формирования высоконравственного офицера в условиях его максимальной изоляции от внешнего мира уже не дает желаемого результата. Более того, в новых социально-политических условиях... сама изоляция военнослужащих стала невозможной...» [Романов, 2017, с. 66–71].

Проблема морально-психологического состояния войск, его проявления в поведении человека на войне, пути воздействия на военнослужащих с целью повышения дисциплины стали важным аспектом военной антропологии.

Военная пресса в пореформенный период

Российская пресса пореформенного периода развивалась под влиянием Закона о печати от 1865 года. Закон оказался достаточно либеральным для того, чтобы журналисты смогли удовлетворить самые разнообразные потребности общества в информации. По количеству газет и журналов, их структуре и содержанию в пореформенный период Россия стояла в одном ряду с Великобританией, Францией, Германией.

Заметное место в ряду разных изданий занимала военная пресса – газета «Русский инвалид» и журнал «Разведчик». «Русский инвалид» издавался с 1813 года и имел статус официального органа военного ведомства со всеми присущими ведомственным особенностями: основная тема – восхваление русской армии, отрицание необходимости реформ, «консервация» армейских идей и практик.

Журнал «Разведчик» издавался в Российской империи с 1889 г. по 1917 год. Он был преобразован в журнальный формат из «Листка конторы и склада В. Березовского» и быстро стал популярным изданием в армейской среде. Это было частное издание Владимира Березовского, отставного капитана, владельца книжного дела. Когда в 1885 году у него возникла мысль об издании военного журнала, его горячо поддержал М. И. Драгомиров, занимавший пост Начальника Академии Генштаба. Однако Военное министерство П. С. Ванновского не разделяло энтузиазма Драгомирова, считая вполне достаточным наличие «Русского инвалида» как средства информирования армии. Лишь подписка Александра III на журнал в 1891 году дало ему право на легальное существование.

Концепция журнала определяла его не как профессиональное, научное издание, а как средство для досуга офицеров. Тем не менее страницы «Разведчика» стали популярной площадкой для серьезных дискуссий по различным вопросам армейской жизни. А публикации в нем статей Драгомирова, Деникина, Куприна превратили чтение журнала в распространенную форму досуга военных. Финансовая независимость, свобода слова, особенно заметная с 1905 г., позволили этому частному изданию поднимать проблемы не только воинского быта, но и такие «закрытые» темы, как управление войсками, армейская дисциплина и воинское воспитание.

Обсуждения перечисленных тем трудно было избежать ввиду их очевидного значения для военных кампаний, которые вела Русская армия на протяжении XIX – начала XX вв.

Зарождение военной социологии

В непростое для армии время, когда анализировались причины поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг., политическое и военное руководство пыталось изыскать возможные пути оздоровления ситуации с воинской дисциплиной и правопорядком. С этой целью Генеральным штабом был проведен опрос должностных лиц в генеральском звании, который некоторые исследователи считают началом развития военной социологии в России [Агеев, 1975]. В конце 1907 г. – начале 1908 г. командиры (уровня от начальника бригады и выше) ответили на 14 проблемных вопросов, сформулированных

весьма широко. Анализ более 100 ныне хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве ответов военачальников, позволяет сделать некоторые обобщения. Анализируя причины падения воинской дисциплины среди офицеров, генералы не только сетовали на политико-социальную ситуацию в России, пережившей революцию 1905-1907 гг., но и выявляли факторы, ошибки и беды, порожденные политическим и военным руководством страны.

Так, генерал А. В. Самсонов, представлявший Войско Донское, обращал внимание руководства на извечную беду Русской армии: господство и влияние личных отношений над исполнением требований закона. Размышляя о причинах низкого авторитета ряда военных руководителей, Самсонов указывал на два обстоятельства: 1) «...их непригодность к службе и 2) недостаточно внимательное отношение ... к интересам и личному достоинству подчинённых, что подготавливает среди последних толчок для недовольства...» (РГВИА. Ф.868. Оп.1. Д.821. Л.74, 75).

На недостаток профессионализма и низкие нравственные качества части воинских начальников указывали многие генералы.

Типичной можно считать позицию командующего войсками Казанского ВО генерала А. Г. Сандецкого, лично написавшего: «Все резервные части округа совершенно изнурены караульной службой. Вследствие их незначительного состава люди ходят в караул в две смены, поэтому ни о каких занятиях не может быть и речи» (РГВИА Ф.868. Оп.1. Д.821. Л.85).

Генерал-майор А. К. Петров, начинавший воинскую службу солдатом, помнил «старое, хорошее воинское обучение и воспитание». Поэтому современная ему ситуация, когда «имя Суворова солдатами, да и офицерами почти забыто...», подталкивала старого генерала к невеселым размышлениям о перспективах родной армии... (РГВИА Ф.868. Оп.1. Д.821. Л.317 об.).

Одним из важных инструментов воздействия на морально-психологическое состояние войск генералы считали формирование героических символов. В них они видели обобщенные образцы героизма, как массового, так и индивидуального, ценности, предмет для подражания и средство воспитания. Комендант Очаковской крепости генерал В. Н. Григорьев с горечью писал: «...упразднение батальонных знамен, нередко георгиевских, только что полученных

в победоносную войну с Турцией <...> есть разрушение традиций. И это случилось тогда, когда кругом твердили о значимости и самостоятельности мельчайших тактических единиц...» (РГВИА Ф.868. Оп.1. Д.821. Л.68).

Военачальники называли и другие факторы, затруднявшие воинское обучение и воспитание в начале XX века: рост пьянства в стране; антиармейская и антиофицерская направленность газет, театра, большей части общества; плохое материальное положение офицера; несправедливость наградной политики; кадровый протекционизм; ущемление прав и преимуществ строевых офицеров (то есть тех, кто непосредственно работал с личным составом); недостатки в аттестационной работе с офицерами.

Журнал «Разведчик» о дисциплине и воспитании

Следует заметить, что содержание публикаций в журнале «Разведчик» поднимает те же самые проблемы Российской армии. Статьи русских офицеров и генералов при всей разнонаправленности мнений отличала патриотическая позиция, желание разобраться в сути вопроса без «голового» критиканства. Значение этих публичных печатных выступлений было велико. По сути, они обеспечивали обратную связь командования армии с войсками, информируя о проблемах, выдвигая конкретные предложения по их решению.

На страницах журнала зарождались военная психология и военная социология. Вопросы морально-психологического состояния войск, сбор эмпирического материала по разнообразным армейским проблемам стали постоянными темами особенно после Русско-японской войны. Поражение России в 1905 году наглядно продемонстрировало, что достичь победы невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии в особенности. Регулирование этого состояния является важнейшей задачей воспитательной работы.

Генералы М. И. Драгомиров, Г. А. Леер, И. П. Маслов, А. С. Зыков, С. А. Друцкой, И. Г. Энгельман и др. были постоянными авторами «Разведчика». В своих статьях они вполне сознательно не разделяли два процесса: дисциплину и воспитание. Талантливые полководцы, они понимали, что «главное на войне – человек, и именно

они заложили основы изучения душевных явлений с военной точки зрения» [Сенявская, 2018, с. 11].

На протяжении нескольких лет в журнале «Разведчик» существовала рубрика «Наши делишки». Ее постоянным ведущим был генерал М. И. Драгомиров. В ней он поднимал вопросы воинского воспитания, справедливо полагая их основными в организации и управлении войсками. Любопытна дискуссия, которая развернулась в этой рубрике между Драгомировым и Хабаловым по поводу знаменитого афоризма Суворова «Пуля – дура, штык – молодец» [Драгомиров, 1905, с. 256–258]

Хабалов считал афоризм Суворова устаревшим во времена широкого использования огнестрельного оружия, его усовершенствованных образцов, особенно пулеметов. Он обвинял Драгомирова в несвоевременном использовании суворовского высказывания, которое малограмотные солдаты понимают буквально [Хабалов, 1905].

Драгомиров всегда был приверженцем суворовской системы воспитания, ее яростным пропагандистом. Он считал, что заветы Суворова универсальны для любого исторического этапа и незаслуженно были забыты в России с николаевских времен. По его мнению, применительно к началу XX в. афоризм надо понимать, как призыв к самоотверженности в бою, когда полагаться на силу оружия недостаточно. «На прощание позволяю себе дать Вам по праву военного, да еще и старика, товарищеский совет: не подчиняйтесь в ваших исследованиях чувству одного самосохранения, но заставляйте себя помнить и о значении в бою самоотвержения. Самосохранение у всякого человека говорит так сильно, что совершенно заглушает голос самоотвержения, и нужно делать над собою большое усилие воли, чтобы не забывать в выводах и сего последнего» [Драгомиров, 1905, с. 256–258].

Для многих авторов «Разведчика» понятие «дисциплина» неразрывно связано с понятием «нравственность». О. Торклус в статье «К поднятию дисциплины» приходит к выводу, что дисциплина в армии в целом резко упала. Упадок дисциплины, по его мнению, выражается в утрате большинством молодцеватого вида, в развязном поведении нижних чинов. Корень проблемы автор видит в нравственном состоянии деревни как основного поставщика солдат в войска. Он указывает на беспробудное пьянство, отсутствие сдерживающего

морального воздействия со стороны станových, исправников и других представителей деревенского начальства.

Поэтому О. Торклус предлагает поднять уровень нравственности прежде всего в деревне. Он указывает на такой кадровый резерв воспитательной работы как подпрапорщики – люди, «прослужившие в войсках на сверхурочной службе более 12 лет и хорошо аттестованных своим начальством» направлялись бы Военным ведомством в сельские школы. Тогда армия «получала бы новобранцев уже не чуждых дисциплине». Свои размышления он подтверждает следующим доводом: «Немцы говорят (и это верно), что в 1870 году французов побил их школьный учитель. Необходимо и нам позаботиться, чтобы подрастающее поколение уже с детского возраста попало в надежные и крепкие руки» [Торклус, 1909, с. 283–284].

Практически все авторы признают, что «дело воспитателя – крайне сложное, требующее не только знаний теоретических, не только практической подготовки, но нередко и врожденного таланта». Так пишет князь С. А. Друцкой, постоянный автор журнала, в 1907 году. Он сетует на отсутствие системы подготовки воспитательных кадров для армии. «В области <...> воинского воспитания молодой офицер совершенно безоружен. Он должен воспитывать так, как ему заблагорассудится, как он понимает задачи воспитания и способы его». С. А. Друцкой настаивает, что одним из могущественных воспитательных средств является личный пример. «В сознании офицера личная дисциплина существует для подчиненных, но не для начальников». Вывод автора: «... улучшение дисциплины должно быть начато не с усиления строгости наказаний и не с установления новых карательных мер, а с установления в законе самого понятия дисциплины и подготовки начальствующего персонала, способного, усвоив ее сущность, *дисциплинировать себя*, привить затем ее элементы подчиненным [Друцкой, 1905, № 787, с. 875].

Активный автор журнала «Разведчик» С. А. Друцкой пытался разобраться в проблеме падения дисциплины с позиций системного подхода. В своих публикациях он отмечает «неопределенность понятия «дисциплина», что недопустимо в отношении этого основного начала бытия войск.

Друцкой критикует дисциплинарный устав, который говорит лишь о том, что «воинская дисциплина состоит в строгом и точном

соблюдении правил, предписанных воинскими законами. Но если убрать слово «воинские», то мы получим общее для всех граждан требование законности их действий». Автор формулирует идею воспитательного значения дисциплины, утверждая, что задача дисциплины – «управлять волею подчиненных, направлять эту волю к достижению поставленной цели» [Друцкой, 1905, № 786, с. 852–856].

Размышляя о путях повышения армейской дисциплины, К. Довбор-Мусницкий сетует на очевидный, с его точки зрения, разрыв в восприятии армии в военно-учебных заведениях и в строевых частях. «Наши военно-учебные заведения в настоящую минуту представляют в военном Министерстве какую-то автономную провинцию, правда, очень благонамеренную, но вследствие своего отчуждения от армии мало связанную с ней». Далее автор отмечает такой парадокс: «Воспитательной работой в военно-учебных заведениях занимаются люди, не любящие строя, и поэтому призванные вселять к нему любовь». Он предлагает сделать обязательной ротацию кадров из строевых частей в военно-учебные, и наоборот» [Довбор-Мусницкий, 1908, с. 857].

Резюмируя, можно привести высказывания А. Зыкова, известного военного воспитателя и публициста, который на страницах журнала «Разведчик» называл три основополагающих принципа воинского воспитания. Во-первых, авторитет начальника. Во-вторых, привычка повиноваться не по форме, а по духу. Привычка, которая идет рука об руку с личной инициативой – это требует очень большой, но мало заметной работы. Это уже дело не муштры, а воспитания. В-третьих, Зыков утверждал, что «приказ должен быть не только орудием управления, но и орудием воспитания, то есть допускать сотрудничество с подчиненным по его выполнению» [Зыков, 1909, с. 109–112].

Заключение

Журнал «Разведчик» является существенным историческим источником по вопросам военной антропологии вообще и, в частности, по вопросам дисциплины и воспитания в армии.

Дисциплина и воспитание, как процесс целенаправленного воздействия на подчиненного, для авторов журнала «Разведчик» представляют собой синкретичное состояние армейской жизни.

Воспитательная функция журнала «Разведчик» заключалась, прежде всего, в формировании комплекса нравственных качеств, главными из которых были патриотизм, воинский долг и офицерская честь.

Традиции и героическое прошлое армии России настолько разнообразны, что вполне способны быть фундаментом патриотической идеологии России, ее нравственной базой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Лазарев К. В.* Воспитательные аспекты армейской подготовки в военной публицистике конца XIX – начала XX вв. // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 46–51.
2. *Сенявская Е. С.* Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. № 24 (июнь). С. 10–46.
3. *Симащенко П. Д.* Государственное регулирование системы патриотического воспитания офицеров русской армии (конец XIX – XX вв.). М.–Берлин: Директ-Медиа, 2015.
4. *Гладкая Е. А.* Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ставрополь, 2008.
5. *Романов Н. Н.* О морально-психологическом состоянии офицерского корпуса русской армии на рубеже XIX – XX вв. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 1 (10). С. 66–71.
6. *Агеев А.* Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны // Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 99–104.
7. *Драгомиров М.* Наши делишки (десятая дюжина) // Разведчик. 1905. № 753. С. 256–258.
8. *Хабалов В.* «Ответ г. М. Драгомирову» // Разведчик. 1905. № 753. С. 256–258.
9. *Торкрус О.* К поднятию дисциплины // Разведчик. 1909. № 968. С. 283–284.
10. *Друцкой С. А.* Воинская дисциплина и способы ее улучшения в русской армии // Разведчик. 1905. № 787. С. 874–875.
11. *Друцкой С. А.* Воинская дисциплина и способы ее улучшения в русской армии // Разведчик. 1905. № 786. С. 852–856.
12. *Довбор-Мусницкий К.* Как удержать молодых офицеров в строю // Разведчик. 1908. № 948. С. 857.
13. *Зыков А.* Дисциплина и инициатива // Разведчик, 1909. № 956 С. 109–112.

REFERENCES

1. Lazarev, K. V. (2016). Educational aspects of army training in military journalism of the late XIX – early XX centuries. *Military history journal*, 4, 46–51. (In Russ.)
2. Senyavskaya, E. S. (2018). A man in war, or a thorny path from military history to military anthropology. *Historical Bulletin*, 24, 10–46. (In Russ.)
3. Simashenkov, P. D. (2015). *Gosudarstvennoye regulirovaniye sistemy patrioticheskogo vospitaniya ofitserov russkoy armii (konets XIX – XX vv.)* = State regulation of the system of patriotic education of officers of the Russian army (late XIX–XX centuries). Moscow–Berlin: Direct Media. (In Russ.)
4. Gladkaya, Ye. A. (2008). *Russko-yaponskaya voyna v massovom soznanii i obshchestvennoy mysli russkogo obshchestva v nachale XX veka* = Russo-Japanese War in the mass consciousness and public thought of the Russian society in the early twentieth century: abstract of PhD in Historical Sciences. Stavropol. (In Russ.)
5. Romanov, N. N. On the moral and psychological state of the officer corps of the Russian army at the turn of the XIX–XX centuries. *Humanitarian problems of military affairs*, 1(10), 66–71. (In Russ.)
6. Ageev, A. (1975). Officers of the Russian General Staff about the experience of the Russian-Japanese war. *Military history journal*, 8, 99–104. (In Russ.)
7. Dragomirov, M. (1905). Our affairs (tenth dozen). *Intelligence officer*, 753, 256–258. (In Russ.)
8. Khabalov, V. (1905). Reply to Mr. M. Dragomirov. *Intelligence officer*, 753, 256–258 (In Russ)
9. Torklus, O. (1909). Towards raising discipline. *Intelligence officer*, 968, 283–284. (In Russ.)
10. Drutskoy, S. A. (1905). Military discipline and ways to improve it in the Russian army. *Intelligence officer*, 787, 874–875. (In Russ.)
11. Drutskoy, S. A. (1905). Military discipline and ways to improve it in the Russian army. *Intelligence officer*, 786, 852–856. (In Russ.)
12. Dovbor-Musnitsky, K. (1908). How to keep young officers in the ranks. *Intelligence officer*, 948, 857. (In Russ.)
13. Zykov, A. (1909). Discipline and initiative. *Intelligence officer*, 956, 109–112. (In Russ.)

Информация об авторах

Романов Н. Н. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры ГиСЭД Сызранского филиала ВУНЦ ВВС ВВА им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Трифонов В. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королева

Information about the authors

Romanov N. N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of GiSED, Syzran branch of the VUNC VVS VVA named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin,

Trifonova V. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism Problems, Samara National Research University named after S. P. Korolev

Статья поступила в редакцию 26.10.2021; одобрена после рецензирования 30.10.2021; принята к публикации 05.11.2021.

The article was submitted 26.10.2021; approved after reviewing 30.10.2021; accepted for publication 26.10.2021.

Научная статья

УДК 433

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_169

ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ВО ФРАНЦИИ: ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

Н. В. Сафонова

Института востоковедения РАН, Москва, Россия,
safonovanat@gmail.com

Аннотация. Тема мигрантов занимает важную часть в общественно-политическом дискурсе современной Франции. К сожалению, это во многом связано с ростом исламского экстремизма, чьи идеи обретают все большую популярность, как среди мусульманских мигрантов, так и среди новообращенных мусульман. Одна из главных причин радикализации мигрантов связана с особенностями интеграционной политики Франции. В статье будут проанализированы причины кризиса этой политики, а также ее связь с распространением радикальных и экстремистских идей среди мусульман-мигрантов.

Ключевые слова: политика в сфере интеграции и иммиграции, Франция, мусульманские меньшинства, миграция, радикальный ислам

Для цитирования: Сафонова Н. В. Эволюция интеграционной политики во Франции: причины кризиса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 169–184. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_169

Original article

EVOLUTION OF THE INTEGRATION POLICY IN FRANCE: TO THE REASONS OF CRISIS

N. V. Safonova

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia,
safonovanat@gmail.com

Abstract. The topic of migrants occupies an important part in the socio-political discourse of modern France. Unfortunately, this is largely due to the growth of Islamic extremism, whose ideas are gaining increasing popularity among both Muslim migrants and Muslim converts. One of the main reasons for the radicalization of migrants is associated with the peculiarities of the integration policy of France. The article will

analyze the reasons for this policy's crisis, as well as its connection with the spread of radical and extremist ideas among Muslim migrants.

Key words: policy of integration and immigration, France, Muslim minority, migration, radical Islam

For citation: Safonova, N. V. (2021). Evolution of the integration policy in France: to the reasons of crisis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 169–184. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_169

Введение

Проблема адаптации и интеграции многочисленных мусульманских мигрантов в странах ЕС остается злободневной уже на протяжении нескольких десятилетий. С начала 2000-х годов в средствах массовой информации эта проблема соседствует с такими понятиями, как *исламизм, радикализация ислама и экстремизм*. Появление экстремистов в среде мусульман часто связывается с неудачами в области интеграционной политики, в частности, когда исследования касаются Франции. К особенностям ведения этой политики можно добавить и область противодействия исламскому экстремизму, законы, принятые против которого, влияют на жизнь всей мусульманской общины. Проводимая политика в сфере иммиграции и интеграции сложилась, в том числе, под воздействием принятой в стране ассимиляционной модели интеграции.

Особенности ассимиляционной модели интеграции мигрантов

В основе политики Франции, повлиявшей на интеграцию мусульман-мигрантов, лежит закон 1905 года об отделении церкви от государства, по которому Франция стала единственной страной в Европе, где принцип светского государства закреплен в качестве официальной идеологии [Долгов, 2015, с. 114]. Закон декларирует свободу вероисповедания для всех конфессий, но при этом религия является делом частным и духовные институты не подлежат финансированию государством. Этот принцип определяет и характер иммиграционной политики, направленной на интеграцию: в отличие от Великобритании (модель мультикультурализма), Германии (модель конституционного патриотизма), Франция выбрала ассимиляционную модель интеграции

мусульманской общины¹. В основе этой модели лежит индивидуальный подход, который требует от каждого присоединения к общественному договору, который негласно заключен между французскими властями и обществом, а также «принадлежности к политическому сообществу»². Принадлежность к нации определяет гражданство, которое изначально давалось по праву крови, но с XIX века действует и право почвы, то есть дети могут получить гражданство по достижении совершеннолетия, если они родились и живут на территории страны, и неважно являются ли их родители этническими французами или нет.

Ассимиляционная модель подразумевает, что иммигрантов необходимо интегрировать во французское общество, сделать их французскими гражданами: они должны разделять республиканские ценности, знать французский язык и учиться во французских государственных учреждениях³. Ассимиляционная модель, при которой граждане фактически принуждаются к интеграции, давно уже не устраивает тех, кто родился во Франции после первого поколения иммигрантов. Такая модель ведет, в частности, к противоречиям с внутрисемейными ценностями. Так, дети становятся изгоями в светском обществе, если

¹ Любопытно, что, завоевав Алжир и другие страны Магриба, Франция, сделав Алжир частью своей империи, сразу стала принуждать население к изучению французского языка, получению образования и приобщать к светской культуре [Бибикова, 2015, с. 274], уже тогда проявив тенденцию к обязательному распространению республиканских ценностей и склонность к ассимиляционной модели интеграции новых граждан.

² Термин «общественный договор» взят у Руссо Ж.-Ж. Сегодня он понимается как негласное соглашение между правящим классом и народом и подразумевает наличие у последнего таких конституционных прав, как свобода слова, право на мирные демонстрации, право голоса на выборах – выражение своего мнения по поводу проводимой политикой властями, а власти обязаны к этому голосу и мнениям прислушиваться. Институционально это выражается в «процедурах общественных дискуссиях, которые придают легитимность принимаемым законам. Данный общественный договор нигде не прописан, но существует в ментальности французов и в их политической традиции» [Новоженова, 2016, с. 187].

³ В Великобритании интеграция происходит не на индивидуальном уровне, а через этнические общины, в которых приветствуется поддержание ее культурной идентичности. Эти общины функционируют как самостоятельные ячейки общества. В Германии изначально действовала этническая модель, при которой другие национальные меньшинства практически не могут ассимилироваться. Однако в XXI веке эта модель была пересмотрена, и интеграция теперь происходит на основе разделения всеми членами общины уважения перед Конституцией и признанием верховенства закона [Хенкин, Кудряшова, 2015, с. 139].

следуют традициям семьи и ислама, а если предпочитают жить в соответствии с секулярными нормами, то становятся изгоями в собственной семье. Причем, многие семьи могут жестоко «перевоспитывать» таких бунтарей: высылать на родину, девушек выдавать насильно замуж¹. Молодежь оказывается между двумя культурными мирами. Выход она находит в мобилизации своей религиозной идентичности как ресурса противостояния обществу². При этом религиозность принимает радикальную направленность, приобретая форму «неотрадиционализма» или «фундаментализма», то есть становится способом адаптации, заключающемся в «отказе от принимающего общества, его культуры и образа жизни, взамен которого идеализируются собственная страна и культура» [Waldmann, 2010, с. 7].

Со временем Британия и Германии пересмотрели принятые в их странах модели интеграции: Британия решила частично отказаться от модели мультикультурализма с ее изолированными друг от друга этническими группами / общинами, практикующими свои традиции, в сторону большей включенности мигрантов в жизнь общества. Германия запустила программу, позволяющую курдам и туркам принять немецкое гражданство. И только Франция продолжает придерживаться неизменной модели ассимиляции.

Политика в области интеграции и миграции: к истории вопроса

Первое поколение мигрантов прибыло во Францию после окончания войны в Алжире (1954–1962). В это время страна переживала экономический бум: на предприятиях создавались новые рабочие

¹ О конкретных случаях писала в своем исследовании Е. Б. Деминцева [Деминцева, 2008, 192 с.]

² Особенно, это становится актуальным в условиях более остро ощущаемой представителями второго и третьего поколения дискриминации, расизма и социальной несправедливости, колониального прошлого (многие семьи-алжирцы до сих пор воспитывают в своих детях ненависть к французской власти). При этом, характер ислама всегда предполагал борьбу за свои права и находил отклик у угнетенных слоев. Достаточно вспомнить движение черных американцев в Америке, принявшее исламизированную форму, в начале XX в. Ислам помог им, в том числе, противопоставить себя белому американскому населению, традиционно находящемуся в рамках христианской культуры. Важным фактором здесь является «мирской» характер ислама, его политизированность, которые близки людям, борющимся за свои права и свободы.

места, на которые охотно нанимали иммигрантов из Магриба и Черной Африки: большинство рабочих приезжали на один или несколько сезонов, потом уезжали обратно, а их место занимали соплеменники. В 1980-е гг. мигранты перестали рассматриваться как временная рабочая сила, и их право проживания больше не было связано только с работой: всем стало понятно, что они остаются в стране.

Начало 1980-х гг. знаменуется первой попыткой второго поколения мигрантов, уже рожденных во Франции, бороться за свои права в качестве полноправных граждан страны. Самый крупный «марш за равенство», или «марш бёров», прошел в 1983 г. и собрал 10 тыс. манифестантов. Основной темой «движения бёров» стали расизм и дискриминация. Права манифестантов представляли такие только созданные ассоциации, как: «SOS расизм», «Антирасистское движение за дружбу народов» и «Франс-Плюс»¹ [Деминцева, 2015, с. 137]. Но эти организации начинают быстро терять свои позиции, а популярность набирают мусульманские организации, где акцент делается уже не на гражданские права, а на отстаивание религиозной идентичности.

В начале 1980-х гг. к власти пришли социалисты, что сначала способствовало смягчению политики, направленной на мигрантов, однако в 1983–1984-х гг. произошло очередное ужесточение законодательства. Такая смена подходов по отношению к мигрантам была связана как с изменением объективных экономических условий, так и с чередованием «левых» и «правых» правительств [Чернега, 2016, с. 140–156]. Но четкой миграционной политики им выработать не удалось [Трофимова, 2016, с. 61].

Так, Ф. Миттеран в начале своего президентства провел немало законов в поддержку иммигрантов, облегчая интеграцию мусульман во французское общество, поощряя дополнительное финансирование школ и социальной инфраструктуры в иммигрантских районах. Однако, именно тогда начался миграционный кризис и на этом фоне рост популярности правой партии – Национального фронта, который предложил резко сократить число мигрантов через депортацию нелегалов, сократить количество въезжающих в страну до 20 тыс. человек, упразднить программы по воссоединению семей, отменить бесплатное лечение и другие социальные льготы, а также отказать в предоставлении

¹ “SOS racism”, “Mouvement contre le racisme et pour l’amitié entre les peuples, MRAP”, “France-Plus”.

гражданства по праву почвы и объявить право «приоритета национального» в доступе к рабочим местам и социальной помощи [Новоженова, 2016, с. 198]. Ф. Миттеран, видя популярность «правых» партий, начал проводить традиционную республиканскую политику – «равного» отношения ко всем жителям Франции, отказавшись от целенаправленной поддержки районов, населенных мигрантами-мусульманами. Кроме того, сталкиваясь с критикой консервативных французов, обвинявших мусульман в неспособности адаптироваться к светским нормам общества и не афишировать свою религию, он начал пропагандировать «французский ислам» и бороться с иностранным влиянием на исламские организации Франции. «Французский», или, «просвещенный» ислам стал пониматься как «миролюбивый» и «толерантный» в противовес воинственному, политизированному «импортному» исламу [Алексеев, 2016].

Интеграционная политика французских властей в XXI веке

С начала 2000-х гг. власти начинают активно проводить политику, направленную на интеграцию мусульманских мигрантов и на борьбу с расизмом и дискриминацией. С одной стороны, принимаются законы, направленные на запрет всех видов прямой, а также непредумышленной дискриминации. С другой стороны – вводится запрет на ношение религиозной одежды и атрибутики в школах (вышел в 2004 г.), закон, запрещающий носить одежду, полностью закрывающую лицо в общественных местах (вышел в 2004 г.).¹ Эти запреты вызвали широкий резонанс в обществе: с одной стороны, были отмечены протестами мусульман, а с другой – продолжают провоцировать общественные дискуссии о целесообразности и законности подобных мер.

В 2002 г. Н. Саркози, будучи министром МВД, организовал Французский совет мусульманского культа, в который вошли лидеры исламских организаций, а главой его был назначен Д. Бубакер. С помощью этой организации французское правительство стремилось централизовать исламские практики: финансирование мечетей, обучение имамов, регулирование халяльной еды и др., а также сделать эту организацию посредником между правительством и мусульманской общиной.

¹ Следует отметить, что для французов республиканские ценности проявляются именно в среде государственных служащих, сюда же относится и школа.

При Н. Саркози в должности как президента, так и до этого министра МВД, французское правительство для усиления процесса интеграции начинает назначать на руководящие посты выходцев из иммигрантских семей (например, Рашида Дати стала министром юстиции в 2007 г.), строит музей истории иммиграции во Франции. Тогда же начали работать Национальный центр, посвященный изучению миграционной истории, Национальное агентство по равенству шансов и сплочению общества [Якубова, 2020, с. 35–41], а также появилось Министерство по миграции и национальной идентичности.

С 2003 г. начинает проводиться политика по улучшению жилищных условий окраин, направленная на улучшение положения мигрантов в сферах безопасности, благоустройства жилья, устройства на работу и получения образования. На реализацию плана по жилищному строительству было выделено 12 млрд евро на 2004–2012-х гг. [Шмелева, 2011, с. 135–140]. В план также входило решение проблемы безработицы – помочь в трудоустройстве 800 тыс. молодых людей, а также предоставить возможность 3 млн 500 тыс. ученикам из неблагополучных районов обучаться новой профессии. Для обеспечения безопасности в регионах были созданы группы, которые включали в себя служащих полиции, налоговой службы, жандармов и таможенников. Но хотя Н. Саркози и продолжил строительство дешевого социального жилья в благополучных городских кварталах – это не принесло ожидаемых результатов, так как численность населения неблагополучных районов продолжала расти, а повышения благосостояния и образования людей, переселившихся в благоустроенные кварталы, так и не произошло [Чернега, 2016, с. 140–156].

То, что проводимых мер было явно недостаточно продемонстрировали множественные протесты 2005 г., триггером которых явилась смерть двух подростков, спрятавшихся в трансформаторной будке от преследования полиции.

Интеграционная политика Франции и «исламская угроза»

Время президентства Э. Макрона отмечено самым большим количеством террористических атак¹ (последние атаки в Ницце в

¹ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_terrorist_incidents_in_France#20th_century

храме Нотр-Дам; в Париже вновь около издательства Charlie Hebdo). После убийства учителя С. Пати, президент объявил войну политическому исламу и «исламскому сепаратизму», а также подверг критике имамов, которые поддерживают связь с салафитами и Братьями-мусульманами и выступают против республиканских ценностей. Тогда же Жеральд Дарманин, министр внутренних дел страны, заявил, что Франция находится в состоянии войны с исламом не только внутри страны, но и в мире, а также указал на возможность совершения новых терактов. В виду новой угрозы на защиту школ и церквей были назначены тысячи полицейских и военных¹. Отражением опасений, связанных с радикальной исламизацией мигрантов, стало письмо², написанное бывшими военными, включая генералов в отставке, и адресованное Э. Макрону и членам правительства с целью предупредить о возможной гражданской войне на фоне расовых трений и исламизации, а также о необходимости проведения «сильной» политики с подключением для решения проблем армии. В письме военные отметили, что «страна оказалась на грани краха из-за исламистов из пригородных районов, которые отхватывают «куски» нашей страны и превращают их в территорию, где царят порядки, противоречащие нашей Конституции»³. Э. Макрон в ответ на письмо пообещал наказать подписавших, поскольку по французским законам военнослужащие не могут делать публичные политические заявления. Письмо военных нашло поддержку у «правых» и, видимо, у многих французов. Согласно проведенным опросам: недовольных политикой Э. Макрона в отношении борьбы с преступностью во Франции около 65 %⁴, а 58 % французов согласны с настроениями, изложенными в письме⁵.

¹ URL: <https://www.dw.com/ru/pochemu-vo-francii-tak-mnogo-musulman-stanovjatsja-radikalami/a-55481813>

² URL: <https://www.valeursactuelles.com/politique/pour-un-retour-de-lhonneur-de-nos-gouvernants-20-generaux-appellent-macron-a-defendre-le-patriotisme/>

³ URL: <https://iz.ru/1158207/kirill-senin-tatiana-baikova-ekaterina-postnikova/otechestvo-v-opasnosti-makrona-predupredili-o-riskakh-grazhdanskoj-voiny>

⁴ URL: <https://www.yahoo.com/news/retired-generals-warning-impending-civil-171713183.html?guccounter=1>

⁵ URL: <https://rg.ru/2021/04/30/francuzskie-voennye-predstanut-pered-sudom-za-pismo-o-grazhdanskoj-vojne.html>

Тем не менее нынешнее правительство продолжает придерживаться курса на ускоренную интеграцию и борьбу с дискриминацией¹, нелегальными мигрантами, не только во Франции, но и в Евросоюзе. В последнем законопроекте 2020 г. появились важные нововведения, а именно – запрет на перевод детей на домашнее обучение (чтобы дети могли равным образом социализироваться в школах), запрет для врачей выдавать справки о девственности (это противоречит ценностям демократии и свободы), приняты новые меры по борьбе с полигамией, ужесточен надзор за финансированием мечетей и проверкой школ и ассоциаций, обслуживающих религиозные общины.

Введение этих и других мер, критикуемых многими за религиозную дискриминацию, Э. Макрон объясняет как способ борьбы с исламским сепаратизмом, отрицая вмешательство в частную религиозную жизнь: «То, с чем мы должны бороться, – это исламистский сепаратизм. Это сознательный, теоретически проработанный, политико-религиозный проект, конкретным воплощением его являются неоднократные отклонения от ценностей Республики»².

Кроме того, в январе 2021 г. Э. Макрон предложил Совету мусульманского культа подписать хартию республиканских ценностей, которая вызвала раскол и полемику в Совете, в результате чего ее подписали только пять из девяти входящих туда организаций. Многие в Совете были недовольны тем, что хартия не затрагивает социальные проблемы, такие, как дискриминация и низкий уровень жизни.

Кризис интеграционной политики при Э. Макроне

Через создание Совета французские власти пытаются взаимодействовать с мигрантами и навязывать строгие нормы секуляризма, что отталкивает верующих мусульман. Это способствует сохранению

¹ Однако, как следует из доклада уполномоченного по правам человека при президенте Франции – Жака Тубона, проблемы дискриминации остаются нерешенными. Так, миллионы иностранцев (темнокожих и арабов) продолжают сталкиваться с дискриминацией при получении работы, жилья, образования, при взаимодействии с полицией и при обращениях в органы власти (*RFI*. 22.06.2020). URL: <https://www.rfi.fr/ru/франция/20200622-страдають-миллионы-иностранцев-во-франции-признали-проблему-дискриминации>

² URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/droits-de-l-homme/liberte-de-religion-ou-de-conviction>

общественной изоляции и маргинализации мусульман, а подобная среда способствует распространению радикальных исламистских и экстремистских идей. Это относится в первую очередь к мигрантам второго и третьего поколений, на которых иммиграционная политика и дала сбой. Если первое поколение ассимилировалось достаточно быстро, то многие молодые люди следующих поколений начали противопоставлять себя французскому обществу, а не интегрироваться в него. Дети мигрантов, ощутив свою «инаковость», начали примерять на себя маркеры мусульманской идентичности еще в конце 1980 – начале 1990-х гг.: тогда и начинаются первые дискуссии по поводу ношения никабов студентками колледжей. Это происходило на фоне провального «движения бёров», показавшего сложность борьбы за полноценную интеграцию гражданскими методами.

Полноценная интеграция французских мусульман в общество серьезно осложняется их неравноправным социально-экономическим положением. Даже среди второго поколения мигрантов, прошедших обучение во французских школах, безработица гораздо выше, чем у коренных французов, а работающие мигранты первого и второго поколения в среднем получают значительно более низкую зарплату, чем коренные французы. Это во многом связано с дискриминацией арабов и африканцев при приеме на работу. Согласно исследованию 2017 года, основанному на анализе 6 200 объявлений о работе, мусульманам практически невозможно получить место, если они пишут в анкете, что религиозны [Valfort, 2017, с. 1]. При этом обратная ситуация была отмечена в том же исследовании для представителей христианской религии.

Уровень образования (процент имеющих полное среднее и высшее образование) среди мигрантов также гораздо ниже. Об отсутствии социальной мобильности свидетельствуют данные последней статистики: в Национальной школе администрации (ENA), главной «кузнице» управленцев, из 100 учеников только 4-5 – «выходцы из семей рабочих и наемных служащих»¹. Причиной этого послужили плохо реализованные программы в области образования и развития неблагополучных кварталов: например, все дети одного района ходят в одну школу в том же районе, что только способствует дальнейшему укреплению границ замкнутого квартала, а не их расширению, как планировалось.

¹ URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/16/89246-frantsuzskaya-respublika-protiv-islamizma>

Неудачи в реформировании школьного образования и отторжение от школ целого поколения, уже рожденных во Франции мигрантов, привело к тому, что к 2000-м гг. пригороды были полны молодежи, которая осознавала отсутствие социальных лифтов и охотно присоединялась к криминальному бизнесу. В итоге произошло еще большее «замыкание» кварталов на самих себе и их криминализация.

Согласно отчету по развитию терроризма и бандитизма в диаспорах, исследователи отмечают, что бандитизм во Франции – это давняя проблема. Бандиты контролируют территории и поддерживают определенные субкультуры, некоторые принимают ислам. В пригородах процветает торговля наркотиками и черные рынки: именно контроль над районами различных банд обуславливает их высокую степень замкнутости. У исследователей не так много информации о диаспорах и действующих там бандах, но известно, что только некоторые из них являются исламистами. Однако, если какие-то индивиды и идентифицируют себя с мусульманами, то только на поверхностном уровне: если криминальные группировки и становятся местами по рекрутированию исламистских экстремистов, их главной целью является обогащение, насилие, но не следование религиозным исламским принципам и нормам [Haut, 2007, с. 23–25]. Недавно возникшие беспорядки в Дижоне показали размах и развитие бандитизма, связанного с чеченской диаспорой в городе¹.

Интеграция мусульман осложняется также их негативным восприятием: процент этнических французов с негативным восприятием вырос с 29 % в 2004 г. до 38 % в 2008 г., а 62 % французов в 2011 г. оценили взаимоотношения коренных жителей и мусульман в целом как плохие. В стране в последнее время участились случаи нападений на мусульманок в хиджабах и осквернения мечетей. Всё это – неудачная интеграционная политика в целом – создает «питательную среду» для роста исламского экстремизма [Fellag, 2014, с. 1–25].

Запреты на выражение религиозной идентичности связаны с пониманием ислама как «корня зла» и как причины невозможности интеграции мусульман в светское общество. При этом не учитывается тот факт, что идентичность способна меняться во времени, она представляет собой сложное и многоуровневое явление, которое может включать

¹ URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/06/16/162331-vo-frantsuzskom-dizhone-chetyre-nochi-podryad-proishodyat-besporyadki-s-uchastiem-vyhodtsev-iz-chechni>

в себя исламские ценности и одновременное уважение к республиканским. Но для успешного функционирования общества с большим числом мигрантов, необходим новый проект национальной французской идентичности, что должно стать задачей французского правительства, которое на данный момент отстаивает ее право на неизменность.

Последний принятый закон, который был изначально направлен против сепаратизма, вносит его еще больше, способствуя дискриминации по религиозному признаку и распространению исламофобии. В качестве примера показателен следующий случай: сразу после выхода проекта закона мэру одного из «неблагополучных» пригородов Парижа Али Рабиху пришлось отвечать на вопрос новостного канала о том, правда ли, что его район настолько «потерян и отколот от остальной Франции», что на его территории действуют шариатские суды. На это мэр ответил, что во Франции есть законы, которые не позволят кому-либо подать иск в шариатский суд. «Лучше помогите увеличить количество офицеров полиции в нашем пригороде, чем повторять чепуху по ТВ». В позднее данном интервью каналу France 24 А. Рабих жаловался, что «эти люди» ничего не знают о исламе, не знают, что происходит в самом квартале, никогда не бывали здесь. Они судят по стереотипным образам, сам ислам стал крайне политизированной темой, постоянно присутствует в многочисленных дебатах, но самим мусульманам на них сложно высказаться¹.

Важно отметить, что французские СМИ часто «раздувают» проблему «неинтегрированных» мусульман, где основным препятствием к интеграции является именно характер религии, а также преувеличивает количество практикующих мусульман и даже число иммигрантов. Так, опрос показывает, что французы считают, что во Франции число мусульман составляет около 31% от общего числа жителей, тогда как на самом деле это число не превышает 6% [Khader, 2016, с. 9]. Число мусульман, придерживающихся радикальных взглядов составляет всего 2%, но наименьшая часть из них пропагандирует насилие: в 2020 г. полиция установила слежение за 8132 лицами, демонстрирующими экстремистский характер радикализации².

¹ URL: <https://www.france24.com/en/france/20201030-islam-is-being-hyper-politicised-in-france-but-muslims-are-not-in-the-debate>

² URL: <https://www.lci.fr/population/video-focus-sur-les-chiffres-de-l-islamisme-dans-l-hexagone-2166183.html>

Заключение

Большинство вышеперечисленных мер, предпринимаемых правительством в борьбе с радикализацией и интеграцией, оказались направлены не на улучшение экономических условий и борьбу с дискриминацией, а против обычных мусульман (не экстремистов). Апогеем неудачной политики интеграции стала, с одной стороны, ее критика в письме отставных военных, поддержанная многими французами; а с другой стороны – принятие ущемляющих права мусульман законов, продолжающаяся демонизация ислама, что демонстрирует неспособность республики урегулировать процесс интеграции новых французских граждан (большинство из которых уже и так разделяет республиканские ценности) в свое общество. Такая политика может только усилить распространение радикальных идей экстремистского толка.

Таким образом, интеграционная политика, проводимая французскими властями в начале XXI в. закончилась неудачей, о чем могут свидетельствовать рост радикализации исламистов и увеличение исламофобии во французском обществе. Об этом также говорят письма правительству со стороны отставных и действующих военных о кризисе радикализма во Франции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгов Б. В. Мусульманский ренессанс во Франции: итоги и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 4. С. 112–140.
2. Бибикова О. П. Иммигранты из мусульманских стран в Европе: этноконфессиональный и социокультурный аспекты. М.: ИВ РАН, 2015.
3. Новоженова И. С. Особенности французской политической культуры (на примере общественной дискуссии по иммиграционному вопросу) // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 187–199.
4. Хенкин С. М., Кудряшова И. В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 137–155.
5. Деминцева Е. Б. Быть «арабом» во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
6. Waldmann P. Radicalisation in the Diaspora: Why Muslims in the West Attack Their Host Countries. Madrid: Elcano Royal Institute, 2010. URL: <https://clck.ru/WAfQY>

7. Деминцева Е. Б. «Проблемные окраины» и их обитатели: парижские предместья между «Бунтом Окраин» И «Шарли Эбдо» // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 135–148.
8. Чернега В. Н. Франция: кризис политики интеграции мигрантов // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 140–156.
9. Трофимова О. Е. Миграционные тенденции во Франции: новые реалии // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 57–65.
10. Алексеев И. Л. В поисках «хорошего» ислама в Российской империи и СССР // Ab Imperio. 2016. URL: <http://islamoved.ru/2016/igor-alekseev-v-poiskah-horoshego-islama/>
11. Якубова Л. А. Особенности французской модели интеграции мигрантов в контексте социального развития единой Европы во второй половине XX – начале XXI вв. // Вестник НВГУ. 2020. № 4. С. 35–41.
12. Шмелева Н. В. Иммиграционная политика Франции в 2000-е годы: побуждение и принуждение к интеграции // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2. С. 135–140.
13. Valfort M.-A. Has France a problem with Muslims? Evidence from a field experiment in the labour market. 2017. URL: http://conference.iza.org/conference_files/CREST_OECD_2017/valfort_m5542.pdf
14. Haut F. Terrorism and diasporas in France // Radicalization, terrorism, and diasporas. RAND Corporation, 2007. P. 23–25.
15. Fellag N. The Muslim label: How French North Africans have become “Muslims” and not “Citizens” // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2014. № 13. No. 4. P. 1–25.
16. Khader B. The Construction of a “Problem” // The Search for Europe: Contrasting Approaches. 2016. URL: <https://www.bbvaopenmind.com/en/articles/muslims-in-europe-the-construction-of-a-problem/>

REFERENCES

1. Dolgov, B. V. (2015). Musul'manskij renessans vo Francii: itogi i perspektivy = Moslem renaissance in France: results and prospects. Aktual'nye problemy Evropy, 4, 112–140. (In Russ.)
2. Bibikova, O. P. (2015). Immigranty iz musul'manskih stran v Evrope: jetnokonfessional'nyj i sociokul'turnyj aspekty = Immigrants from Muslim countries in Europe: ethno-confessional and socio-cultural aspects. Moscow: IOS, RAS. (In Russ.)
3. Novozhenova, I. S. (2016). Osobennosti francuzskoj politicheskoj kul'tury (na primere obshhestvennoj diskussii po immigracionnomu voprosu) = Features of French political culture (on the example of public discussion on

- the immigration issue). France on the eve of changes: economy and politics at the beginning of XXI century (pp. 187–199). Moscow, IMEMO. (In Russ.)
4. Henkin, S. M., Kudrjashova, I. V. (2015). Integracija musul'man v Evrope: politicheskij aspekt = The integration of Europe's Muslims in its political aspects). Polis. Political Studies, 2, 137–155. (In Russ.)
 5. Demintseva, E. B. (2008). Byt' «arabom» vo Francii = Being an Arab in France. Moscow: New literary review. (In Russ.)
 6. Waldmann, P. (2010). Radicalisation in the diaspora: Why Muslims in the West attack their host countries. Madrid: Elcano Royal Institute. URL: <https://clck.ru/WAfQY>
 7. Demintseva, E. B. (2015). “Problemnye okrainy” i ikh obitateli: parizhskie predmest'ia mezhdu “buntom okrain” i “Charlie hebdo” = “Problematic banlieues” and their residents: Parisian outskirts between “Suburban Riots” and “Charlie Hebdo”. Ethnographic Review, 5, 135–148. (In Russ.)
 8. Chernega, V. N. (2016). Francija: krizis politiki integracii migrantov = France: the crisis of the policy of integration of migrants). Current problems of Europe, 4, 140–156. (In Russ.)
 9. Trofimova, O. E. (2016). Migracionnye tendencii vo Francii: novye realii. (Migration trends in France: new realities) = France on the eve of changes: economy and politics at the beginning of XXI century (pp. 57–65). Moscow, IMEMO. (In Russ.)
 10. Alekseev, I. L. (2016). V poiskah «horoshego» islama v Rossijskoj imperii i SSSR = In the search of «good» Islam in Russian Empire and USSR. Ab Imperio. URL: <http://islamoved.ru/2016/igor-alekseev-v-poiskah-horoshego-islama/> (In Russ.)
 11. Jakubova, L. A. (2020). Osobennosti francuzskoj modeli integracii migrantov v kontekste social'nogo razvitija edinoj Evropy vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v. = The French model of migrants' integration in all Europe social care development at the 2nd half of the XXth century – beginning of the XXIst century). Bulletin of Nizhnevartovsk State University, 4, 35–41. (In Russ.)
 12. Shmeleva, N. V. (2011). Immigracionnaja politika Francii v 2000-e gody: pobuzhdenie i prinuzhdenie k integracii = Immigration Policy of France in the 2000-s. Prompting and Compulsion to Integration. MGIMO Review of International Relations, 2, 135–140. (In Russ.)
 13. Valfort, M.-A. (2017). Has France a problem with Muslims? Evidence from a field experiment in the labour market. URL: http://conference.iza.org/conference_files/CREST_OECD_2017/valfort_m5542.pdf
 14. Haut, F. (2007). Terrorism and diasporas in France. Radicalization, terrorism, and diasporas (pp. 23–25). RAND Corporation.

15. Fellag, N. (2014). The Muslim label: How French North Africans have become “Muslims” and not “Citizens”. *Journal on ethnopolitics and minority issues in Europe*, 13(4), 1–25.
16. Khader, B. (2016). The construction of a “problem”. The search for Europe: contrasting approaches. URL: <https://www.bbvaopenmind.com/en/articles/muslims-in-europe-the-construction-of-a-problem/>

Информация об авторе

Сафонова Н. В. – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Information about the author

Safonova N. V. – Junior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, RAS

Статья поступила в редакцию 18.10.2021; одобрена после рецензирования 03.11.2021; принята к публикации 08.11.2021.

The article was submitted 18.10.2021; approved after reviewing 03.11.2021; accepted for publication 08.11.2021.

Научная статья

УДК 355.01:316.354:351/354

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_185

СОЦИОЛОГИЯ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. И. Веремчук¹, Д. С. Крутилин²

^{1,2}Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия

¹mr.veremchuk@mail.ru

²krutilin_dc@mail.ru

Аннотация. В условиях серьезных структурных и институциональных преобразований в российском обществе и его Вооруженных Силах особую актуальность приобретают проблемы повышения эффективности социального управления на всех уровнях военной организации. Историко-социологический анализ процесса зарождения и развития науки о войне и специфических управленческих аспектах в военных организациях позволяет определить познавательный потенциал и практическую значимость социологии военного управления в исследовании современных форм военного противостояния.

Ключевые слова: социология военного управления, война, социальное явление, военная сила, революция

Для цитирования: Веремчук В. И., Крутилин Д. С. Социология военного управления: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 185–198. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_185

Original article

**SOCIOLOGY OF MILITARY ADMINISTRATION:
HISTORY AND MODERNITY**

V. I. Veremchuk¹, D. S. Krutilin²

^{1,2}Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia

¹mr.veremchuk@mail.ru

²krutilin_dc@mail.ru

Abstract. In the context of serious structural and institutional transformations in Russian society and its Armed Forces, the problems of increasing the effectiveness of social management at all levels of military organization are of particular relevance. The historical and sociological analysis of the process of the origin and development of the science of war and specific managerial aspects in military organizations allows us to determine the cognitive potential and practical significance of the sociology of military management in the study of modern forms of military confrontation.

Key words: sociology of military administration, war, social phenomenon, military force, revolution

For citation: Veremchuk, V. I., Krutilin, D. S. (2021). Sociology of military administration: history and modernity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 185–198. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_185

**Зарождение теории и практики социологии
военного управления**

Война – один из самых древних феноменов социальной жизни. Изначально в обществе было распространено мнение, что ведение военных действий – удел только самой элитарной части социума. В XVIII веке считалось, что первой обязанностью государя является защита общества от насилия и посягательства со стороны других независимых обществ. Считалось, что такая задача может быть решена только посредством применения военной силы [Смит, 2009, с. 651–652]. С развитием обществ на смену дворянскому принципу комплектования последовала наемная армия, а затем и всеобщая воинская обязанность.

Передовые российские мыслители связывали войну с политической детерминацией. Например, генерал Г. А. Леер писал, что война является одним из средств, и притом крайним средством, в руках

политики, используемым для достижения государственных целей. Она есть спор о праве между государствами, рассматриваемыми как политические силы [Леер, 1869, с. 2]. И. С. Блюх, развивая эту мысль, отмечал, что под ружье становятся целые народы, миллионы людей, выбывших из слоев работающей, производительной народной среды. При этом огромное значение приобретают нравственные условия ведения войн [Блюх, 1898, с. 321]. В дореволюционной России постепенно формировалось представление о войне как политическом феномене [Белозёров, 2021].

Начиналось и осмысление войны с социологической точки зрения. Пожалуй, первым, кто выделил военную социологию в качестве самостоятельной отрасли научного знания, был военный теоретик Н. А. Корф. В своей работе «Общее введение в стратегию: этюды по философии военных наук» (1897) он назвал науку о военно-социальных явлениях *военной социологией*. Война же у него принимала характер вооруженной борьбы сил социальных групп [Корф, 2012, с. 66]. Продолжил развитие этой идеи Н. Н. Головин. Размышляя о войне, он указывал, что наука о войне, или полемология, должна состоять из общей теории войны и прикладных наук – науки о подготовке и ведении войны и науки о противодействии войне [Головин, 1937, с. 7]. Все эти понятия получили в творчестве мыслителя название «социология войны».

Н. Н. Головин активно сотрудничал с другим видным социологом – П. А. Сорокиным. В своем фундаментальном труде «Социальная и культурная динамика» П. А. Сорокин значительное место уделяет военному ресурсу цивилизаций. Он указывает, что в исторических судьбах наций время войны, абсолютное и относительное, возрастает в периоды экспансии – политической, социальной, культурной и территориальной. Войны в эти периоды становятся столь же частыми, как и в период упадка. В эпохи процветания военные действия достигают своих высочайших точек [Сорокин, 2017, с. 588].

Выдающиеся военные теоретики в начале 1920-х гг. в России придерживались схожего мнения. Так, военный ученый А. Е. Снесарев в работе «Философия войны» писал, что войны «расчищали дорогу» для «свежих народов, полных силы и творчества, и вели их на вершину славы. Идея войны рождается нашим бытием и может исчезнуть при коренном изменении наших свойств как людей» [Снесарев, 2003, с. 249–251].

Другой отечественный военный мыслитель А. А. Свечин отмечал, что если наши понятия не будут изменяться соответственно прогрессу военного дела, то, поклоняясь неизменным законам, мы постепенно упустим из вида всю сущность явлений. Глубокие идеи превратятся во вредные предрассудки [Свечин, 2000, с. 70–93].

Так постепенно формировалась социология военного управления. Находились и *военно-управленческие закономерности*, представляющие собой специфические проявления одного или нескольких законов данной области военно-управленческих социологических знаний в конкретной военно-социальной реальности (уровень частных военно-социологических управленческих теорий). Например, «законы войны», сформулированные одним из родоначальников отечественной военно-управленческой социологии Н. Н. Головиным: 1) «закон главенства духовного элемента в явлениях войны»; 2) «закон частной победы», когда исход боя решается не победой на протяжении всего фронта, а лишь на одном из участков сражения и в кризис боя; 3) «закон частной связи всех сторон общественной жизни» – формы военного искусства всегда носят на себе специфику национальности, а также культуры и цивилизации своей эпохи [Головин, 1913, с. 4].

Но не только в России искали ответы на вопросы, поднимаемые в различных плоскостях социологией военного управления. Одним из первых зарубежных социологов, предложивших свой взгляд на теорию войны, был немецкий ученый Ф. Ратцель. Согласно его подходу, общее самообладание и общие интересы создают государство. Растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности. Стремление к поглощению слабых наций переходит от государства к государству и подталкивает их к желанию еще большего увеличения территорий. «Почти во всех странах неевропейского культурного круга управляют вторгшиеся в них завоеватели-чужеземцы» [Ратцель, 2003, с. 182]. Такой подход получил название «геополитический».

Продолжил и развил эти идеи немецкий географ и геополитик К. Хаусхофер. В начале 40-х гг. прошлого века он пришел к выводу, что любой народ и активное общество тяготеют к безграничной экспансии, установление пределов которой составляет суть мировой истории [Хаусхофер, 2019, с. 47].

После Второй мировой войны французский социолог Р. Арон вслед за А. Клаузевицем, в книге «Мир и война между народами»

утверждал, что война есть акт политический, она возникает из политической ситуации и является результатом политических мотивов. Ученый выделял следующие типы войн:

- межгосударственные;
- сверхгосударственные, или империальные;
- внутригосударственные, или внутриимпериальные (представляющие собой вооруженные столкновения за господство внутри государства или коалиции стран за статус сильнейшего) [Арон, 2000, с. 54].

Важно привести высказывания английского социолога Э. Гидденса. «Войны – одна из наиболее характерных черт процесса возникновения первых государств. Войны и разного рода военные столкновения сыграли главную роль в определении карты современного мира. Войны не есть результат врожденных агрессивных инстинктов» [Гидденс, 1999, с. 337–339]. Он считал, что целями войны являются:

- экономика (захват территорий и ресурсов);
- политика (идеологические противоречия);
- религия (религиозные противоречия).

Среди зарубежных социологов также можно выделить С. Хантингтона. Он уделял аспектам профессионализма армии серьезное внимание, полагая, что военный человек – это профессия, а офицерский корпус – профессиональная организация. С. Хантингтон выделил три основных критерия профессионализма вооруженных сил.

1. Компетентность офицества, подразумевающая обладание командирами специализированными знаниями и навыками, приобретаемыми в ходе длительного обучения и практики.

2. Ответственность. Профессионал – специалист, выполняющий деятельность, необходимую для функционирования общества. Он обладает монополией на свою деятельность и потому обязан исполнять ее качественно.

3. Кооперативная структура военной профессии [Huntington, 1957, с. 7–35].

Другой американский социолог и футуролог Э. Тоффлер в книге «Война и антивоина» рассматривал вооруженное насилие с точки зрения концепции волн социального развития. Он считает, что на планете происходит возникновение новой цивилизации, с которой связано

интенсивное использование знаний для создания богатств. По его мнению, основных антагонистов будет разделять уровень технического развития, а социальные, экологические и другие последствия этого различия станут причиной войн между странами индустриального и постиндустриального развития [Тоффлер, 2005, с. 351].

Развитие теории военного управления

На рубеже XX–XXI вв. в России также шли процессы социологического осмысления и поиска ответов на вопросы о войне. Видные социологи пытаются осмыслить путь, которым идет наша цивилизация. Так, И. В. Бестужев-Лада считает, что в глобальную мировую войну, так или иначе, вовлекается вся цивилизация. Третья и Четвертая мировые войны будут не похожи ни на какую другую войну. При этом Третья мировая война активно идет уже больше десятка лет. Она не имеет ни малейшего сходства ни с Первой, ни со Второй, и ни с какой другой войной. В грядущие десятилетия произойдут события, имеющие самое непосредственное отношение к Четвертой мировой войне [Бестужев-Лада, 2005].

Другой отечественный социолог А. И. Пригожин говорит о том, что Четвертая мировая война (с терроризмом) резко повышает уязвимость «оргцивилизации» – противник использует и разрушает ее через ее же каналы. Он не только обитает, обучается в ее структурах, но использует ее же средства в свою пользу (гражданство, пособия, законы, СМИ) [Пригожин, 2007, с. 336–399].

Говоря о причинах нарастания напряженности в мире, он указывает на следующие обстоятельства:

- *асинхронность* развития человечества. На разных этапах истории появлялись успешные цивилизации. Уже несколько веков успешной цивилизацией является европейская;
- *великое переселение народов*. Население Европы будет исламизировано к середине XXI века. Главный источник роста их численности – невиданная для европейской культуры рождаемость.
- формирование *этнопролетариата*.

Ученый также отмечает, что в современном мире джихад выступает как война против неверных, как стремление уничтожить европейскую

цивилизацию. После вступления человечества в эту войну, приходится заново оценивать ее уникальные особенности:

- суицидальная пассионарность;
- исчезновение барьера неприемлемых потерь;
- отсутствие мирного населения;
- объектом воздействия становятся психика и массовое сознание европейцев;
- недоговороспособность.

Вся совокупность данных факторов при харизматическом лидерстве правителей создает суицидальную пассионарность масс, состоящих из легковозбудимых и необразованных людей. Говоря о будущем исходе противостояния европейской цивилизации и ислама, А. И. Пригожин обращает внимание на правило: атакующие изобретательнее защищающихся.

Существенный вклад в разработку положений социологии военного управления внес В. В. Серебрянников. В частности, он предложил критерии классификации обществ по отношению к войне:

- частота военных конфликтов для конкретного общества в определенный исторический период;
- периодичность войн (конфликтов), их виды и характер;
- наличие (отсутствие) источника, очагов военных опасностей и угроз;
- агрессивность и воинственность населения;
- способность и готовность к военному конфликту;
- соблюдение (нарушение) международных правил ведения войны (конфликта);
- активность (пассивность) и солидарность (разобщенность) населения в предупреждении или прекращении, подготовке и ведении войны (конфликта);
- соблюдение (нарушение) международных правил ведения войны (конфликта) [Серебрянников, 1997, с. 99–100].

В зависимости от отношения общества к войне он выделял:

- общество устремленности к абсолютной (тотальной) войне;
- общество готовности к абсолютной войне;
- общество трансформации войны в новую приемлемую форму («холодная война», дозированное применение вооруженной борьбы);

- поиск новых средств и способов ведения принципиально иных войн, нежели прежде – информационных, психологических, компьютерных, климатических.

По мнению В. В. Серебрянникова, «обществом-воином» следует считать страны, которые отдают приоритет военной мощи при демонстрации своего «имиджа» на мировой арене, систематически прямо или косвенно применяют военную силу, значительно чаще других воюют или ведут длительную войну (10–12 лет и более) независимо от характера войны (конфликта).

Вопросы современных социологических военно-управленческих взглядов занимают значительное место в научном творчестве А. А. Кокошина. По его мнению, военная наука в России представляет собой систему знаний о законах и стратегическом характере войны, строительстве и подготовке страны и Вооруженных сил к войне и способах ведения вооруженного противоборства. При этом основным предметом военной науки должна быть вооруженная борьба в войне. Раскрывая содержание военной науки, мыслитель обращает внимание на то, что современная война охватывает не только традиционные среды ее ведения – землю, море, воздух, но и космическое пространство. Применение военной силы приобретает многомерный характер. Используются как прямые, так и косвенные способы задействования силового компонента, что в итоге приводит к «гибридизации» военных конфликтов.

По мнению академика А. А. Кокошина, война – это особое состояние государства и общества в странах, вовлеченных в нее. Она охватывает все сферы человеческого бытия и поэтому необходим полномасштабный анализ, оценка и управление общественным настроением, во многом определяющим не только результат на поле боя, но и направленность послевоенного урегулирования, политических договоренностей [Кокошин, 2015, с. 98–100].

В современных условиях обостряется проблема эффективного управления военными конфликтами и боевыми действиями. Значительная часть внутренних факторов, воздействующих на принятие решений по вопросам войны и мира, находится в предметной области социологии военного управления. Она определяет место и роль в массовом сознании военных угроз среди всего спектра угроз безопасности личности, общества и государства. В данном контексте

война представляется социальным конфликтом высшей интенсивности и обладает следующими отличительными признаками:

- порождается политическими и социально-экономическими причинами;
- ведет к качественным изменениям состояния всех сфер общества, их перестройке на военный лад;
- главное орудие войны – вооруженные силы, воинские формирования;
- приводит к крупным человеческим жертвам, утрате материальных и духовных ценностей, разрушительно воздействует на общество.

В последние годы много говорится о новом оружии, специально созданном для применения против широких масс населения вероятного противника. Ему дано условное название *консциентальное оружие* (от латинского «conscientia» – сознание), которое представляет собой совокупность социальных технологий управления человеческим сознанием и поведением, направленных на поражение, изменение и уничтожение определенных форм сознания отдельных индивидов и общностей идеологическими, информационными, социально-психологическими методами и направленными на изменение их социокультурной идентификации [Добреньков, Агапов 2011].

Об этом, собственно, и предупреждают наши военные ученые, говоря о стирании грани между состоянием войны и мира. Характерной чертой современных социальных конфликтов становится отсутствие прямых военных или иных открытых насильственных мер против того или иного государства, но при этом существуют реальные угрозы его национальной безопасности и суверенитету. Расширяется спектр причин и поводов для использования военной силы, которая все чаще задействуется для обеспечения экономических интересов государств. Победа всегда достигается не только материальными, но и духовными ресурсами народа, стремлением всеми силами противостоять агрессии.

Новые войны, войны в эпоху глобализации, ведутся на больших расстояниях, сочетают удары с быстрыми отходами. Современные военные конфликты немыслимы без информационно-коммуникационных технологий, изменяющих значение времени и пространства, и выигрываются без прямого вооруженного столкновения, в условиях лишения противника возможности на принятие ответных мер [Бауман, 2005].

Заключение

В центре внимания современной отечественной социологии военного управления находятся вопросы эффективности руководства воинскими коллективами в условиях социально-политической нестабильности в российском обществе. Вооруженные Силы как гарант сохранения конституционного строя и военной безопасности государства становятся важнейшим объектом деструктивного информационно-психологического воздействия потенциальных противников России.

В условиях смещения военных опасностей во внутреннюю сферу Российской Федерации и непрекращающихся попыток дестабилизировать внутривнутриполитическую и социальную ситуацию, армия становится ключевым институтом общества, во многом определяющим возможность реализации «цветной революции» (современная форма смены властных элит) в нашей стране. «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться», – говорил В. И. Ленин, имея в виду, что в ходе революционных преобразований необходимо бороться за армию, привлекать ее на свою сторону и действовать совместно с ней.

В данном контексте первостепенное значение приобретает социологическое осмысление вопросов институционального управления социализацией и мотивацией военно-профессиональной деятельности военных кадров, особенностей управленческой культуры и имиджа офицеров-руководителей. Остаются востребованными исследования социальных конфликтов в воинских коллективах, факторов удовлетворенности военной службой и состояния социальной защищенности военнослужащих. Требуют социологического изучения отношения доверия в процессе управления воинскими подразделениями Вооруженных сил РФ и готовность военнослужащих к выполнению задач по предназначению в любых условиях обстановки.

Таким образом, в настоящее время социология военного управления играет исключительную роль в выработке практических рекомендаций органам военного управления, командирам и начальникам по повышению управляемости войск (сил) в динамично меняющейся экономической и социально-политической ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2009.
2. *Леер Г. А.* Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная Стратегия). СПб., 1869. Ч. I.
3. *Блиох И. С.* Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. СПб., 1898. Т. II.
4. *Белозёров В. К.* Генезис исследования войны как политического феномена в дореволюционной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 1. С. 190–200.
5. *Корф Н. А.* Общее введение в стратегию: Этюды по философии военных наук. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
6. *Головин Н. Н.* О социологическом изучении войны // Осведомитель. 1937. № 4. С. 1–13.
7. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2017.
8. *Снесарев А. Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003.
9. *Свечин А. А.* Постигание военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. М.: Русский путь, 2000.
10. *Головин Н. Н.* История военного искусства как наука // Сборник статей и лекций. СПб.: Экономическая типо-литография, 1913. С. 1–22.
11. *Ратцель Ф.* Народоведение (Антропogeография) // Классика геополитики, XIX век / сост. К. Королев. М.: Издательство АСТ, 2003. С. 53–182.
12. *Хаусхофер К., Ратцель Ф.* Теория «жизненного пространства». М.: Алгоритм, 2019.
13. *Арон Р.* Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000.
14. *Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 337–339.
15. *Huntington S.* The soldier and the state: the theory and politics of civil military relations. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1957.
16. *Тоффлер Э.* Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на пороге XXI века. М.: АСТ : Транзиткнига, 2005.
17. *Бестужев-Лада И. В.* Третья и Четвертая мировые войны: ход и ожидаемый исход. М.: Институт экономических стратегий, 2005.
18. *Пригожин А. И.* Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
19. *Серебрянников В. В.* Социология войны. М.: Научный мир, 1997.
20. *Кокошин А. А.* Война и военное искусство: политологическое и социологическое измерения // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 97–104.

21. Добренъков В. И., Агапов П. В. Война и безопасность России в XXI веке. М.: Академический проект, Альма Матер, 2011.
22. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

REFERENCES

1. Smit, A. (2009). Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov = Research on the nature and causes of the wealth of nations. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
2. Leer, G. A. (1869). Opyt kritiko-istoricheskogo issledovaniya zakonov iskusstva vedeniya vojny (polozhitel'naya Strategiya) = The experience of critical-historical research of the laws of the art of warfare (positive Strategy). St. Petersburg, vol. I. (In Russ.)
3. Blioh, I. S. (1898). Budushchaya vojna v tekhnicheskom, ekonomicheskom i politicheskom otnosheniyah = The future war in technical, economic and political relations. Vol. II. St. Petersburg. (In Russ.)
4. Belozyorov, V. K. (2021). Genезis issledovaniya vojny' kak politicheskogo fenomena v dorevolucionnoy Rossii = Genesis of the study of war as a political phenomenon in pre-revolutionary Russia. Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relations, 26(1), 190–200. (In Russ.)
5. Korf, N. A. (2012). Obshhee vvedenie v strategiyu: Etyudy po filosofii voennykh nauk = General introduction to strategy: studies in the philosophy of military science. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
6. Golovin, N. N. (1937). O sociologicheskom izuchenii vojny = On the sociological study of war. Informant, 4, 1–13. (In Russ.)
7. Sorokin, P. A. (2017). Social'naya i kul'turnaya dinamika = Social and cultural dynamics. Moscow: Academic project. (In Russ.)
8. Snesarev, A. E. (2003). Filosofiya vojny = Philosophy of war. Moscow: Financial control. (In Russ.)
9. Svechin, A. A. (2000). Postizhenie voennogo iskusstva: Idejnoe nasledie A. Svechina = Comprehension of the art of war: The ideological legacy of A. Svechin. Moscow: The Russian Way. (In Russ.)
10. Golovin, N. N. (1913). Istoriya voennogo iskusstva kak nauka = The history of military art as a science (pp. 1–22): Collection of articles and lectures. St. Petersburg: Economic typography. (In Russ.)
11. Ratcel', F. (2003). Narodovedenie = Ethnology. In Korolev, K., Klassika geopolitiki, XIX vek (pp. 53–182). Moscow: Publishing house AST. (In Russ.)
12. Hauskhofer, K., Ratcel', F. (2019). Teoriya «zhiznennogo prostranstva» = The theory of «living space». Moscow: Algoritm. (In Russ.)

13. Aron, R. (2000). *Mir i vojna mezhdunarodami = Peace and war between nations*. Moscow: Nota Bene. (In Russ.)
14. Giddens, E. (1999). *Sociologiya = Sociology*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
15. Huntington S. (1957). *The soldier and the state: the theory and politics of civil military relations*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.
16. Toffler, E. (2005). *Vojna i antivojna: Chto takoe vojna i kak s nej borot'sya. Kak vyzhit' na poroge XXI veka = War and anti-war: what is war and how to fight it. How to survive on the threshold of the XXI century*. Moscow: AST: Tranzitkniga. (In Russ.)
17. Bestuzhev-Lada, I. V. (2005) *Tret'ya i Chetvertaya mirovy'e vojny':ход i ozhidaemyj ishod = The Third and Fourth world wars: the course and expected outcome*. Moscow: Institute of Economic Strategies. (In Russ.)
18. Prigozhin, A. I. (2007). *Dezorganizatsiya: prichiny, vidy, preodolenie = Disorganization: causes, types, overcoming*. Moscow: Alpina business book. (In Russ.)
19. Serebryannikov, V. V. (1997). *Sociologiya vojny = Sociology of war*. Moscow: The scientific world. (In Russ.)
20. Kokoshin, A. A. (2015). *Vojna i voennoe iskusstvo: politologicheskoe i sociologicheskoe izmereniya = War and art of war: politological and sociological dimensions*. *Sociological research*, 3, 97–104. (In Russ.)
21. Dobren'kov, V. I., Agapov, P. V. (2011). *Vojna i bezopasnost' Rossii v XXI veke = War and security of Russia in the XXI century*. Moscow: Academic project, Alma Mater. (In Russ.)
22. Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo = The individualized society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Информация об авторах

Веремчук В. И. – доктор социологических наук, профессор, профессор 21 кафедры (социологии) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Крутилин Д. С. – кандидат социологических наук, научный сотрудник Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Information about the authors

Veremchuk V.I. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of 21 departments (Sociology), Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Krutilin D. S. – PhD (Sociological Science), research associate,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования
11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 12.10.2021;
accepted for publication 12.11.2021

Научная статья

УДК 364.6

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_199

**СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КЕНИИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ЭКСПЕРТНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

О. Х. Мусеве¹, Т. Р. Минязhev²

^{1,2}Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹amuseve@mail.ru

²tr.minyazhev@mpgu.su

Аннотация. Целью данного исследования явилась оценка проблем пожилых людей, состояния и перспектив социальной защиты в Республике Кения с позиции как адресатов социальной поддержки, так и экспертного сообщества. Был проведен социологический опрос пожилых людей (60 лет и старше, N=385) и серия экспертных интервью (N=50). Полученные результаты свидетельствуют о том, что пожилые люди и эксперты: по-разному оценивают важность проблем старшего поколения; по-разному оценивают роль различных источников социальной поддержки, и различаются в нормативном видении социальной защиты. Восприятие пожилых людей гораздо больше соответствует современной концепции старения, чем представления экспертов и содержание реализуемой политики, сфокусированной на решении базовых материальных проблем и недооценивающих роль нематериальных аспектов.

Ключевые слова: социальная защита, пожилые люди, успешное старение, пенсионное обеспечение, социальная политика, Африка, Кения

Для цитирования: Мусеве О. Х., Минязhev Т. Р. Социальная защита пожилых людей в Кении: результаты социологического и экспертного исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 199–213. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_199

Original article

**SOCIAL PROTECTION OF OLDER PERSONS IN KENYA:
FINDINGS FROM SOCIOLOGICAL AND EXPERT STUDIES**

A. K. Museve¹, T. R. Minyazhev²

^{1,2}Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,

¹amuseve@mail.ru

²tr.minyazhev@mpgu.su

Abstract. The aim of this study was to evaluate the problems of older persons, state, and prospects of social protection in the Republic of Kenya from the point of view of social support recipients and the expert community. A sociological survey of persons aged 60 and older (N=385) and a series of expert interviews (N=50) were conducted. The study found that older persons and experts differ in their evaluation of the importance of older persons' problems, their evaluation of the role of different sources of social support, and their normative vision of social protection. The perception of older persons highly corresponds to the modern conception of successful ageing; compared to the experts' views and the contents of the social policies being implemented, which focus on solving basic material problems and underestimate the role of non-material aspects.

Key words: social protection, older people, successful ageing, pension provision, social policy, Africa, Kenya

For citation: Museve, A. K., Minyazhev, T. R. (2021). Social protection of older persons in Kenya: findings from sociological and expert studies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 199–213. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_199

Введение

Социальная защита пожилых людей – один из важнейших и наиболее ресурсоемких институтов современного общества. В развитых странах доля пожилых людей (старше 65 лет) составляет, как правило, 15–20 % от общей численности населения [United Nations, 2019]. При этом современные стандарты социальной защиты, сформулированные, например, в Принципах ООН в отношении пожилых людей, основаны на концепции успешного старения [Bülow, 2014]. Она, в частности, предполагают, что модель старения, на которую должны ориентироваться современные общества, не может ограничиваться удовлетворением минимальных материальных потребностей, но предполагает создание условий для обеспечения их здоровья, активности, достоинства, самореализации и всесторонней включенности в общественную жизнь. Соблюдение этих стандартов требует развитой и финансово устойчивой системы социальных институтов, решающих широкий спектр проблем пожилых людей.

Для развивающихся стран, в частности, в Африке, реализация концепции успешного старения представляет особенно сложный вызов, несмотря на существенно меньшую долю пожилого населения. Тем не менее благодаря содействию международных организаций, в последние два десятилетия они предпринимают усилия по

институциональному развитию социальной защиты [Ellis, 2009; International Labour Organization, 2017; Organisation for Economic Co-operation and Development, 2017]. В отличие от стран Запада, в которых основу институтов социальной защиты составляет социальное страхование, для них особое значение имеют неконтрибутивные механизмы, предполагающие целевые выплаты уязвимым группам населения, финансируемые из государственного бюджета или при помощи международных организаций [Cirillo, 2016].

Одной из стран Африки, которая в течение последних 15 лет последовательно реализует социальную политику, направленную на повышение социальной защищенности пожилых людей, является Кения. Страна провела ряд реформ социального сектора, которые значительно расширили доступность социальной поддержки и помощи [Republic of Kenya 2017]. Африканский Союз и международная организация Help Age International отметили в 2016 году социальную политику и инициативы Кении как передовой опыт для стран континента¹.

Несмотря на то, что мониторинг и оценка социальной политики кенийского правительства осуществляется как государственными органами, так и международными организациями, они, как правило, основаны на измеримых управленческих показателях и не позволяют оценить восприятие ситуации непосредственными адресатами реализуемых программ. Вследствие недостаточного количества проводимых в стране исследований существует дефицит социологической информации, без которой невозможна эффективная обратная связь при разработке и корректировке социальной политики. Исходя из этого, нами было проведено два исследования, направленные на выявление восприятия проблем социальной защиты пожилых людей как со стороны самих граждан, так и со стороны экспертного сообщества.

Методы

С целью комплексного изучения проблем пожилых людей и действующих в Кении механизмов и институтов социальной защиты в октябре – ноябре 2020 г. нами было проведено два исследования. Первое проводилось методом социологического опроса среди пожилых людей (60 лет и старше), проживающих в четырех округах: двух

¹ URL: <https://au.int/en/pressreleases/20160913-1>

городских (Найроби и Момбаса) и двух сельских (Киамбу и Какамега). Использовалась трехступенчатая квотная выборка с квотированием по признакам пола и территории проживания. Размер выборки составил 385 человек.

Второе исследование было проведено методом формализованных экспертных интервью (N=50). В качестве экспертов выступали специалисты, профессионально вовлеченные в вопросы социальной защиты и работающие на ответственных должностях в органах государственной и местной власти, международных организациях, некоммерческих организациях, академическом секторе и массмедиа.

Результаты

Определение проблем пожилых людей и оценка механизмов их решения зависит, прежде всего, от определения границ этой социальной группы. Официальный возраст для получения страховой пенсии в Кении равен 60 годам, как для мужчин, так и для женщин. Средняя оценка возраста наступления старости, по мнению самих пожилых людей, составляет 61,6 лет для мужчин и 58,2 – для женщин. Из глобального исследования биологического старения известно, что биологический эквивалент среднемировой нормы пожилого возраста (65 лет) в Кении составляет 61,4 года для мужчин и 62,9 – для женщин [Chang et al., 2019]. Средняя оценка возраста, с которого, по мнению пожилых людей, человек должен получать социальную (гарантированную) пенсию, равна 60,7 лет для мужчин и 58,3 года – для женщин; медианная оценка в обоих случаях равна 60 лет. Наконец, экспертная оценка среднего возраста выхода на пенсию составила 60,7 лет для мужчин и 60,5 – для женщин, медианная – 60 лет в обоих случаях. Таким образом, границы пожилого возраста в кенийском обществе можно считать предметом широкого общественного, экспертного и институционального консенсуса.

Участники исследования оценили по 5-балльной шкале значимость отдельных проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди в современной Кении (см. табл. 1).

Анализ результатов показывает значительные различия в восприятии относительной важности проблем самими пожилыми людьми и экспертным сообществом.

Таблица 1

Оценка важности проблем пожилых людей отдельными группами респондентов

Проблема	Пожилые люди в целом		Мужчины		Женщины		Эксперты	
	ср. балл	ранг	ср. балл	ранг	ср. балл	ранг	ср. балл	ранг
Нехватка средств на достойную жизнь	4,13	1	3,98	1-2	4,27	1	4,64	4
Нехватка возможностей для развития	4,09	2	3,98	1-2	4,19	2	4,34	5
Некачественное питание	3,93	3	3,82	4	4,04	3	4,82	1
Низкое качество медицинских услуг	3,92	4	3,84	3	4,00	4	3,52	9
Нехватка еды, голод	3,87	5	3,79	5	3,95	5	4,70	2
Невозможность вести активный образ жизни	3,82	6	3,76	6	3,87	7	3,48	10
Недоступность медицинской помощи	3,82	7	3,70	7	3,92	6	4,14	7
Ограниченная мобильность	3,69	8	3,64	8	3,74	9	3,28	11
Плохие жилищные условия	3,62	9	3,37	11	3,86	8	4,68	3
Социальная изоляция, исключенность из общественной жизни	3,46	10	3,44	10	3,48	11	3,58	8
Отсутствие поддержки со стороны детей, родственников	3,45	11	3,53	9	3,37	12	2,40	13
Плохое состояние окружающей среды	3,41	12	3,31	12	3,51	10	2,84	12
Проблема личной безопасности	3,28	13	3,22	13	3,34	13	4,16	6

Если эксперты склонны отдавать приоритет проблемам, связанным с удовлетворением *конкретных* материальных потребностей, то для самих пожилых людей более приоритетной является проблема нехватки денег, которые выступают в качестве универсального средства решения множества проблем. Эксперты также склонны преувеличивать значение проблемы личной безопасности и недооценивать значимость ряда проблем, выходящих за пределы базовых потребностей и связанных с современными представлениями об активном и успешном старении.

Важно обратить внимание на приоритетный характер такой проблемы, как отсутствие возможностей для личного развития. Эта проблема оказывается почти столь же важной, как нехватка денег, и гораздо важнее всех прочих проблем. Столь высокая субъективная важность проблемы самореализации характерна как для городских, так и для сельских жителей, несмотря на объективную остроту материальных проблем и тот факт, что 60 % опрошенных пожилых людей не получают никаких регулярных выплат в рамках действующих схем, а медианный размер выплат у тех, кто их получает (4 000 тыс. шиллингов) в несколько раз меньше размера пенсии, которая считается достаточной для достойной жизни (медианное значение –15 000 шиллингов).

Важные различия между пожилыми людьми и экспертами выявлены также при характеристике современной системы социальной защиты, а также нормативных представлениях о ее желаемых формах (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка относительной важности различных источников социальной поддержки при решении проблем пожилых людей, средний балл

Источник поддержки	Финансовая поддержка		Решение проблем со здоровьем		Организация долгосрочного ухода	
	Пожилые люди	Эксперты	Пожилые люди	Эксперты	Пожилые люди	Эксперты
Собственные силы	4,1	3,1	4,1	3,0	–	–
Супруг(а)	3,0	3,7	3,1	3,3	3,5	3,6
Дети	3,1	3,5	3,1	3,8	3,7	3,6

Источник поддержки	Финансовая поддержка		Решение проблем со здоровьем		Организация долговременного ухода	
	Пожилые люди	Эксперты	Пожилые люди	Эксперты	Пожилые люди	Эксперты
Другие родственники	2,0	2,4	2,0	2,4	2,3	1,8
Государство	1,8	3,3	1,8	3,1	2,5	1,8
Общественные организации	1,5	2,2	1,6	2,2	2,1	2,0
Соседи, община	1,7	2,1	1,6	2,1	1,8	1,5
Бывший работодатель	1,4	2,0	1,3	2,0	1,5	1,2

Из представленных данных следует, что пожилые люди слабо верят в возможности не только институциональных, но и традиционных семейных форм социальной защиты, полагая, что в старости человек вынужден полагаться преимущественно на собственные силы. Эксперты, напротив, склонны более высоко оценивать роль институциональных механизмов, а наиболее значимыми признают традиционные семейные формы поддержки. Дополнительный анализ показал, что респонденты-мужчины склонны большее значение придавать собственным силам, а женщины – поддержке со стороны детей. В ходе экспертного опроса были выявлены элементы ролевой предвзятости, связанной с местом работы специалистов: эксперты из органов центральной власти склонны существенно более высоко оценивать роль государства в финансовой поддержке пожилых людей, чем другие эксперты (3,9 балла при среднем значении 3,3 балла).

Различия в оценке институциональных механизмов подтвердились и при ответе на вопрос о достаточности усилий, которые предпринимает кенийское государство для решения различных проблем пожилых людей. Эксперты дали, в целом, более позитивные оценки, особенно в отношении:

- организации долговременного ухода (положительные оценки дали 84 % экспертов и только 43 % пожилых респондентов);

- противодействию дискриминации и злоупотреблений (92 % и 54 %);
- нефинансовой помощи (46 % и 33 %);
- финансовой поддержке (92 % и 62 %).

Отсутствие консенсуса в восприятии институтов социальной защиты между экспертным сообществом и пожилыми гражданами проявилось не только в характеристике фактического положения дел, но и в оценке нормативного идеала. Мы предложили всем респондентам ответить на вопрос о том, кто должен играть главную роль в решении проблем пожилых людей в современном кенийском обществе, и получили следующие результаты (табл. 3, допускалось до двух вариантов ответа).

Таблица 3

Доля респондентов, выбравших определенный источник поддержки пожилых людей в качестве нормативного идеала (в %)

Источник поддержки	Пожилые люди	Эксперты
Сами пожилые люди	46,2	24,0
Ближайшие родственники	68,1	40,0
Другие родственники	31,2	2,0
Соседи, местные общины	13,5	4,0
Центральные власти	55,3	86,0
Местные или региональные власти	59,0	88,0
Некоммерческие организации	8,6	54,0
Частные компании	0,3	0,0

С точки зрения пожилых респондентов, сопоставимую роль в системе социальной защиты должны играть близкие родственники, органы власти и сами граждане. Сочетание различных моделей социальной защиты отражено и при ответе на прямой вопрос о том, какую из трех моделей пожилые люди считают наиболее приемлемой для кенийского общества. За модель государственной поддержки высказалось 46,5 %, за самодостаточность пожилых людей – 33,5 %, за традиционные семейные формы – 20 %. В отличие от пожилых людей,

эксперты однозначно высказались за институциональную модель поддержки, включающую в себя как властные институты, так и институты гражданского общества.

Ставка экспертов на институциональную модель подкрепляется их высокой убежденностью в прогрессе системы социальной защиты: 82 % считают, что ситуация в этой сфере за последние десять лет «значительно улучшилась». Основными механизмами социальной защиты для современной Кении, по оценкам экспертов, должны выступать: социальные пенсии (96 % указали этот вариант), индивидуальное пенсионное страхование (70 %) и безусловные денежные выплаты (48 %).

Обсуждение

Анализ данных, полученных в ходе двух исследований, позволил получить три главных результата, которые представляют интерес как с точки зрения понимания институтов социальной защиты в развивающихся странах, так и с точки зрения разработки и имплементации социальной политики. Первый результат связан с восприятием старения и проблем пожилых людей в Кении. В логике политики, основанной на концепции успешного старения, наступление пожилого возраста не должно приводить к резкому падению уровня жизни, физической и интеллектуальной активности, исключению из социальных связей и участия в общественной жизни. Успешное старение предполагает, что пожилой человек не просто живет в достатке и сохраняет здоровье, но и живет в обществе, которое уважает его человеческое достоинство, гарантирует безопасность и возможности для самореализации.

Когда речь идет о развивающихся странах, внимание в большинстве случаев сосредоточено на решении ограниченного круга задач, связанных, прежде всего, с удовлетворением базовых материальных потребностей пожилых людей и повышением доступности медицинского обслуживания. Это хорошо видно и на примере Кении. На протяжении последних 15 лет в стране был реализован целый ряд программ, направленных на решение этих задач: реформа системы социального и медицинского страхования (NSSF и NHIF), программа денежных переводов для пожилых ОРСТ, субсидирование медицинской

страховки HISP, медицинское страхование для пожилых людей и людей с ограниченными возможностями OPSD, новая универсальную пенсию для людей 70 лет и старше IJSC и ряд других.

Учитывая сложности социально-экономического развития и большую долю бедного населения, фокус на этих задачах кажется обоснованным и подкрепляется экспертным консенсусом. Однако результаты нашего исследования показывают, что представления самих пожилых людей о достойной старости и ожидания от системы социальной защиты в гораздо большей степени соответствуют современной концепции успешного старения, чем мнения экспертов и фактическое содержание реализуемых программ. Пожилые люди демонстрируют высокий и в значительной мере неудовлетворенный запрос на аспекты старения, которые выходят далеко за рамки удовлетворения базовых материальных потребностей и получения медицинской помощи. Проблемы отсутствия возможностей для самореализации, активного образа жизни, участия в общественной и культурной жизни, трудовой деятельности оказываются во многих случаях более важными, чем материальные и медицинские проблемы.

И даже в отношении материальных проблем пожилые люди склонны отдавать предпочтение более универсальному механизму гарантированного дохода, а не конкретным проблемам питания, жилищных условий и т. п. – как это характерно для экспертного мнения. Мы полагаем, это также свидетельствует о важности независимости и возможностей самостоятельно распоряжаться денежными средствами для решения тех проблем, которые сами пожилые люди считают для себя более важными. Как экспертное сообщество, так и разработчики социальной политики недооценивают такое более сложное восприятие старости пожилыми людьми.

Второй важный результат касается оценки системы социальной защиты в современной Кении. В Кении, как и большинстве других стран субсахарской Африки, социальная защита традиционно опиралась на семейные связи и помощь со стороны детей как элемент системы межпоколенческого обмена [Cattell, 1990]. Формирование институциональной системы социальной защиты началось только во второй половине XX в. Долгое время этот процесс носил медленный и неэффективный характер, охватывая лишь небольшую часть населения, преимущественно работающего в государственном секторе или

в небольшом количестве крупных компаний. Значительный прогресс в развитии институтов социальной защиты и формировании целостной социальной политики начался уже в XXI в. [Wanyama, 2017].

Однако анализ данных опроса показывает, что с точки зрения непосредственных адресатов, успехи в институционализации социальной защиты носят пока очень скромный характер. Ни государство, ни другие институциональные акторы не воспринимаются как сколь-нибудь значимый источник поддержки. Но и традиционные формы поддержки уже не являются надежным источником социальной поддержки в старости. Эту ситуацию можно охарактеризовать как следствие незавершенного перехода от одной модели социальной защиты (традиционно-семейной) к другой, институциональной. Процессы социально-экономических трансформаций второй половины XX в. (урбанизация, миграция, демографическая политика, направленная на снижение рождаемости), вкуче с интеграцией в международные институты, привела к постепенному размыванию и обесцениванию традиционно-семейной модели [Khasiani, 1987]. Однако недостаточно быстрое и эффективное становление институтов социальной защиты пока не смогло заменить их и гарантировать приемлемое качество жизни в старости с учетом растущих ожиданий и запросов со стороны кенийского общества. Следствием стала вынужденная опора на собственные силы и фактическое доминирование индивидуалистической модели социальной защиты. Это подтверждается и высокой долей людей, которые сохраняют экономическую активность в пожилом возрасте. Эксперты же склонны недооценивать роль собственных усилий пожилых людей в решении своих проблем, и переоценивать роль институциональных акторов, равно как и традиционных семейных форм.

Третий, главный, результат заключается в нормативной модели социальной защиты, которую пожилые люди и эксперты считают наиболее подходящей для кенийского общества. Представления самих пожилых людей о том, как должна выглядеть социальная защита, являются комбинацией государственно-институциональной, индивидуалистической и традиционно-семейной моделей. Точнее, среди пожилых людей есть достаточное количество сторонников каждой модели, но на уровне всего кенийского общества общее представление отсутствует. Запрос на современную институциональную модель социальной защиты существует, однако фактическое содержание институциональных

усилий пока не воспринимается как достаточное и отвечающее сложности проблем, вызывая разочарование и недоверие в возможности государства. То же самое можно сказать в отношении традиционных форм поддержки. Как следствие, у пожилых людей отсутствует ясное видение того, какой должна быть система социальной защиты.

В экспертном сообществе, напротив, достигнут полный консенсус относительно будущего социальной защиты в Кении. Эксперты однозначно высказываются за мультистейкхолдерную институциональную модель, которая включает в себя не только органы власти, но также международные и некоммерческие организации. Оптимальная модель социальной защиты, по консенсусному мнению кенийских экспертов, должна быть основана на сочетании социальных и страховых пенсий при безусловном преобладании первых, дополненная механизмами безусловной материальной помощи. При столь высоком уровне неформального сектора в экономике и значительном межрегиональном неравенстве в Кении необходима система социальной защиты, гарантирующая минимально необходимый уровень дохода всем пожилым людям без исключения. Это экспертное видение соответствует декларируемым принципам социальной ориентации кенийского государства и последним инициативам, таким как пенсия IJSC.

Однако экспертная и политическая нормативная модель социальной защиты, фокусируясь на решении базовых материальных проблем и повышении доступности здравоохранения, склонна недооценивать субъективную оценку и восприятие проблем социальной защиты самими пожилыми людьми. Несмотря на декларацию необходимости повышения включенности пожилых людей в меморандуме, принятом в 2016 г. Африканским Союзом¹, модель социальной защиты, реализуемая в Кении, пока не вполне соответствует принципам современной концепции успешного старения и склонна недооценивать важность нематериальных аспектов, связанных с самореализацией, активным образом жизни, общественным и экономическим участием пожилых людей.

Заключение

Существенный прогресс в развитии сектора социальной защиты, наблюдаемый в последние полтора десятилетия в Кении, не вызывает

¹ URL: <https://au.int/en/pressreleases/20160913-1>

сомнений. Он проявляется в расширении охвата пожилого населения мерами социальной поддержки, внедрении новой системы универсальных пенсий, развитии институциональных механизмов и повышении эффективности управления сектором социальной защиты, повышении доступности медицинского обслуживания и др. Однако этот прогресс, очевидный для экспертов, пока не так заметен для самих пожилых людей. Если у экспертов не вызывает сомнений ведущая роль государственных институтов в обеспечении социальной защиты в настоящем и будущем, то для пожилых людей эта роль неочевидна. Уровень доверия к институциональным формам социальной защиты пока не очень высок, в силу чего представления о социальной защите являются сочетанием институциональной, индивидуалистической и традиционной (семейной) моделей. Дальнейшее развитие институциональных механизмов требует поэтому не только повышения их финансовой устойчивости, охвата и действенности, но и более качественного информационного сопровождения.

Современная концепция социальной защиты, отраженная, в частности, в принципах ООН и в материалах Африканского Союза, предполагает ее многоаспектный характер, не сводящийся к удовлетворению базовых материальных потребностей. Как это ни удивительно, но представления пожилых людей в Кении об относительной значимости отдельных проблем и ключевых направлений социальной защиты в большей степени соответствуют пониманию ООН, нежели восприятие и фактическая деятельность экспертов. Последние склонны фокусироваться почти исключительно на решении базовых материальных проблем и медицинском обслуживании. При всей их важности, экспертное сообщество и разработчики политики склонны недооценивать важность проблем, связанных с возможностями личностного развития, трудовой деятельности, участия в общественной и культурной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. United Nations. World Population Prospects 2019. Volume II: Demographic Profiles. New York: UN, 2019.
2. *Bülow M., Söderqvist T.* Successful ageing: a historical overview and critical analysis of a successful concept // *Journal of Ageing Studies*. 2014. Vol. 31. P. 139–149.

3. *Ellis F., Devereux S. White P.* Social Protection in Africa. Cheltenham–Northampton: Edward Elgar, 2009.
4. International Labour Organization. World Social Protection Report 2017-19: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals. Geneva: ILO, 2017.
5. Organisation for Economic Co-operation and Development. Social Protection in East Africa: Harnessing the Future. Paris: OECD, 2017.
6. *Cirillo C., Tebaldi R.* Social protection in Africa: inventory of non-contributory programmes. Brasilia: UNDP, 2016.
7. Republic of Kenya. Kenya Social Protection Sector Review – 2017. Nairobi: Ministry of Labour, Social Security and Services, MLSSS, 2017.
8. *Chang A. Y. [et al.]*. Measuring population ageing: an analysis of the Global Burden of Disease Study 2017 // *Lancet Public Health*. 2019. Vol. 4. P. e159–e167.
9. *Cattell M. G.* Models of old age among the Samia of Kenya: family support of the elderly // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 1990. Vol. 5. P. 375–394.
10. *Wanyama F. O., McCord A.* The politics of scaling up social protection in Kenya. WIDER Working Paper No 2017/114. UNU-WIDER, 2017.
11. *Khasiani S. A.* The role of the family in meeting the social and economic needs of the aging population in Kenya // *Genus*. 1987. Vol. 43. P. 103–120.

REFERENCES

1. United Nations (2019). World Population Prospects 2019. Vol. II: Demographic Profiles. New York: UN.
2. Bülow, M., Söderqvist, T. (2014). Successful ageing: a historical overview and critical analysis of a successful concept. *Journal of Ageing Studies*, 31, 139–149.
3. Ellis, F., Devereux, S., White, P. (2009). *Social Protection in Africa*. Cheltenham–Northampton: Edward Elgar.
4. International Labour Organization (2017). *World Social Protection Report 2017-19: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals*. Geneva: ILO.
5. Organisation for Economic Co-operation and Development (2017). *Social Protection in East Africa: Harnessing the Future*. Paris: OECD.
6. Cirillo, C., Tebaldi, R. (2016). *Social protection in Africa: inventory of non-contributory programmes*. Brasilia: UNDP.
7. Republic of Kenya (2017). *Kenya Social Protection Sector Review – 2017*. Nairobi: Ministry of Labour, Social Security and Services, MLSSS.
8. Chang, A. Y. [et al.] (2019). Measuring population ageing: an analysis of the Global Burden of Disease Study 2017. *Lancet Public Health*, 4, e159–e167.

9. Cattell, M. G. (1990). Models of old age among the Samia of Kenya: family support of the elderly. *Journal of Cross-Cultural Gerontology*, 5, 375–394.
10. Wanyama, F. O., McCord, A. (2017). The politics of scaling up social protection in Kenya. WIDER Working Paper No 2017/114. UNU-WIDER.
11. Khasiani, S. A. (1987). The role of the family in meeting the social and economic needs of the aging population in Kenya. *Genus*, 43, 103–120.

Информация об авторах

Мусеев О. Х. – аспирант кафедры теоретической и специальной социологии Московского педагогического государственного университета

Миняжев Т. Р. – кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и специальной социологии Московского педагогического государственного университета

Information about the authors

Museev O. K. – PhD student, Department of Theoretical and Special Sociology, Moscow Pedagogical State University

Minyazhev T. R. – PhD (Sociological Sciences), Associate Professor, Department of Theoretical and Special Sociology, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию 13.03.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 07.11.2021.

The article was submitted 13.03.2021; approved after reviewing 12.09.2021; accepted for publication 07.11.2021.

Научная статья

УДК 070:616-036.21(470.345)

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_214

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
ОСВЕЩЕНИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА
В ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ СМИ РЕГИОНА**

И. А. Пакшина¹, Е. Н. Маскаева²

^{1,2}Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия

¹iraida-69@mail.ru

²elena-maskaeva@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования риторики освещения пандемии коронавируса в медиапространстве региона в период первой волны коронавируса, введения карантинных мер и самоизоляции. Приводятся результаты интерпретативного контент-анализа употребления слова «коронавирус» на материале публикаций в наиболее популярных в Мордовии газетах и пабликах социальной сети «ВКонтакте». Период исследования – с 27 января по 30 июня 2020 г. Выборочную совокупность составили 626 статей в газетах; 736 постов и 466 комментариев пользователей в социальной сети «ВКонтакте». Зафиксировано 1 958 упоминаний слова «коронавирус» (из них уникальных интерпретаций – 190) в печатных СМИ, 4 142 упоминания (1 322 соответственно) – в социальных сетях. На основе полученных данных выявлены наиболее употребляемые контексты концепта COVID-19. Установлено, что в газетных публикациях преобладала информационно-разъяснительная и военная риторика при освещении новостей о новом вирусе. Спектр сообщений, представленных в социальной сети, значительно разнообразен и зависел от уровня информированности пользователей. В условиях недостатка мнений компетентных экспертов на фоне общего переизбытка информации распространялись фейки, заблуждения, излагались взгляды ковид-диссидентов, выражалось скептическое отношение к данным официальной статистики. Все события, связанные с проникновением коронавирусной инфекции и адаптации общества к ней, в популярных пабликах преимущественно раскрывались сквозь призму испытанного отдельными подписчиками опыта экзистенциального переживания кризисной ситуации. Общим для публикаций, циркулирующих в медиапространстве региона, стала эмоциональная окраска текстов, а также трансляция тревожности и опасности.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, СМИ Республики Мордовия, коммуникация, коммуникативные практики, контекст употребления слова, риторика освещения новостей

Для цитирования: Пакшина И. А., Маскаева Е. Н. Коммуникативные практики освещения пандемии коронавируса в традиционных и новых СМИ региона // Вестник

Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 214–229. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_214

Original article

**COMMUNICATION PRACTICES
OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC COVERAGE
IN TRADITIONAL AND NEW MEDIA OF THE REGION**

I. A. Pakshina¹, E. N. Maskaeva²

^{1,2}Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russia

¹iraida-69@mail.ru

²elena-maskaeva@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the rhetoric of coverage of the coronavirus pandemic in the media space of the region during the first wave of coronavirus, the introduction of quarantine measures and self-isolation. The article deals with the results of an interpretive content analysis of the use of the word “coronavirus” on the material of publications in the most popular newspapers in Mordovia and the public pages of the social network “VKontakte”. The study period was from January 27 to June 30, 2020. The sample consisted of 626 articles in newspapers; 736 posts and 466 user comments on the social network “VKontakte”. There were 1,958 mentions of the word “coronavirus” (190 of them as unique interpretations) in the print media, and 4,142 mentions (1,322 respectively) in social networks. Based on the data obtained, the most commonly used contexts of the COVID-19 concept were identified. It was found that the newspaper publications covering news about the new virus were dominated by informational and military rhetoric. The range of messages presented in the social network is significantly diverse and depends on the level of awareness of users. In conditions of a lack of opinions of competent experts, against the background of a general overabundance of information, fakes and misconceptions were spread, the views of covid-dissidents were expressed, and a skeptical attitude to official statistics was expressed. All events related to the penetration of coronavirus infection and the adaptation of society to it, in popular public publications, were mainly revealed through the prism of the experience experienced by individual subscribers of the existential experience of a crisis situation. The emotional coloring of the texts, as well as the transmission of anxiety and danger was common for publications circulating in the media space of the region.

Key words: coronavirus pandemic, mass media of the Republic of Mordovia, communication, communication practices, context of word usage, news coverage narrative

For citation: Pakshina, I. A., Maskaeva, E. N. (2021). Communication practices of the coronavirus pandemic coverage in traditional and new media of the region. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(844), 214–229. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_214

Введение

С момента появления первых сообщений в СМИ о новой коронавирусной инфекции прошло больше года. За этот период мир научился жить в состоянии неопределенности и меняющейся реальности. Трансформация обыденной жизни и, как следствие, языковой практики ведет к значительным лексическим изменениям. Во всеобщий обиход вновь вошли немного забытые слова («самоизоляция», «пандемия», «социальная дистанция») и появились совершенно новые («зум, зумить, зумиться», «локдаун»). Отметим, что слово «коронавирус» – «виновник» произошедших кардинальных изменений – появилось не сегодня. Первоначально оно было исключительно медицинским термином [Большая медицинская энциклопедия, 1979, с. 378–380], однако в 2020 г. это слово, по данным социологического опроса, проведенного ВЦИОМ, стало самым употребительным у широких слоев населения [ВЦИОМ, 2020].

Пандемия за очень короткий срок «революционным образом изменила нашу коммуникацию так, что возвращение на предыдущий уровень стало невозможным» [Кронгауз, 2020, с. 742]. В связи с этим особый интерес представляет исследование лексических изменений, произошедших в языковых практиках жителей Республики Мордовия на этапе возникновения новой инфекции и адаптации сообщества к ней.

Теоретическая основа исследования

Теоретическую базу исследования составляет коммуникационный подход, характеризующий текст как единицу общения, неотрывную от процесса коммуникации, и акцентирующий внимание на том, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество [Лабов, 1975]. В статье текст рассматривается как единица анализа знакового общения, при котором «предметом текстовой деятельности является коммуникативная интенция общающихся, т. е. не смысловая информация вообще, а смысловая информация, «цементируемая» замыслом, коммуникативно-познавательным намерением» [Дридзе, 1984, с. 57].

Мы опираемся на работы, посвященные исследованию влияния медиасобытия на общественное сознание и бытие. Как известно,

возведение события в публичный статус медиафакта коренным образом изменяет саму природу происходящего [Thompson, 1990, с. 241–242]. Превращение сообщения в образный медианарратив, как и индивидуально-бытовой характер потребления массового информационного продукта, не могут не приводить к радикальной «мутации» самих форм участия широкой общественности в совместном производстве социально значимых смыслов [Дзялошинский, 2013, с. 43]. Таким событием, существенным образом повлиявшим на жизнь человечества в 2020 г., стала пандемия коронавируса.

Современное научное сообщество активно занимается исследованием социальных, психологических, экономических и политических последствий пандемии. Российскими учеными установлено, что в период эпидемии коронавируса снизилось доверие к официальным источникам информации, причинами которого стали «коммуникационный разрыв (противоречия в информационном поле, непонимание принимаемых властью решений); кризис общественного договора (ощущение социальной несправедливости, накопленный опыт неоправдавшихся ожиданий), а также поляризация в социальных сетях; противоречие опыта очевидцев официальной повестке» [Макушева и др., 2020, с. 444].

Исследователи подчеркивают определяющую роль коммуникации в адекватном восприятии риска. В кризисной ситуации необходимо понимание настроений граждан и информационных потребностей общества. Мониторинг средств массовой информации, будь то социальные сети или традиционные СМИ, предоставляет богатый источник, который можно использовать для анализа контента и настроений людей в реальном времени [Jong, 2020]. Изучение способов общения органов власти, населения, бизнеса и средств массовой информации во время пандемии поможет извлечь уроки из этого кризиса и подготовиться к будущим [Jong, 2020].

В статье представлены результаты анализа употребления слова «коронавирус» на материале публикаций в наиболее популярных газетах Республики Мордовия и комментариев пользователей социальной сети «ВКонтакте» в период первой волны коронавируса, карантина и самоизоляции. Цель исследования: описать речевые практики употребления слова «коронавирус» в традиционных и новых медиа региона в ситуации неопределенности.

Методология исследования

В рамках использования метода анализа документов был применен интерпретативный контент-анализ, при котором не только учитывалось количество значащих элементов текста, но и производился подсчет интерпретаций. При кодировании любая часть текста не рассматривалась изолированно от остального текста, а опиралась на смысл текста в целом, что позволило максимально полно и адекватно учитывать контекст. На необходимость учета контекста социальных факторов, обуславливающих эволюцию языка, указывал У. Лабов, постольку они «обнаруживают регулярное распределение по общественно-экономическим, этническим или возрастным группам, но в речи каждого индивидуума проявляются более или менее одинаковым образом в любом контексте» [Лабов, 1975, с. 150].

Материалом исследования являются тексты, полученные на основе данных мониторинга наиболее известных в Республике Мордовия региональных газет («Известия Мордовия», «Столица С»), а также пабликов социальной сети «ВКонтакте» («Привет, сейчас, Саранск» (195 387 подписчиков¹), «Саранск | Доска Позора» (93 248), «Столица С» (113 657 подписчиков)). В статье приводятся контексты употребления лексемы «коронавирус» и ее словоформы в период первой волны пандемии (с 27 января по 30 июня 2020 г.). Выбор хронологических рамок исследования обусловлен фиксацией первого упоминания данного слова в региональной прессе и ограничен отменой карантинных мероприятий в республике.

В выборочную совокупность вошли 626 статей, напечатанных в газетах, а также 736 постов и 466 комментариев пользователей локальных сообществ социальной сети «ВКонтакте». Сбор информации проводился в июле-октябре 2020 г. В статье проводится сравнительный анализ двух типов данных: имеющих «идеализированную форму» (созданных профессиональными журналистами в печатных СМИ) и характеризующих «реальную речь» (высказывания пользователей социальной сети «ВКонтакте»).

¹ Данные приведены по состоянию на 1 декабря 2020 г.

Результаты исследования

Репрезентация коронавируса в традиционных СМИ

По результатам исследования зафиксировано 1 958 случаев употребления контекстных слов «коронавирус», из них 190 уникальных высказываний. В период появления новой непредсказуемой болезни, а также в состоянии неизвестности репрезентация коронавируса в печатных СМИ в основном велась с позиций информирования жителей региона о текущей ситуации с COVID-19, тревожности за последствия пандемии для общества, а также с позиций требования соблюдения мер профилактики.

Наиболее упоминаемыми в газетах стали слова, которые можно отнести к тождественным словоформам: *Covid-19, 2019-nCoV, SARS-CoV2, ковид, корона, вирус, зараза*. Публикациям характерна тревожная риторика, воздействующая на чувственно-эмоциональное восприятие (*злосчастный, проклятый, коварный, хитрый, разгулявшийся, злобный, поганый, непредсказуемый* и др.). Посредством создания негативного образа коронавируса предстает своеобразным «монстром» – *сжирающим всех, несмотря на статус, должности, миллиардные капиталы и личные шахты, скважины, гектары*.

При описании воздействия COVID-19 на общество журналисты использовали словоформы, вызывающие чувства опасности, тревоги, страха: *смертельно опасный, страшный, погубил, свирепствует, катастрофа, бушует эпидемия, превратился в старуху с косой* и т. д.

Несмотря на то, что пандемия еще не закончилась, в значительной части газетных публикаций предпринималась попытка оценить не только текущую ситуацию, но и ее негативные последствия для общества и личности:

пандемия несколько подкосила нашу производительность; пандемия коронавируса стала настоящим испытанием для жителей Мордовии; «усугубил проблему домашнего насилия».

В то же время журналисты отмечали позитивные моменты, связанные с эпидемией:

заставил жителей Мордовии уделять повышенное внимание вопросам личной гигиены и научил ценить чистоту; «заставил работников домоуправления как следует исполнять свои обязанности!»

Оценка ситуации, вызванной пандемией коронавируса в мире, стране и регионе, в статьях дана преимущественно с помощью лексических форм слов «война», «сражение»:

на переднем крае войны; наступает; нашествие коронавируса; борьба с невидимым; но от этого не менее опасным врагом; пока коронавирус не побежден; covidная война; вирусная атака; на ковидном фронте; широкомасштабное наступление коронавирусной инфекции; это война с вирусом.

Военная риторика освещения новостей характерна не только для региональных СМИ. В кризисной ситуации перед общественными лидерами стояла задача доведения до граждан с помощью СМИ достоверной информации о коронавирусе. Как правило, в такие напряженные периоды руководители государств «играют решающую роль на всех этапах кризиса, от реагирования до смягчения последствий и восстановления» [Jong, 2020]. Милитарные слова при характеристике пандемии использовал в своей речи и Президент РФ В. Путин [Балашова, 2020, с. 777]. Военные метафоры в высказываниях Главы государства «формируются в рамках единой концептуальной модели «Эпидемия КОВИД-19 как война против человечества», в которой пандемия воспринимается как агрессор, а общество – не только как жертва, но и активная противодействующая сила» [Балашова, 2020, с. 795]. Исследователи отмечали, что губернатор Нью-Йорка Э. Куомо часто обращался к своей аудитории, используя эффективный и знакомый образ войны, который вызывает в воображении образы национального единства и подчеркивает серьезность ситуации [Mintrom & O'Connor, 2020].

Обращение к военной риторике предопределено стремлением государственных лидеров в период пандемии восстановить контроль над крайне неопределенной и динамичной угрозой, формулируя стратегии, которые реализовывались со значительными экономическими, социальными и политическими расходами [Voin et al., 2020].

Таким образом, в период первой волны коронавируса и введения карантинных ограничений для печатных СМИ региона характерна эмоциональная, тревожная и милитарная риторика, обусловленная необходимостью корректировки устоявшегося уклада и традиционного поведения населения, мотивации людей на соблюдение санитарно-

гигиенических мер и объяснения подстерегающей опасности. На наш взгляд, реакция региональных СМИ на COVID-19 была сформирована контекстом выступлений руководства страны и региона, врачей-специалистов.

Освещение пандемии в социальной сети «ВКонтакте»

Ключевое слово «коронавирус» – самое употребляемое в социальной сети за период исследования: зафиксированы 4 142 фразы, посвященные теме инфекции, из них 1 322 уникальные лексические единицы. Слово практически не упоминалось в комментариях пользователей социальной сети «ВКонтакте» до момента непосредственного столкновения региона с пандемией. Рост его встречаемости связан с событиями повседневной жизни населения республики, повлиявшими на восприятие степени опасности вируса. Анализ сетевых дискуссий позволил выявить основные представления о COVID-19, циркулирующие в медиапространстве региональных интернет-сообществ.

Изучение контекста, в котором чаще всего употреблялось слово «коронавирус», позволило составить словарь неологизмов данной лексико-тематической группы, функционирующих в региональном медийном поле социальной сети «ВКонтакте». В их число вошли креативные названия заболевания, транслируемые пользователями социальной сети:

коронаминус, коронашка, коронка, суперпуперзараза, коровий вирус, барановирус, корона макарона, лжевирус, «липовый» вирус, дебиловирус, сплетневирус, карановеруss, коронозомби апокалипсис, карамба вирус, K19 и др.

Неологизмы, включенные в «коронавирусный» словарь, по мнению И. П. Зайцевой, выступают социолингвистическими маркерами 2020 г. [Зайцева, 2020].

В пабликах социальной сети «ВКонтакте» наиболее часто употребляемыми контекстами концепта COVID-19 стали слова, выражающие чувства тревоги, опасности, страха:

смертельно опасный, реально страшный вирус, постепенно убивает людей, смертельный, может мутировать и видоизменяться, страшнее радиации.

Страхи, репрезентируемые пользователями социальной сети, обусловлены:

- скоростью распространения:
вирус распространяется в прогрессии;
- тотальностью охвата:
везде вирус, весь мир захлебнулся ковид-паникой и ковид-больными;
- преувеличением угрозы и предопределенностью:
переболеем все, если иммунитет слабый, умрете;
- неизученностью и отсутствием способов лечения:
лекарств от коронавируса нет, последствия именно после этого вируса ужасные.

Кроме того, пользователи в комментариях к постам не скупались на выражения эмоциональной реакции на вирус:

бесит, надоело, не дает покоя, мозг забит коронавирусом, напрягает, достали уже с этим коронавирусом.

Результаты исследования продемонстрировали, что пользователи социальной сети «ВКонтакте» в два раза реже использовали милитарную риторику, чем профессиональные журналисты.

Формирование общественного мнения на эмоциональной основе и личной вере при отсутствии рациональной аргументации и фактов выступает в качестве основной причины того, что «все большую популярность набирают фейковые новости, дезинформирующие население и тем самым выполняющие важную функцию в создании аргументативной базы для слухов» [Климова и др., 2020, с. 269]. В период первой волны коронавирусной инфекции, введения карантинных ограничений, недостатка компетентной информации и непонимания населением реальной опасности от инфекции в медиапространстве региона часто излагались взгляды ковид-диссидентов, а также транслировались заблуждения / фейковые новости.

Спектр мнений ковид-диссидентов – людей, занимающих радикальную позицию и отрицающих сам факт существования коронавируса, представлен достаточно широко:

нету этого вируса вообще, все это бред полнейший, если бы этот вирус настолько опасен был бы, мы бы слегли моментом, далеко не так опасна, как ее размалевали.

Согласно результатам исследования, пользователи социальной сети «ВКонтакте» распространяли фейковую информацию о появлении нового заболевания исходя из таких версий, как:

- теория заговора:
вируса этого нет, это всемирный заговор, королева вирус американцы подкинули, всех с covid-19 дурят;
- сговор фармацевтических компаний:
он сейчас прибыльный, корона – это отмывание денег в особо крупном размере;
- искусственное создание вируса:
вас дурят; это не коронавирусы, а политика, все это спланировано годами раньше, что бы все с голоду подошли;
- вживление чипов в организм людей для управления их поведением:
чипирование идёт под видом вакцины, коронавирус — это фейк и повод для жёсткого управления стадом, Covid в два слова — это в переводе с английского «Обложка удостоверения личности»).

Стремительно изменившаяся реальность сформировала у пользователей социальных сетей скептическое отношение к данным официальной статистики:

лечат по благу, всю статистику скрывают, цифры среднепотолочные, диагностировать ковид – портить статистику

и сомнение в эффективности профилактических мер:

каждый день мозги промывают этой короной, масками, перчатками, нервы не выдерживают у людей с этим вирусом).

Посты с историями о перенесенной в тяжелой форме болезни, о внезапной утрате близких имели максимальное количество просмотров, лайков и репостов. Например, пост в сообществе «Саранск | Доска Позора», содержащий рассказ о жительнице г. Саранска медсестры

Лене Петровой, потерявшей от коронавируса родителей и столкнувшейся с равнодушием со стороны руководства медицинской организации, в которой она работала, набрал рекордное значение количественных показателей за 2020 г. (405 314 просмотров, 11 109 лайков, 881 репост, 1 669 комментариев, время жизни новости – 467 часов)¹. Данный пост получил широкий общественный резонанс, на местном телевидении был показан сюжет, комментарии по данному поводу дали официальные лица Республики Мордовия.

Испытанный отдельным представителем интернет-сообщества опыт экзистенциального переживания актуализировался в высказываниях, посвященных симптомам заболевания,

- его диагностике и способам распространения:
способствует сгущению крови, поражает легкие, подавляет иммунную систему, дыхательная недостаточность, дает осложнения;
- переосмыслению ценности работы врачей и медицины для общества:
непосильный труд приложили врачи в борьбе с вирусом, медицина вперед шагнула с этим вирусом;
- переживаниям перенесших болезнь и испытавших тяжесть потери близкого человека:
смерть близких может заставить поверить в коронавирус, сколько людей должно умереть, чтобы вы поняли, что ВИРУС – это серьезно;
- призывам к благоразумию и соблюдению профилактических мер:
только ответственный порядок и самодисциплина помогут нам преодолеть коронавирус без больших потерь;
- оценке последствий пандемии для общества:
вызвал глобальный экономический кризис;

и личности:
все планы поставлены на паузу;

¹ Социальная сеть «ВКонтакте». Сообщество «Саранск | Доска Позора». Дата публикации – 24 мая 2020 г.

- описанию последствий для здоровья:
приносит грандиозный ущерб здоровью;
- и изменению отношения к собственному здоровью:
не рисковать жизнью из-за коронавируса.

Таким образом, новая коронавирусная инфекция существенным образом перестроила повседневные социокультурные практики жителей Мордовии. Это отразилось и в публикациях пользователей городских интернет-сообществ. В своих комментариях они выражали чувства, эмоции, описывали опыт лечения и состояние, вызванное введением профилактических мер и длительным нахождением на самоизоляции, а также указывали на изменения, произошедшие в системе ценностей. В социальных сетях транслировались страхи, заблуждения, различные теории, основанные на недостоверных сведениях. Следовательно, спектр мнений, представленных в медийном пространстве, довольно обширен и зависит, на наш взгляд, от уровня информированности пользователей. Именно в такие критические моменты возросла необходимость и значимость аргументированной и достоверной информации.

Выводы

На основании собранных в ходе исследования данных можно сделать вывод о том, что появление коронавирусной инфекции кардинальным образом изменило новостную повестку региона как в печатной прессе, так и в социальных сетях в сторону отслеживания эпидемиологической обстановки. Общество находилось в состоянии неизвестности и напряженности, вызванном появлением новой и непредсказуемой болезни. В этих условиях в газетных публикациях максимальное внимание уделялось информированию жителей республики о текущей ситуации и призывам к соблюдению мер профилактики в период борьбы с инфекцией.

При освещении данного инфоповода в печатных СМИ региона преобладала эмоциональная, тревожная и милитарная риторика, нацеленная на корректировку традиционного поведения населения, а риторика публикуемых материалов сформирована контекстом выступлений общественных лидеров и специалистов в области медицины. Следует

отметить, что в газетных статьях в два раза чаще, чем в комментариях пользователей социальной сети «ВКонтакте», употреблялась военная метафора при оценке событий, связанных с пандемией.

Для пабликов социальной сети характерны резкий всплеск общественного интереса к новому заболеванию, его осмысление и рутинизация. Первоначально бурную реакцию вызывали информационные сводки, истории людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию из-за болезни. Сообщения пользователей носили ярко выраженную эмоциональную окраску. Отметим, что только в социальной сети транслировались заблуждения (фейки) и мнения ковид-диссидентов, сомнения в достоверности данных официальной статистики и необходимости введения карантинных мер, часто оценивалась работа медиков и системы здравоохранения. В данных обстоятельствах интернет-сообщества демонстрировали необходимость в аргументированной и достоверной информации, а обсуждение новостей происходило путем проецирования общемировой проблемы на себя, на повседневную жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коронавирусы // Большая медицинская энциклопедия (БМЭ): в 30 т. / гл. ред. акад. Б. В. Петровский. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1979. Т. 11.
2. ВЦИОМ. Итоги 2020-го: события, люди, оценки, ожидания от 2021-го: аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2020-go-sobytiya-ljudi-ocenki-ozhidaniya-ot-2021-go> (дата обращения: 10.04.2021).
3. *Кронгауз М. А.* Screenlife в эпоху карантина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 735–744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
4. *Лабов У.* Исследование языка в его социальном контексте // Новое в зарубежной лингвистике. 1975. Вып. 7. Социоллингвистика. С. 96–181.
5. *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука; Академия наук СССР, Ин-т социологических исследований, 1984.
6. *Thompson J. B.* Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge, Polity Press in association with Basil Blackwell, 1990.
7. *Дзялошинский И. М.* Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013.

8. *Макушева М. О., Нестик Т. А.* Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.
9. *Jong W.* Evaluating Crisis Communication. A 30-item Checklist for Assessing Performance during COVID-19 and Other Pandemics // Journal of Health Communication. International Perspectives. 2020. Issue 12(25). P. 962–970. URL: <https://doi.org/10.1080/10810730.2021.1871791>
10. *Балашова Л. В.* Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В.В. Путина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7 (4). С. 777–800. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).777-800
11. *Mintrom M. & O'Connor R.* The importance of policy narrative: effective government responses to Covid-19. Policy Design and Practice. 2020. Issue 3(3). Policy processes and dynamics: Lessons from the response to COVID-19. P. 205–227. URL: <https://doi.org/10.1080/25741292.2020.1813358>
12. *Boin A., Lodge M. & Luesink M.* Learning from the COVID-19 crisis: An initial analysis of national responses. Policy Design and Practice. 2020. Issue 3(3). P. 189–204. doi:10.1080/25741292.2020.1823670
13. *Зайцева И. П.* «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7 (4). С. 801–813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813
14. *Климова А. М., Чмель К. Ш., Савин Н. Ю.* Верю-не-верю: общественное мнение и слухи о происхождении нового коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 266–283. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752>

REFERENCES

1. Koronavirusy (1979). In B. V. Petrovsky (ed.), Bol'shaya Meditsinskaya Entsiklopediya (BME): in 30 vols. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
2. VTSIOM (2020). Itogi 2020-go: sobytiya, lyudi, otsenki, ozhidaniya ot 2021-go: analiticheskij obzor = Results of 2020: events, people, assessments, expectations from 2021: an analytical overview. (In Russ.)
3. Krongaus, M. A. (2020). Screenlife v epokhu karantina = Screenlife in the age of coronavirus lockdown. Communication Studies (Russia), 7(4), 735–744. (In Russ.)
4. Labov, W. (1975). Issledovaniye yazyka v yego sotsial'nom kontekste = Study of language in its social context. New in foreign linguistics, 7. Sociolinguistics, 96–181. (In Russ.)

5. Dridze, T. M. (1984). *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii: problemy semiosotsiopsikhologii* = Textual activity in the structure of social communication: problems of semiosociopsychology. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Thompson J. B. *Ideology and modern culture. Critical social theory in the era of mass communication*. Cambridge, Polity Press in association with Basil Blackwell, 1990.
7. Dzyaloshinskiy, I. M. (2013). *Mediaprostranstvo Rossii: kommunikatsionnyye strategii sotsial'nykh institutov* = Media space of Russia: communication strategies of social institutions). Moscow: Izdatel'stvo APK i PPRO. (In Russ.)
8. Makusheva, M. O., Nestik, T. A. (2020). *Sotsial'no-psikhologicheskiye predposylki i efekty doveriya sotsial'nykh institutam v usloviyakh pandemii* = Socio-psychological prerequisites and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 6, 427–447. (In Russ.)
9. Jong, W. (2020). *Evaluating Crisis Communication. A 30-item Checklist for Assessing Performance during COVID-19 and Other Pandemics*. *Journal of Health Communication. International Perspectives*, 12(25), 962–970. URL: <https://doi.org/10.1080/10810730.2021.1871791>
10. Balashova, L. V. (2020). *Militarnaya metafora kak sposob formirovaniya kontsepta KOVID-19 v rechi V. V. Putina* = Militaristic metaphor as a way of forming the concept of COVID-19 in V. V. Putin. *Communication Research*, 7(4), 777–800. (In Russ.)
11. Mintrom, M. & O'Connor, R. (2020). *The importance of policy narrative: effective government responses to Covid-19*. *Policy Design and Practice*, 3(3): Policy processes and dynamics: Lessons from the response to COVID-19, 205–227. URL: <https://doi.org/10.1080/25741292.2020.1813358>
12. Boin, A., Lodge, M. & Luesink, M. (2020). *Learning from the COVID-19 crisis: An initial analysis of national responses*. *Policy Design and Practice*. 3(3), 189–204. doi:10.1080/25741292.2020.1823670.
13. Zaytseva, I. P. (2020). «Koronapsikhoz», «koronaskeptiki», «covidism», «covidophobia» i drugiye sotsiolingvisticheskiye markery 2020 g. = «Coronapsychosis», «coronasceptics», «covidism», «covidophobia» and other sociolinguistic markers of 2020. *Communication Research*, 7(4), 801–813. (In Russ.)
14. Klimova, A. M., Chmel, K. S., Savin, N. Y. (2020). *Veryu-ne-veryu: obshchestvennoye mneniye i slukhi o proiskhozhdenii novogo koronavirusa* = Believe it or not: public opinion and rumors about COVID-19. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 6, 266–283. (In Russ.)

Информация об авторах

Пакина И. А. – кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела Научного центра социально-экономического мониторинга

Маскаева Е. Н. – старший научный сотрудник редакционно-издательского отдела Научного центра социально-экономического мониторинга

Information about the authors

Pakshina I. A. – PhD (Cultural Studies), Leading Researcher, Editorial and Publishing Department Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution

Maskaeva E. N. – Senior Researcher Department, Editorial and Publishing Department Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution

Статья поступила в редакцию 11.06.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 11.06.2021; approved after reviewing 12.09.2021; accepted for publication 18.10.2021.

Научная статья

УДК 316.4.063.36

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_230

**УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ИМИДЖ ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Д. Г. Передня

Академия управления МВД России, Москва, Россия,
2975829@mail.ru

Аннотация. В статье с опорой на результаты эмпирического исследования рассматривается управленческая культура, как фактор, влияющий на имидж органов внутренних дел. Имидж полиции интерпретируется как трехуровневая система, включающая мифологическую, виртуально-стереотипную и предметную составляющие. Описывается факторная модель формирования имиджа организации. Обоснован тезис о том, что процессы, происходящие внутри организации, сказываются на ее имидже. Дается характеристика вклада управленческой культуры в имидж современных органов внутренних дел.

Ключевые слова: управленческая культура, имидж организации, полиция, органы внутренних дел

Для цитирования: Передня Д. Г. Управленческая культура органов внутренних дел как фактор, влияющий на имидж этой организации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 230–241. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_230

Original article

**MANAGEMENT CULTURE OF THE INTERNAL AFFAIRS
AS A FACTOR INFLUENCING THE IMAGE OF THIS ORGANIZATION**

D. G. Perednya

Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia,
2975829@mail.ru

Abstract. Based on the results of empirical research, the article examines managerial culture as a factor influencing the image of the internal affairs bodies. The image of the police is interpreted as a three-level system including mythological, virtual-stereotyped, and subject components. The factorial model of the organization's image formation is described. The thesis is substantiated that the processes occurring within

the organization affect its image. The characteristic of the contribution of managerial culture to the image of modern internal affairs bodies is given.

Key words: management culture, the image of the organization, police, internal affairs bodies

For citation: Perednya, D. G. (2021). Management culture of the internal affairs as a factor influencing the image of this organization. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 230–241. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_230

Введение

Во все времена управлению уделяли особое внимание. Если попросить вспомнить привлекательную компанию, организацию, команду, в которой довелось кому-либо поработать и выяснить в доверительном разговоре, какие факторы делали ее успешной, привлекательной, выдающейся, часто выясняется, что одним из таких факторов является управленческая культура. Оказывается преобладающие способы управленческих взаимодействий в организации, вносят вклад в ее имидж.

Многие исследователи в фокус своих научных интересов помещают управленческую культуру [Васьков, 2011; Шаврукова, 2019; Ерохин, 2019; Коневская, 2014]. Все авторы стараются придерживаться современных научных взглядов на социальное управление, при этом как правило не уделяют должного внимания управленческой культуре с точки зрения ее влияния на имидж организации.

Цель исследования: рассмотреть управленческую культуру органов внутренних дел (ОВД), как фактор влияющий на имидж организации.

Управленческая культура предстанет перед нами как отдельный, самостоятельный фактор, от которого не очевидным образом зависит впечатление о полиции, не о ее деятельности, а о ней самой. При этом дополнительно будет актуализирована значимость и важность оптимизации управленческой культуры. Будет показано определяющее влияние управленческой культуры на имидж органов внутренних дел России.

Имидж полиции

Имидж полиции – это образ-представление общественного сознания, методом ассоциаций, наделяющий объект – полицию – дополнительными свойствами – социальными, психологическими,

эстетическими и так далее, которые не всегда имеют основания в реальных свойствах самой организации, но обладают социальной значимостью для индивидов, воспринимающих такой образ и переносящих указанные свойства на всех сотрудников ОВД.

Имидж ограничивает рациональное познание полиции и в тоже время своим внушающим воздействием создает специфическую социально-психологическую установку действия, тем самым способствуя или препятствуя эффективному функционированию важной части правоохранительной системы, которой являются органы внутренних дел, многие из которых – это сотрудники полиции.

Имидж имеет особую значимость для представителей молодого поколения. Молодые люди современного общества наиболее чувствительны ко всему нематериальному, в том числе к имиджу. Внешняя общественность не оставляет без внимания имидж ОВД в целом как организации, и имидж отдельного ее представителя. Причины этого заключаются в том, что имидж, так же как престиж, авторитет, репутация являются социальными ресурсами. Власть, богатство, образование, имидж – это социальные ресурсы и чем этих ресурсов в организации больше, тем она сильнее, эффективнее, успешнее, тем больше желающих приобрести членство в такой организации. В последующем это позитивно отражается на результатах работы правоохранительной структуры. Ее положительный имидж увеличивает общий вклад в солидаризацию общества.

Факторы, определяющие имидж организации

Авторы в своих исследованиях выделяют различные факторы, которые, по их мнению, определяют имидж той или иной организации. Не вступая в полемику по поводу оснований их выделения, отметим, что, на наш взгляд среди основных факторов стоит обратить внимание на историю организации, ее финансовое положение, фирменный стиль, личность руководителя. Это важная группа факторов, но есть и другая, которая включает:

- паблисити, т. е. известность, популярность, упоминаемость организации в связи с конкретными событиями, созданная множеством прямых и косвенных сообщений в средствах массовой коммуникации, от высказываний гостей телепередач, до комментариев пользователей социальных сетей;

- традиции, которые сложились в организации;
- репутация, общественное признание ее деятельности, социальная ответственность перед государством и обществом;
- забота о персонале;
- управление организацией.

Авторские исследования, проведенные в течение последних пяти лет, посвященные имиджу органов внутренних дел [Передня, Захаров, 2018] вынудили обратить внимание на то, что конкретные проявления впечатлений о полиции, обусловленные факторами второй группы есть не что иное как проявление управленческой культуры, ее отражения в сознании общественности. Оказалось, что в современных условиях для хорошего имиджа недостаточно эффективно выполнять свои обязанности по противодействию преступности и поддержанию общественного порядка, иметь привлекательную символическую атрибутику и прочее. Важно то как управляется организация, с точки зрения всех участников управленческого процесса, насколько комфортно в ней работать, что происходит с сотрудниками после того, как членство в организации заканчивается, в какой степени она современна и соответствует представлениям и ожиданиям большинства общественности.

Методика исследования

Представления о полиции «подпитываются» архаическими мифологическими постулатами, контентом генерируемым средствами массовой коммуникации, конкретными наблюдениями за полицией и опытом взаимодействия с органами правопорядка. Как показало исследование, общественное сознание способно вычленять на всех этих уровнях представления о том, как организовано управление в этой организации, насколько оно эффективно, современно, адекватно социальным ожиданиям граждан.

Несколько слов о методике исследования, связанного с имиджем полиции и факторами его определяющими. Основная часть анкеты, включала два вопроса. Всего было два варианта анкеты. Первый вариант содержал вопросы:

Как Вы относитесь к профессии полицейский?

С каким словом у Вас ассоциируется деятельность Российской полиции?

Во втором варианте опросного листа акцент был сделан не на профессию, а на людей, выбравших данное направление деятельности. Вопрос представлен следующим образом: «Как Вы относитесь к сотрудникам полиции?» Использовались открытые вопросы. Это было продиктовано желанием предоставить респондентам возможность свободно и максимально полно выразить свое мнение, руководствуясь исключительно собственными представлениями о российской полиции. Исходя из параметров рассчитанной и обоснованной выборки каждый вариант анкеты предлагался двум случайным подвыборкам. Выборочную совокупность составили представители молодежи среднего и старшего подросткового возраста от 14 до 19 лет. Респондентами были жители южных регионов России, Ставропольского и Краснодарского краев, Республики Крым, Ростовской области общей численностью 360 человек.

Лучше всего в качестве носителя информации по проблеме исследования подходила молодежь. Молодежь – будущее России, демографическая группа до 30 лет, во многом определяющая ближайшие перспективы страны. Представители этой общности уже задают тон общественной и государственной жизни и при этом период активности этой возрастной группы таков, что последствия их деятельности могут в значительной степени сказаться на всех сферах жизни общества: экономической, политической, духовной, социальной. От мнений и унастроенностей этой социальной общности зависит многое. Преимущественно из этой категории людей сейчас комплектуются органы внутренних дел, они являются индикаторами общественного доверия сотрудникам полиции, по их мнениям можно в значительной степени судить об имидже правоохранительных органов, и о том, как на нем сказывается управленческая культура полиции. В скором времени от решений этого поколения будет зависеть какой проект развития той или иной социальной системы будет утвержден.

Результаты исследования

Для иллюстрации того, как управление учитывается общественным сознанием при формировании мнений об имидже полиции, приведем ряд характерных высказываний участников исследования:

«У меня брат служит в полиции. Он всегда на работе из-за этого у него проблемы в семье. Это плохо».

«Глядя на то, как организована служба в полиции думаю, что это не то, как бы я хотел прожить свою жизнь».

«Полиция дает низкий КПД, наверно поэтому в ней много случайных людей».

«Нет доверия и надежды. Если ты нормальный человек и пошел работать в полицию, то тебя «сожрут» или посадят».

«Те, кто работают с людьми – часто молодцы, но все решают те, кто сидит в кабинетах. А среди них очень мало нормальных людей».

«Денег платят мало, требуют много, рабочий день ненормированный».

«Работа сложная, зарплата маленькая, проблем от такой работы больше, чем отдачи».

«Никто из моих друзей и знакомых, выбравших эту работу, не счастлив и не доволен своей жизнью».

«Такая работа мне не по душе, и мне стыдно оттого, что в моей стране так работают правоохранительные органы».

«Полицейский – ужасное слово, как ругательство, я хочу гордиться российской полицией, но то, что я вижу расстраивает меня».

«Эта профессия ломает даже самых светлых людей, система не правильная».

«Полиция – это элита наоборот».

Стоит заметить, что участники исследования отнеслись серьезно и взвешенно к предложению ответить на вопросы о полиции, демонстрировали разносторонние взгляды, высказывали нетривиальные мысли, отражающие их общую заинтересованность и небезразличие к одному из ключевых государственных институтов.

В группе положительных характеристик профессии полицейский не было высказываний, отражающих то, как организовано управление в органах внутренних дел. В количественном плане положительных оценок было примерно в три раза меньше, чем нейтральных и отрицательных. Все они были, преимущественно, декларативного плана. Например, такие:

«эта профессия жизненно необходима в каждом обществе и в каждой стране»; «нужная и важная работа»; «врачи, пожарные и полиция – это отважные и самоотверженные люди»; «важная и нужная работа, без

полиции в обществе наступил бы хаос»; «мне кажется это не профессия, это призвание служить Родине».

Таким образом, участники исследования довольно рельефно и все-сторонне охарактеризовали полицию. С точки зрения управленческой культуры многие подметили неочевидные моменты, которые могли остаться незамеченными для тех, кто находится вне пределов организации. Но они смогли обратить на них внимание и чаще всего вклад особенностей управления полицией в ее имидж был негативным.

Каким бы ни был целенаправленно конструируемый образ органов внутренних дел, он обязательно соотносится с непосредственным восприятием и корректируется, в зависимости от жизненных реалий, ожиданий и впечатлений. Именно от взаимодействия с конкретными представителями полиции, юстиции и внутренней службы, с результатами их служебной деятельности в итоге, зависит результат восприятия всей организации. Будем учитывать, что личный опыт медленно накапливается и может содержать противоречивую информацию, но при этом имеет свойство влиять как на молодежь, так и на людей более старших поколений.

Представления о том, что процессы, происходящие внутри организации никак, не сказываются на ее имидже обманчивы. Современное общество открыто и во многих отношениях прозрачно. Его члены имеют информацию о том, как следует осуществлять управление, пусть не в деталях, но в основных посылах и установках. Отсылка к традициям и указаниям на специфику организации не действуют. Эпоха поздней современности имеет устойчивый запрос на антропоцентричность и снижение насильственных методов в решении различных вопросов. Полиция воспринимается как отдельная организация, которая должна меняться, чтобы сохранять адекватность окружающему миру, и постоянно сравнивается с другими организациями. Уровень комфорта морального и материального для ее сотрудников оценивается общественностью, как с точки зрения выбора потенциального места работы, так и с позиций взаимодействия с полицией по различным вопросам. Архаичные формы управления органами внутренних дел приводят к не хорошим впечатлениям от взаимодействия с сотрудниками полиции, неудовлетворенностью от общения с ними. Неприемлемый уровень организации труда быстро приводит к росту

социального недовольства как внутри организации, так и за ее пределами. Еще хуже, если такое недовольство впоследствии оказывается взаимным.

Российским гражданам свойственно неоднозначное восприятие полиции. Прежде всего, такое отношение проявляется на эмоциональном уровне. В процессе формирования рациональных оценок общественность пытается адекватно оценить работу ОВД и разместить на субъективной шкале в диапазоне от привлекательно до не привлекательно. Особенно остро и быстро общественность откликается на условия службы рядовых сотрудников органов внутренних дел. В общественном сознании уже давно исчезло представление о монолитности полиции и единстве всех ее управленческих звеньев – нижних, средних, верхних.

Накопилось множество претензий со стороны граждан к практикуемым способам управления полицейского начальства. От того, как население воспринимает руководящее звено органов правопорядка, то есть субъектов управления, определяется результат взаимодействия между силами полиции и той или иной социальной общностью, включая те из них, которые обладают протестным потенциалом. Особенно этому способствуют резонансные случаи с участием старшего и высшего начальствующего состава, которые оказались растражированными в прессе. СМИ часто повторяют одни и те же фамилии и должности в зависимости от актуальных на тот момент информационных поводов. Таким образом, создается иллюзия массовости событий, о которых упоминалось в публикациях.

Еще раз отметим, речь не идет о полной объективности общественных представлений о деятельности полиции, о ее эффективности. Если говорить в целом, то граждане оценивают полицию по многим параметрам – отношение, манера общения, организацию службы и условий ее несения. Например, с точки зрения индивидов здания и оборудование служебных помещений полиции не современные, не удобны, не эргономичны, часто производят впечатление временных строений. При посещении отделений полиции граждане обращают внимание на изношенность мебели, оборудования. В случае, если речь идет о новых помещениях, то принимается в расчет качество предметов, выбранных для обустройства интерьера служебных помещений. Протопанный линолеум на входе, теснота, мрачная атмосфера, неприятные запахи,

неудобное расположение окна в дежурной части – всё это воспринимается гражданами негативно. А многим из них есть с чем сравнить, для них нормальная обстановка современных офисных помещений стала привычной. Отклонения от усвоенных ими норм воспринимается как неуважение со стороны руководства к своим сотрудникам, пренебрежительное отношение к ним.

Результаты другого исследования подтверждают наши. Имиджевой характеристикой профессии полицейский является состояние рабочего кабинета. Самым популярным стал ответ: «Помещение требует ремонта, не слишком чисто, стол перегружен бумагами, рабочие документы сложены хаотично (66,2 %)» [Петракова, 2021, с. 80]. По мнению общественности, нельзя заниматься важной для общества миссией, связанной с защитой граждан от преступности в таких условиях.

Другая сторона этого вопроса: сотрудники полиции следуя на работу, к месту службы начинают чувствовать себя людьми второго сорта. Молодые люди, выбрав работу в полиции невольно сравнивают себя с теми, кто пошел работать в финансовые, коммерческие структуры, и сравнение оказывается не в их пользу. Открытость, освещенность, современный дизайн как правило не свойственны тем местам, где проходят службу сотрудники органов внутренних дел. Пренебрежительное отношение руководства, выражающееся в обустройстве мест службы, действует подавляюще на сотрудников и остается не замеченными как обычными прохожими, так и теми, кто обращается за получением полицейских услуг. Подобная ситуация формирует негативный имидж по сравнению с другими организациями и создает предпосылки для проигрыша в конкурентной борьбе за кадровый ресурс. Хорошие кадры не приходят в плохие условия труда с высоким потенциалом конфликтности [Вахнина и др., 2020]. Выполнение своих обязанностей в условиях относительной депривации постепенно приводит к росту недовольства своим положением со стороны сотрудников, статусом в обществе, которое вымещается на гражданах и еще больше ухудшает имидж полиции.

Заключение

Преобладающие способы управления в органах внутренних дел не остаются не замеченными для внешней аудитории. Контент средств массовой коммуникации, каналы непосредственного общения

транслируют совокупность впечатлений о самой полиции и о взаимодействии с ней. В сознании граждан сотрудники ОВД начинают ассоциироваться определенным образом. Они становятся носителями действительных и приписанных свойств, которые находят выражение в социальных, психологических, эстетических и других атрибутах.

Управленческая культура является фактором, влияющим на другие явления и процессы, в частности, она непосредственным образом определяет имидж органов внутренних дел России. Это происходит посредством: публичности; традиций, которые сложились в полиции; ее репутации; заботе о сотрудниках; особенностей управления организацией. Имидж полиции существует на нескольких уровнях: мифологическом или абстрактном; виртуально-стереотипном; предметном или конкретном. Управленческая культура как фактор оказывает влияние на всех трех уровнях. Представителям современного общества важно то, как управляется организация с точки зрения всех участников управленческого процесса, насколько комфортно в ней работать, что происходит с сотрудниками после того как членство в организации заканчивается, в какой степени она современна и соответствует представлениям и ожиданиям большинства. В текущих условиях вклад управленческой культуры в имидж организации скорее негативный.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Васьков М. А.* Трансформация управленческой культуры крупных коммерческих организаций юга России: автореф. дис. ... д-ра. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
2. *Шаврукова М. Р.* Управленческая культура театральных учреждений: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2019.
3. *Ерохин Е. Г.* Управленческая культура офицера в воинском подразделении Вооруженных сил Российской Федерации: дис. ...канд. социол. наук. М.: Военный университет, 2020.
4. *Коневская О. Ю.* Современное состояние управленческой культуры в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России, 2014. № 1. С. 77–81.
5. *Передня Д. Г., Захаров Д. В.* Имидж сотрудников полиции сквозь призму социальных ожиданий граждан // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 141–149.
6. *Вахнина В. В.* [и др.] Виды конфликтов и их урегулирование в органах внутренних дел Российской Федерации / В. В. Вахнина, Т. В. Мальцева, О. А. Ульянина, Т. В. Михайлова. М., 2020.

7. *Петракова А. С.* Ключевые характеристики актуального имиджа сотрудника правоохранительных органов: проблемы формирования и восприятия // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2021. № 8. С. 78–85.

REFERENCES

1. Vas'kov, M. A. (2011). Transformatsiya upravlencheskoy kul'tury krupnykh kommercheskikh organizatsiy yuga Rossii = Transformation of the management culture of large commercial organizations in the south of Russia: abstract of PhD in sociological. Rostov-on-Don. (In Russ.)
2. Shavrukova, M. R. (2019). Upravlencheskaya kul'tura teatral'nykh uchrezhdeniy: sotsiologicheskiiy aspekt = Management culture of theatrical institutions: sociological aspect): abstract of PhD in sociological. Moscow. (In Russ.)
3. Yerokhin, Ye. G. (2020). Upravlencheskaya kul'tura ofitsera v voinskom podrazdelenii Vooruzhennykh sil Rossiyskoy Federatsii = Administrative culture of an officer in a military unit of the Armed Forces of the Russian Federation): thesis of PhD in sociological. M: Voyennyi universitet. (In Russ.)
4. Konevskaya, O. Yu. (2014). Sovremennoye sostoyaniye upravlencheskoy kul'tury v organakh vnutrennikh del = The current state of management culture in the internal affairs bodies). Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii, 1, 77–81. (In Russ.)
5. Perednya, D. G., Zakharov, D. V. (2018). Imidzh sotrudnikov politsii skvoz' prizmu sotsial'nykh ozhidaniy grazhdan = The image of police officers through the prism of social expectations of citizens. Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya, 2, 141–149. (In Russ.)
6. Vakhnina, V. V., et al. (2020). Vidy konfliktov i ikh uregulirovaniye v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii = Types of conflicts and their settlement in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Moscow. (In Russ.)
7. Petrakova, A. S. (2021). Klyuchevyye kharakteristiki aktual'nogo imidzha sotrudnika pravookhranitel'nykh organov: problemy formirovaniya i vospriyatiya = Key characteristics of the current image of a law enforcement officer: problems of formation and perception). Alma mater (Higher school bulletin), 8, 78–85. (In Russ.)

Информация об авторах

Передня Д. Г. – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

Information about the authors

Perednya D. G. – PhD in Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration
of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования
03.11.2021; принята к публикации 08.11.2021.

The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 03.11.2021;
accepted for publication 08.11.2021.

Научно-практическая статья

УДК 316.3

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_242

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ
И ПУБЛИЧНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ
ПРИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ МВД РОССИИ**

Ю. В. Синчук¹, М. С. Лашчёнов²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, sinchukjv@mail.ru

²Академия управления МВД России, Москва, Россия, Laschenov,m@yandex.ru

Аннотация. В статье предложены организационно-правовые меры, способствующие повышению готовности общественного сектора к формированию информационной открытости, прозрачности и возрастающей частоте публикуемой отчетности о результатах деятельности ТО МВД России. Практическое внедрение таких мер, по мнению автора, способно оказать существенное значение на информационное развитие общественных советов, действующих при ТО МВД России.

Ключевые слова: социальное партнерство, форма взаимодействия, информационная открытость, правоохранительная сфера, органы внутренних дел, гражданское общество, общественные советы

Для цитирования: Синчук Ю. В., Лашчёнов М. С. Реализация принципов информационной открытости и публичности в деятельности общественных советов при территориальных органах МВД России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 242–251. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_242

Original research article

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF INFORMATION OPENNESS
AND PUBLICITY OF PUBLIC COUNCILS AT THE MAINTENANCE
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Yu. V. Sinchuk¹, M. S. Laschenov²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, sinchukjv@mail.ru

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, Laschenov.m@yandex.ru

Abstract. The article proposes organizational and legal measures that contribute to improving the readiness of the public sector to form information openness, transparency and the increasing frequency of published reporting on the results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The practical implementation of such measures, according to the author, can have a significant impact on the information development of public councils operating under the Maintenance of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: social partnership, form of interaction, information openness, law enforcement, internal affairs bodies, civil society, public councils

For citation: Sinchuk, Yu. V., Laschenov, M. S. (2021). Implementation of the principles of information openness and publicity of public councils at the maintenance of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 242–251. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_242

Введение

Повышение уровня доверия населения и формирование положительного общественного мнения посредством реализации принципов открытости и публичности является одним из приоритетных и важных направлений деятельности системы МВД России. Для решения данной проблемы необходимо более тесное взаимодействие и координированное сотрудничество органов внутренних дел РФ с органами публичной власти, общественными организациями и объединениями, средствами массовой информации, а также населением по различным вопросам деятельности. В то же время механизмы информирования граждан о деятельности полиции, реализуемые в настоящее время общественными советами при территориальных органах МВД России (далее – «общественные советы», «ОС», «ОС при ТО МВД России»), вряд ли можно назвать совершенными. На официальных сайтах ОС, как правило, размещается информация о повестке дня, принятых решениях и т. п., но в целом такая работа требует совершенствования.

Стандарт информационной открытости некоммерческих организаций в целом и общественных советов в частности на наш взгляд, это ключевая проблема организации эффективного взаимодействия в правоохранительной сфере. Развитие культуры информационной открытости, определение принципов и ориентиров для реализации такой деятельности, в том числе на основе существующих методических разработок [Стандарт информационной открытости НКО,

2021], является одним из ключевых факторов эффективности общественных советов. В противном случае общественности трудно понять, что именно делает той либо иной общественный совет, для чего он создан, кому и какую помощь оказывает, какие цели преследует, чьи интересы защищает и т. д. Соответственно трудно доверять тому, с чьей деятельностью практически не знаком. Это мешает развитию общественной активности и вовлеченности в решение общезначимых задач. Только живое обсуждение существующих проблем способно сформировать позицию, разделяемую большинством мнений.

Вэтойсвязиважнымпредставляетсясрассмотрениеорганизационно-правовые меры, способствующих возрастающей готовности общественного сектора к формированию информационной открытости, прозрачности и возрастающей частоте публикуемой отчетности о результатах деятельности. Анализируемые нами предложения должны выступить в качестве основного ориентира для информационного развития общественных советов. А в своей совокупности смогут отражать некий стандарт информационной открытости общественных советов при ТО МВД России.

Для начала следует указать, что в основе стандарта информационной открытости общественных советов должна доминировать концепция интегративной коммуникации, основной посыл которой следует провести через феномен адаптации, основанный на общении, ценностях, и ценностных ориентациях. С позиции рассматриваемой концепции, яркими представителями которой являются Чарльз Бергер и Ричард Калабрез: «Человек начинает приспосабливаться только тогда, когда он общается с другими в новой среде. Интеграция опирается на это взаимодействие с принимающим обществом, а степень адаптации человека зависит от количества и характера общения с членами принимающего общества» [Грушевицкая, Попков, 2003, с. 100–103]. Её первоначальная идея заключалась в уменьшении неопределенности между субъектами в процессе общения. Теория утверждает, что при взаимодействии люди нуждаются в информации о другой стороне, чтобы уменьшить свою неопределенность. Получая эту информацию, люди могут предсказывать поведение и результирующие действия друг друга, и все это, согласно теории, имеет решающее значение для развития межличностных отношений [Фролов, 2016]. Теория эволюции также свидетельствует о том, что выживает тот, кто

сумел адаптироваться (приспособиться) к условиям существования, не отгораживался от проблем, а конфликты воспринимал как необходимый механизм разрешения противоречий и важнейший фактор личностного роста.

Требования к информационной открытости общественных советов

Целью предполагаемых мер является необходимость формирования основных требований к информационной открытости общественных советов, позволяющих обеспечить прозрачность их деятельности для общественности. Полагаем необходимым выделить шесть основных требований открытости с позиции готовности организации к размещению информации о своей деятельности в открытом доступе:

Первый уровень – информация, подтверждающая факт существования общественного совета при ТО МВД России и осуществление им социально значимой для правоохранительной сферы деятельности. Как правило, это общая информация (Устав, руководитель, состав ОС, контактная информация (телефон, e-mail, фактический адрес, цели и направления деятельности, используемые каналы коммуникации и т. п.

Например, в качестве направлений деятельности могут быть заявлены:

- социальная поддержка определенных категорий лиц или их защита;
- пропаганда активного антипреступного поведения;
- профилактика виктимнологического поведения граждан;
- поддержка неблагополучных семей и оказание всесторонней помощи;
- социальная реабилитация и социализация несовершеннолетних преступников, адаптация несовершеннолетних преступников;
- развитие навыков безопасного поведения в городской среде, а также при использовании информационно-коммуникационных технологий, в том числе в сети интернет и иных виртуальных средах;
- профилактика преступного поведения среди населения либо определенных групп населения;

- участие и поддержка различных проектов, реализуемых в правоохранительной сфере (в т. ч. в сфере образования, просвещения, культуры, искусства и т. д.);
- поддержание и интеграция волонтерских движений, действующих в правоохранительной сфере (Liza Alert, Молодежные антинаркотические сообщества, «Стопхам» и др.);
- защита прав подозреваемых, обвиняемых и профилактика жестокого обращения;
- поддержание инициативы развития добровольчества, равно как и предлагаемых социальных проектов.

Второй уровень предполагает расширение базовой информации (1 уровень) в соответствии с инициативными предложениями состава общественного совета. Сюда может входить специализация представителей общественных советов по различным направлениям, контакты членов ОС, публикуемая отчетность и т. п.

Третий уровень предполагает размещение планирующих документов (информация о планируемых заседаниях ОС, принятых управленческих решениях), а также нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность ОС и оценки его деятельности;

Четвертый уровень предполагает раскрытие информации о конкретном реализованном проекте (описание проекта, сведения об участниках проекта, о финансирующих проект организациях, выделенных суммах для реализации проекта, сроках реализации и т. п.).

В целом, развитие культуры информационной открытости общественных советов, а также определение более четких ориентиров и стандартов прозрачности и открытости, выступает одним из ключевых факторов их успешной деятельности, основополагающей основой эффективной реализации их целей. Определенным образом формализация стандартов информационной открытости общественных советов, даже в рамках отдельного региона, безусловно, будет способствовать практике их саморегулирования. Важно, как нам представляется, чтобы инициатива создания стандартов открытости, по крайней мере, их содержательная часть, исходила сугубо от представителей общественных советов, а не выступала в качестве административно-властного законодательного закрепления со стороны государственных органов. Только при таком подходе, посредством «живого» экспертного обсуждения предложенных уровней информационной открытости, удастся

сформировать позицию, разделяемую большинством представителей общественности. А в случае получения наибольшего признания – значительно повысить доверие к самим общественным советам. Их узнаваемости в обществе могут способствовать лишь результаты их деятельности, которые порой просто не достигаемы для общественности в силу отсутствия налаженного информационного обеспечения деятельности.

Методические основы информационной открытости общественных советов

Следующий немаловажный аспект организации взаимодействия ТО МВД России с общественными советами, по нашему мнению, должен в обязательном порядке подразумевать разработку и внедрение методики оценивания эффективности принимаемых мер. Учитывая последние тенденции, красной линией формируемой оценки должна выступать аналитическая деятельность, способная оценивать риски и строить стратегии развития. Во многом этому процессу должен способствовать регулярно проводимый мониторинг взаимодействия, позволяющий не только количественно описать протекающие в этой сфере процессы, но и способствовать выдвиганию предложений его устойчивого развития, выявление причинно-следственной связи между факторам общественной жизни и результатами осуществляемой деятельности по организации взаимодействия исследуемых субъектов. В этой связи, полагаем допустимым использовать индексный анализ, пользующийся в настоящее время огромной популярностью у независимых экспертов и социологических служб и агентств. В настоящее время особым вниманием пользуются индекс человеческого развития, индекс политики Теда Роберта Гурра, индекс демократизации Тату Ванханена; индекс глобализации от «Foreign Affairs» & А. Т. Kearney и индекс трансформации Бертельсманна, подробно рассмотренные в отечественной литературе, например в работе А. А. Фролова [Индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России, 2021]. В числе отечественных методик особой популярностью и цитируемостью пользуются авторский индекс В. Н. Якимца и Ян-индекс, используемый для оценки и мониторинга публичной политики в регионах. При этом Ян-индекс является интегральным показателем и

может использоваться не только для оценки развития публичной политики в регионах, но и для сравнения показателей между регионами [Филимонов, Передня, 2021, с. 129–137].

Также в числе отечественных методик индексного исследования следует выделить авторский индекс А. В. Соколова и Д. Е. Палатникова, использование которого также предполагается на региональном уровне. В частности, использование индекса для анализа протестного потенциала в обществе позволил исследователям получить ценные сведения о предпосылках как создающих условия к переходу социального недовольства из латентной фазы в фазу открытого противостояния, так и из сдерживающих развитие подобной негативной динамики [Ярославцева, 2012].

Неподдельный интерес представляет и авторская разработка А. А. Фролова. Представленный им индексный анализ гражданской активности в регионах России позволяет раскрыть вопросы взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества, способен обеспечить проведение комплексного анализа основных форм проявления гражданской активности.

Приведенные нами методики индексного исследования имеют как уникальные особенности (учитывают разные показатели и систему подсчетов) так и схожие черты. Например, многие из них строятся на основе метода экспертных оценок, статистических методов, методов сбора данных и контент-анализа. В этой связи показательную систематизацию сходства и различия используемых методик осуществил О. А. Ярославцева [Ярославцева, 2012]. Автор резюмировал то, что методики проведения подобных исследований являются универсальными, поскольку не требуют значительных материальных затрат. Но в то же время обеспечивают краткосрочное прогнозирование ситуации и дают возможность для внесения опережающих корректив в планируемые мероприятия в целях внесения изменений в развитие ситуации.

Применение рассмотренных методик возможно при оценке информационной открытости общественных советов при ТО МВД России. Например, при оценивании может быть использован индекс вовлеченности общественности при анализе формирования социальных сетей. Индекс позволяет не только определить количественные значения показателей (например, на основе анализа количества просмотров публикаций с тематическим хештегом), но использовать экспертные

оценки уровня вовлеченности и активности участников на основе анализа лайков, репостов и комментариев, в том числе посредством анализа их содержания.

В качестве практического примера предлагается создать на базе ОС площадку для проведения общественных обсуждений и голосований в электронной форме по вопросам деятельности органов внутренних дел Министерства внутренних дел Российской Федерации. В основу данного проекта может быть положен уже существующий и реализуемый правительством г. Москвы проект «Активный гражданин», на базе которого практически каждый день воплощаются решения, принятые москвичами. Предлагаемый проект интернет-площадки позволит ОС проводить общественные обсуждения в электронном виде в сети Интернет и осуществлять опросы граждан в пределах курируемых административно-территориальных единиц.

Заключение

Развитие информационной открытости общественных советов при ТО МВД России предполагает не только последовательное освоение уровней открытости, но и обязательное сопровождение этого процесса мониторинговыми исследованиями, в том числе с использованием предложенных нами индексов оценивания. В своей совокупности реализация предложенных мер и технологий будет способствовать более успешной и эффективной организации взаимодействия общественных советов с ОВД, посредством поддержания информационной обеспеченности процесса и выстраивания доверительных отношений в публичной сфере. Также следует отметить, что с учетом современных тенденций мировой цифровизации и развития интернет-технологий, состав общественного совета должен формироваться исходя из позиции создания открытой, понятной и информационно доступной платформы, создание которой невозможно обеспечить без специалистов по данному профилю. И интенсификации этому процессу, безусловно, должны способствовать государственные структуры, в нашем случае ТО МВД России, предоставляя имеющиеся наработки в области создания сайтов и мобильных приложений, предусматривающих включение и реализацию рассмотренных методик обеспечения информационной открытости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стандарт информационной открытости НКО. Методические рекомендации по применению / Э. Алейниченко, В. Бахмин, И. Бегтин, А. Болдырева и др. URL: <https://www.infoculture.ru/portfolio/standart-otkrytosti-nko/> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садкин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М.: Юнити-дана, 2003.
3. Фролов А. А. Методика индексного исследования гражданской активности для регионов Российской Федерации // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4.
4. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России / ИСА РАН. URL: <http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2006-25/139-147.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).
5. Соколов А. В., Палатников Д. Е. Протестная активность: опыт индексного анализа // Социальные и гуманитарные знания. 2018. № 1 (13).
6. Филимонов О. В., Передня Д. Г. Ценности образования у слушателей, обучающихся на очной и заочной формах в ведомственном вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 2. С. 129–137.
7. Ярославцева А. О. Сравнительные рейтинги и индексы как инструменты измерения политической стабильности // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 103–114.

REFERENCES

1. Aleynichenko, E. et al. Standard of information transparency of NPOs. Methodical recommendations for use. Aleynichenko E., Bakhmin V., Begtin I., Boldyreva A. <https://www.infoculture.ru/portfolio/standart-otkrytosti-nko/> (accessed: 03.01.2021).
2. Grushevitskaya, T. G., Popkov, V. D., Sadkin, A. P. (2003). Basics of intercultural communication. Moscow: Unity-dana.
3. Frolov, A. A. Methodology for the index study of civic engagement for the regions of the Russian Federation // Knowledge. Understanding. Skill. 2016. No. 4.
4. Index for assessing and monitoring public policy in the regions of Russia. ISA RAS. <http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2006-25/139-147.pdf> (accessed: 20.06.2021).
5. Filimonov, O. V., Perednya, D. G. (2021). The values of education among students enrolled in full-time and part-time forms in a departmental university. Bulletin of the Maikop State Technological University, 13(2), 129–137.

6. Sokolov, A. V., Palatnikov, D. E. (2018). Protest Activity: experience of index analysis. *Social and humanitarian knowledge*, 1(13), 129–137.
7. Yaroslavtseva, A. O. (2012). Comparative ratings and indices as tools for measuring political stability. *Bulletin of RUDN. Series: Political Science*, 2, 103–114.

Информация об авторах

Синчук Ю. В. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Лащёнов М. С. – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД Российской Федерации

Information about the authors

Sinchuk Y. V. – Doctor of political Sciences, Professor, Head of Department of theory and history of international relations, Moscow State Linguistic University

Laschenov M. S. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 14.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 14.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication 12.11.2021.

Научная статья

УДК 316

DOI 10.52070/2500-347X_2021_3_844_252

**ЖИЗНЕННЫЙ МИР УЧЕНОГО ШОДИХОНА ЮСУФБЕКОВА.
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА БИОГРАФИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ**

Х. О. Хушкадамова

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, columnist07@mail.ru

Аннотация. Исследуется жизненный мир государственного и общественного деятеля, ученого Шодихона Юсуфбекова, ушедшего из жизни в 56 лет. Он занимался исследованием памирских языков и культуры Таджикистана. В статье использован биографический метод, анализ документов, включенное наблюдение, описательный анализ. Автор анализирует биографические нарративы коллег и родных ученого, среди которых уникальное письмо Д. И. Эдельман семье Ш. Юсуфбекова, свидетельствующее о плодотворном взаимодействии ученика и наставника, которое с годами переросло в родственные отношения. В нарративах просматривается позиция самого ученого, его компетенция, образ жизни исследователя, что делает их бесценными документами в практическом и теоретическом плане. В контексте изучения выявлены основные проблемы, связанные с бесписьменными памирскими языками, требующими в перспективе своего решения.

Ключевые слова: гражданская война, памирские языки, языки шугнано-рушанской группы, личность, картина мира, концепция социология жизни

Для цитирования: Хушкадамова Х. О. Жизненный мир ученого Шодихона Юсуфбекова опыт социологического анализа биографических документов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 252–272. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_252

Original article

**THE LIFE WORLD OF THE SCIENTIST-SPECIALIST
IN RARE LANGUAGES SHODIKHON YUSUFBEKOV.
EXPERIENCE IN SOCIOLOGICAL ANALYSIS
OF BIOGRAPHICAL DOCUMENTS**

Kh. O. Khushkadamova

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (IAAS),
Moscow, Russia, columnist07@mail.ru

Abstract. It is being explored the life world of the statesman and public figure, scientist Shodikhon Yusufbekov, who died at the age of 56. He studied the Pamir languages and culture of Tajikistan. The article deals with the biographical method, document analysis, participant observation, descriptive analysis. The author analyzes the biographical narratives of colleagues and relatives of the scientist, including a unique letter from D. I. Edelman to the family of Sh. Yusufbekov, testifying to the fruitful interaction of a student and a mentor, which over the years has grown into family relations. The narratives show the position of the scientist himself, his competence, and the way of life of the researcher, which makes them invaluable documents in practical and theoretical terms. In the context of the study, the main problems associated with the unwritten Pamir languages have been identified, which require their solution in the future.

Key words: civil war, Pamir languages, languages of the Shughano-Rushan group, personality, worldview, concept of sociology of life

For citation: Khushkadamova, Kh. O. (2021). The life world of the scientist-specialist in rare languages Shodikhon Yusufbekov experience in sociological analysis of biographical documents. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 252–272. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_252

Введения

В годы гражданской войны (1992–1997 гг.) в Таджикистане страну покинуло основное население. Каждый сам выбирал новое место жительства. Элита в лице ученых, врачей, педагогов, кинематографов с опытом работы в силу своего статуса нашли себе применение по специальности в российской столице. Один из них – Азам Таирович Пулатов (1928–2007) – советский, таджикский и российский ученый-медик, детский хирург, профессор, член-корреспондент АН Таджикской ССР, который в последние годы жизни жил в России, работал в Детской клинической больнице № 20 имени К. А. Тимирязева (ныне НИИ неотложной детской хирургии и травматологии). Его семье в переезде и приобретении жилья помог его же бывший пациент, «безнадежно больной» ребенок, которого когда-то родители были вынуждены привезти к врачу от Бога Азаму Пулатову. Главврач на тот период московской клиники признался автору в интервью, что порой не верит своим глазам, что сам Пулатов находится рядом с ним в хирургическом зале, по книжкам которого они в медицинском институте изучали детскую хирургию [Хушкадамова, 2003, с. 62]. Так, о герое автора статьи, выдающейся личности Азаме Пулатове, рассказывали

его коллеги. Он говорил не о себе, а о многих событиях, участником которых он был. Один эпизод биографии известного советского физика, ректора МГУ им. М. В. Ломоносова, академика Р. В. Хохлова (1926–1977) остался в памяти. Ему летом 1977 года в ходе восхождения на пик Коммунизма (ныне – пик Сомони – 7495 м) стало плохо и его транспортировали вертолетом из Горно-Бадахшанской автономной области в Душанбе, оттуда в Москву. По мнению собеседника автора, нельзя было тогда снять больного с высоты, учитывая его состояние и специфику высокогорья, поэтому в итоге перелет привел к летальному исходу [Хушкадамова, 2003, с. 63]. Так он раскрыл посыл, что высокогорный Памир, требует во всем особого подхода.

Это интервью было перед глазами, когда автор статьи исследовала этим методом другую историю – жизненный мир другого таджикского ученого, лингвиста, доктора филологических наук, профессора Шодихона Юсуфбекова, который тоже в годы Гражданской войны приехал в Россию, чтобы заняться любимым делом. И Москва – центр мировой науки и культуры, как и в советские времена, приняла его. Эти биографии схожи во многом: оба ученых из одного общества, из разных таджикских регионов, разных возрастов выбрали почти в одно время новое место жительства, оба ученых не говорят о себе, о них говорит их окружение, поступки. Их отличительные характеристики: статус, возраст, один – начинающий исследователь, другой – сделавший имя ещё в советской медицине и проживающий последний этап своей жизни на российской земле. Биографии обоих показывают, какие пути были выбраны представителями интеллигенции одной из постсоветских стран, где вспыхнуло гражданское противостояние, их опыт, «деятельность», «поведение», «условия их жизни», картина мира их общности. Именно концепция социологии жизни предоставляет нам возможность глубоко изучить все параметры, так как она «оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных проблем и отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут» [Тощенко, 2015, с. 106].

Жизненные стратегии

Это исследование, на первый взгляд, может казаться сферой языкознания, а далее приобретает оттенки других областей наук. Когда в 56 лет – 9 сентября 2018 г. – внезапно из жизни ушел человек,

ученый, государственный и общественный деятель, директор Института гуманитарных наук им. Б. Искандарова Академии наук Республики Таджикистан, доктор филологических наук, профессор Шодихон Парвонаевич Юсуфбеков, коллектив Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Республики Таджикистан так известил общественность страны об этой трагедии: «Яркий человек, ученый с мировым именем, обладатель специального диплома «Продуктивный ученый АН РТ в области гуманитарных наук», звания «Отличник образования Таджикистана» Шодихон Юсуфбеков – лингвист, но выделялся своими глубокими знаниями и в области истории, этнографии, религии, литературоведении. Ежегодные международные конференции и симпозиумы по разным тематикам – его инициатива. Глубокая и искренняя любовь к Родине, коллегам и ученикам, доброта к людям – черта его характера. Тесное сотрудничество Института гуманитарных наук имени Б. Искандарова с Институтом истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН РТ, которое и сегодня плодотворно, налажено тоже им [Памяти нашего коллеги, 2018, с. 124]. В этом контексте биографический метод становится междисциплинарным инструментом изучения жизненного мира. 14 марта 2020 года в Институте гуманитарных наук имени Б. Искандарова состоялась памятная презентация последней книги Ш. Юсуфбекова (в соавторстве с ученым-историком А. Шохинбековым) после его ухода из жизни под названием «Шогуни бахор»¹ об истории празднования Навруза в Бадахшане.

Прежде чем выбрать документы – выступление, письма, воспоминания людей, хорошо знающих Юсуфбекова, автором было проведено пилотное исследование. Методом контент-анализа были проанализированы публикации средств массовой коммуникации о нем как о действующем субъекте социальной жизни, которые показали его жизненный мир после возвращения на Родину в статусе доктора наук².

¹ URL: <https://m.facebook.com/groups/568596439911998/permalink/2451762741595349>

² В выборку вошли 32 интернет-текста – публикаций СМК. Объектом исследований выбраны наиболее популярные среди населения Таджикистана средства массовой коммуникации. Подробнее см.: *Хушкadamova X. O.* Социокультурный аспект памиротаджикского общества: доклад на Круглом столе памяти профессора Ш. П. Юсуфбекова (Shodikhon Yusufbekov). Сектор иранских языков ИЯз РАН, Россия. 13 ноября 2018 г. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/157954255/>

Ему принадлежат более 200 научных публикаций, в том числе в многотомной энциклопедии «Языки мира» (раздел Евразии), третьего тома «Иранские языки.

Были выделены квинтэссенции выступлений, высказываний Шодихона Юсуфбекова: сохранение древних языков; увековечение памяти известного таджиковеда, автора бесценной книги «Таджики долины Хуф» М. С. Андреева посредством ее переиздания и создания механизма образовательного тура в место проживания академика – в его памирский дом; о вкладе советского ученого А. Л. Грюнберг в изучении мунджанского языка¹, о переломном моменте в жизни мунджанцев долины реки Мунджан; проект букваря на основе международной иранской транскрипции для памирских языков (в том числе для носителей сарыкольского языка)²; выявление особенностей исмаилизма³ на Памире; приветствие переиздания книги «Ишкашимский язык»⁴ русского востоковеда, профессора Татьяны Николаевны Пахалиной; доклад о вкладе И. Д. Ягелло и И. А. Зарубина в становление научного памироведения России на Международной конференции в городе Душанбе, посвященной 150-летию со дня рождения выдающихся ученых – военного географа и востоковеда, действительного члена

Востоочноиранские языки» (М., 2000) и «Основы иранистики» (М., 2000) под эгидой Института языкознания РАН. Издания «Проблемы памироведения» (Вып. 3–7) появились благодаря ему. После защиты докторской диссертации Ш. Юсуфбеков работал профессором кафедры восточных языков Хорогского государственного университета, с 2011 по 2018 годы директором Института гуманитарных наук им. Б. Искандарова Академии наук Республики Таджикистан. Отмечается его вклад в подготовке научных кадров, его непосредственное участие в подготовке двухтомного труда «История ГБАО» (Д., 2005), методического пособия «Введение в иранскую филологию» (Хорог, 1993). Изданы результаты его исследований: «Очерк исторической фонетики сангличского языка» (Д., 2013) «Очерк исторической морфологии сангличского языка» (Д., 2014), «Сравнительная типология иранских языков» (в соавторстве с Н. Офаридасевым) (Хорог, 2015).

¹ URL: <https://news.tj/ru/news/pamirskie-mundzhantsy/>

² Сарыкольский язык – входит в группу памирских языков, относится к бесписьменным восточно-иранским языкам.

³ Исследователь включена в социокультурный контекст проблематики, является носителем шугнанского языка, что немаловажно для понимания поставленной задачи. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/157954255/>

⁴ Впервые монография ««Ишкашимский язык» была издана в 1959 году ИЯ АН СССР. На ишкашимский (škošmi zvyŭk) язык говорят жители только двух кишлаков – Рынь и Сумджин Ишкашимского района Республики Таджикистан и шесть кишлаков вблизи административного центра провинции Ишкашим Исламской Республики Афганистан – Султан Шикашима. Численность жителей вышеназванных таджикских кишлаков составляет около 1050 человек. Этот язык находится на грани исчезновения и включен в «Красную книгу» ЮНЕСКО.

Русского географического общества Андрея Евгеньевича Снесарева и русского археолога Ивана Дионисиевича Ягелло а также началу исследований Центральной Азии; выделению языков, находящиеся в критическом состоянии – языки шугнано-рушанской группы, ваханский, мунджанский и – в серьезной опасности – ишкашимский, сангличский, язгулямский, рошорвский, ягнобский; участие в конкурсе на должность члена-корреспондента АН Таджикистана.

«Три кита» профессора Ш. Юсуфбекова: «Любовь к семье, любовь к делу, любовь к книгам». Пилотное исследование, собственные наблюдения¹ показали Шодихона Юсуфбекова не только как многогранного ученого, но и как общественного и государственного деятеля. Этот поиск дал толчок продолжению работы в формате отдельного исследования таких документов, как воспоминания сына ученого, письмо и выступление его научного наставника – «духовной матери». «Главнейшей задачей социологии», по мнению Зигмунта Баумана, является «активное участие в продолжающихся усилиях по переосмыслению того меняющегося состояния, в котором оказываются “всё более индивидуализируемые индивиды”, борющиеся за внесение смысла и цели в свои жизни» [Бауман, 2004, с. 17].

Вклад в науку

В фокусе научного интереса Шодихона Юсуфбекова, по словам его руководителя, была очень интересная и непростая тема. Книга «Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты» была издана на основе его кандидатской диссертационной работы [Юсуфбеков, 1998]. «Человек проживает свою жизнь, как историю, которой предстоит быть рассказанной, но способ, каким история будет “соткана”, определяет технику свивания нити самой жизни» [Бауман, 2004, с. 10]. Джой Иосифовна Эдельман участницам вечера памяти своего талантливого ученика коротко и понятным языком объяснила суть исследования – раскрытие «непростой системы», «в большинстве памирских языков, включая шугнанский, этих серий (указательных местоимений – *X. X.*) три: шугн. I “*йам*” – II “*йид*” – III “*йу*”». Шодихон

¹ Исследователь включена в социокультурный контекст проблематики, что немало важно для понимания поставленной задачи. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/157954255/>

определил, как работает эта троичная система, в отличие от двухсерийной, то есть от двоичной. «В большинстве языков мира указательные местоимения образуют две серии: I – ближняя, II – дальняя, например, русск. I *этом* – II *том*, тадж. I *ин* – II *он*, англ. I *this* – II *that* и многие другие. То же в наречиях: I *здесь* – II *там* и т. д.». Он смог решить эту непростую задачу, по мнению Д. И. Эдельман, благодаря своим знаниям теории языкознания, элементов философии и психологии, восприятию пространства, тонкому чувству родного языка, большой наблюдательности и умению поставить эксперимент. Шаг за шагом были: исследованы «значения каждой серии»; выяснены, чем определяется граница между одной серией и другой; объяснено, как используются эти три серии в применении не только к пространству, но и ко времени, и т. п. Так, Джой Иосифовна Эдельман привела доводы в пользу того, «насколько глубоко мыслил Шодихон, и какую серьезную теоретическую базу он при этом использовал».

«Монография “Сангличский язык в синхронном и историческом освещении”, которая была результатом его работы в течение 1996–1999 гг., стала основой его диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Так Джой Эдельман напомнила участникам “Круглого стола” памяти ее ученика, профессора Ш. Юсуфбекова, о другом этапе его работы. – При этом Шодихон опять, как и в кандидатской диссертации, поставил перед собой трудную задачу: описать сангличский язык¹ не только в его современном состоянии, но и историю этого языка. В результате его книга содержит не только современную фонетику, но и детальный анализ истории гласных и согласных фонем, начиная с древнейшего праиранского состояния»².

Также Д. Эдельман была раскрыта уникальность работы и условия, в которых были собраны материалы. «Здесь тоже всё было непросто» – в этом одном относительно коротком, произнесенном ею предложении проявляется не только ее ученик-трудоголик, но и ее индивидуальность как личности. Читатель, слушатель и интерпретатор благодаря ее рассказу узнает, как появилась уникальная работа об одном редком языке памиро-гиндукушского региона. В 1966 г. он был в Сангличе

¹ Сангличский язык входит в разряд памирских языков, «родственный ишканишскому, распространен еще южнее, в Афганском Бадахшане» [Эдельман, 2016, с. 88].

² Сангличский язык в синхронном и историческом освещении / отв.ред. доктор филологических наук Д. И. Эдельман. М., 1999.

Афганистана, где на месте собирал материал. Боевики движения «Талибан» в тот период «к тем местам приближались...». Шодихон, пройдя через все трудности, «всё-таки собрал большой материал».

«...Это были первые в истории записи, сделанные в местах бытования сангличского языка. Все материалы сангличского языка, сделанные известным норвежским ученым Георгом Моргенстьерне и некоторыми другими учеными, были записаны от единичных выходцев из Санглича, в самом Сангличе никто из них не был»¹.

«Социологическая значимость» этой части истории жизни личности «в том, как и где по ходу повествования проводится граница между деяниями человека и условиями, в которых он действовал (и, конечно, не мог действовать иначе)» [Бауман, 2004, с. 9].

В разделе «Морфология», как отмечает Д. Эдельман, впервые в истории дан четкий системный анализ современного состояния сангличского языка; приведены еще и выделенные исторические экскурсы. Новизна этой и другой части исследования обозначена следующим образом:

«Такого в иранистике до сих пор не было. То же касается и раздела “Словообразование”. В Приложении даны образцы фраз и тексты на сангличском языке, записанные Шодихоном на месте, – это уникальный материал, которого больше нигде нет. Значение этой книги трудно переоценить!»

В фокусе отзыва научного консультанта ноты признания талантливого ученика:

«...то, что он успел сделать, останется для будущих исследователей, которые будут читать эти и другие его работы с благодарностью. Думаю, что вклад Ш. П. Юсуфбекова в науку еще будет оценен будущими исследователями»².

Человек пока приобретает определенный статус в жизни, взаимодействует с множеством людей, в итоге его «активность» становится результатом «всего целостного и подвижного человеческого переплетения» [Козлова, 2004, с. 23].

¹ URL: <https://www.facebook.com/SHODIKHON/> 30 декабря 2020 г.

² URL: <https://www.facebook.com/SHODIKHON/> 30 декабря 2020 г.

Биография отца – нарратив сына

Личные нарративы специально не организовываются. Они «не открыты доказательству и не самоочевидны. Мы можем понять их, только интерпретируя, уделяя пристальное внимание контекстам, в которых они сформировались, и мировоззрениям, которые повлияли на них» [Ярская–Смирнова, 1997, с. 5–6]. «Отец был единственным сыном в семье, старше и младше него было две сестры. Младшая моя тетя погибла в результате автомобильной аварии осенью 2008 г. Иногда бабушка – *нāн* Фариштамо¹ – рассказывала нам о детстве отца и его школьных годах. Жили они большой семьей и прожили очень трудную жизнь. Но несмотря на всё это отец не перестал учиться и трудиться»², – так начинается рассказ сына об отце на его странице в Фейсбук. Высшее образование и диплом с отличием Шодихон Юсуфбеков получил в Худжандском государственном университете (тогда Государственный педагогический институт) на факультете иностранных языков (1984). Сын Наримон хорошо помнит, что он, в этот вуз, повел и своих двоюродных и троюродных младших братьев. Четыре года он был учителем немецкого языка в далёких селах в верховьях Шахдаринской долины, и вынужден был остаться там, так как добраться до дома было практически невозможно. Остановился он у родственников. Шодихон часто с благодарностью рассказывал о них, об их гостеприимном доме, о чем вспоминает его сын Наримон, а в выходные и каникулы приезжал к семье. После защиты диссертации в Институте языкознания Академии наук СССР³, «отец начал работать деканом историко-филологического факультета Хорогского Государственного Университета имени М. Назаршоева (1992–1996). Тогда были очень трудные времена, и для преподавателей университета, и для руководителей. В те годы в Хорогском государственном университете многие пытались учиться и добиваться результата не умом, а «силой», угрожая жизни преподавателей... Но отец продолжал работать. И друзья, и коллеги рассказывают о Его

¹ *Нāн* в переводе с шугнанского языка на русский *мама*. В памирско-таджикском обществе имеет место репрезентации такого обращения к бабушке. Бабушка в переводе на шугнанский язык – *мум*. Как исходит из нарратива, воспитывала детей и работала в совхозе.

² URL: <https://www.facebook.com/SHODIKHON>

³ Защита состоялась 28.03.2000 в Институте языкознания РАН по специальности 10.02.08. Иранские языки.

храбрости, как он мог решать любые сложности шуткой...». Тогда еще старший сын ученого учился в школе, и хорошо помнит, как встречали отца.

«Он всегда приходил с работы поздно вечером. Мы с братом играли с соседскими мальчишками около дома и ждали его. Увидев издали, что отец идет, мы с братом Фохир бросали игру и бежали Ему на встречу. Среди мальчишек были сироты, у которых не было отца, и он нам объяснил, что не нужно бежать к нему на глазах у них <...> Тогда мы больше не стали этого делать»¹.

Такие случаи встречаются в разных уголках мира. У кого-то из подрастающего поколения нет отца, у кого-то – матери. Если бы все принимали другого, как своего, в мире всё было бы по-другому. Шодихон, хотя редко сам видел своих детей, как они росли, по понятным социально-экономическим причинам, понимал и по-своему сочувствовал тем, другим, детям. «Жизненный мир – это мир не только рациональности, но и мир чувственных и эмоциональных оценок, выраженных в вербальном и / или поведенческом отношении к происходящей действительности» [Тощенко, 2016, с. 6].

Сын подробно описывает свободное время отца, которое приходилось на выходные.

«Отец находился дома и много работал <...> Так, традиционно, в холодный памирский зимний день, папа, сидя возле печки, читал книги. Я хорошо помню, тоже брал книгу, сидел рядышком и начал читать. Сейчас, когда я сам уже отец, понимаю, что отец своими поступками воспитывал меня. Надеюсь, что я тоже смогу воспитывать и передавать такую любовь к книгам своим детям <...>. От отца осталось очень много книг на разных языках и в Душанбе, и в Хороге, особенно в родном селе, хранится очень много ценных книг. Как ни странно, он любил читать разную литературу известных авторов. В нашей сельской общественной библиотеке было очень много книг, и библиотекарь Гулдавлат до сих пор говорит, что Шодихон был единственным человеком, который прочел все книги этой библиотеки»².

Эта традиция, в истоке которой был отец–ученый, будет также передаваться от отца к сыну, из поколения к поколению.

¹ URL: <https://www.facebook.com/SHODIKHON>

² Там же.

Когда Шодихон Юсуфбеков учился в докторантуре, Таджикистан пережил трудный постконфликтный период своей новой истории, который на примере их семьи раскрыт сыном. В этом фрагменте также ярко проявляются семейные ценности, которые сохранились в памирско-таджикском обществе: трудолюбие, любовь к близким, уважение к старшим, культурно-социальное взаимодействие. «...Было очень трудное время, все вокруг жили впроголодь. Но у нас в семье все было более или менее нормально. Мой дедушка по отцу – *tāt Parwūnā*¹, которого мы звали *Tātīi*², а соседи усто³ *Parwūnā* был известным плотником. Он строил памирские традиционные дома (*номери чӣд*) и изготавливал сельскохозяйственные орудия (*сипорн, йуз* и др.), Он отдавал их в совхоз в обмен на зерно. Мы с братом всегда считали вместе с дедушкой, сколько домов Он построил и где. Только своими руками дед возвёл более 86 домов в Шахдаре, Гунте и Хороге, а совместно с другими мастерами – более 100 домов. Кроме того, нам много помогал дед со стороны матери – *tāt*⁴ *Йаздӯниш*, который был директором совхоза»⁵.

Отражение биографических фактов сохраняется во времени благодаря языку, текстам, т. е. историческим источникам, и носителям культуры. Однако место языка в описании жизненного мира особо выделяется, он «посредник, передающий неизменные и единственные значения, ... исследуя то, о чем написано, – сами описываемые практики, – социолог реконструирует когнитивно-нормативные схемы повседневной жизни [Троцук, 2004, с. 71]. В 2000-е гг. в России тоже в условиях социально-экономического кризиса тяжело было, особенно приезжим аспирантам и докторантам. Этот период также остался в памяти сына, тогда школьника. «Отец в Москве, работая над докторской диссертацией, параллельно устроился на работу дворником, а позже на завод по изготовлению томатной пасты, чтобы заработать себе на жизнь, учебу и помогать нам на Памире. О его жизни в Москве мы

¹ В переводе с шугнанского языка – «папа Парвона».

² В переводе с шугнанского на русский язык – «папенька».

³ В переводе с таджикского на русский язык – «мастер».

⁴ В переводе с шугнанского на русский язык – «папа». Здесь тоже очевидна репрезентация обращения к дедушке по формату «папа» вместо «дедушки», что способствует не акцентировать внимание на третий возраст.

⁵ См.: Воспоминания.

много слышали от его друзей и родственников. Они пересказывали его веселые шутки (*назир*), которые Он сочинял сам или передавал истории и анекдоты других знатоков...»¹. Из этого фрагмента анализа исходит, что в тот период из-за начавшейся гражданской войны и позже постконфликтного экономического кризиса мигрантами из Таджикистана в России стали представители всех слоев населения, в частности ученые. Они параллельно устраивались на любую работу, чтобы прокормить на Родине свои семьи, родных. И социологическое исследование таких историй на современном этапе, кроме всего, способствует трансформации отношения среднестатистического россиянина к мигрантам из Центральной Азии, в частности из Таджикистана. В 1990-е гг. в СМИ был создан негативный образ таджиков. Ныне «Таджик» – так традиционно представляют мигрантов из республик Центральной Азии. Таджик воспринимается «как явление, а не приезжий из Таджикистана» [Аблажей, 2012, с. 22]. Хотя за почти тридцатилетний период миграции из Таджикистана в Россию отношение к ним в обществе начинается трансформироваться.

Любая дата жизни человека – дни радости и горести в таджикском обществе отмечаются всеми вместе: родственниками, друзьями, коллегами. «Когда отец защитил свою докторскую диссертацию, Ему было около 38 лет. Каждому из нас Он отправил свою книгу из Москвы, которая называлась «Сангличский язык в синхронном и историческом освещении». Мы еще не знали, что значит стать доктором наук. Но мама, бабушка и дедушка очень переживали. Дедушка и бабушка всегда молили Бога и говорили: *Ног Худьбой м̄иш п̄иц рушт кихът*² «Дай Бог, чтобы все прошло успешно...», «чтобы ваш отец защитился и приехал целым и невредимым». Нас утешали хадисами пророка Мухаммада (с), который гласит: *Хар ки дар роҳи илму дониш сафар кунад, дар роҳи Худо аст* «Тот, кто в поиске знания – находится на правильном пути...». Когда отец вернулся из Москвы доктором

¹ Там же.

² На шугнанском языке. Шугнанский язык в 1990-е годов стал вторым *lingua franca* на Памире. Общество подключилось к обсуждению вопроса создания практических алфавитов. Были представлены разные варианты и до сих пор, как видно из текста, используется множество разновидностей. В новом столетии появились другие проекты. По сравнению с идеей создания алфавита для памирских языков на латинской основе, приоритетной стала база на основе привычной для них таджикской графики с некоторыми модификациями. Подробнее см.: [Эдельман, 2016].

филологических наук, в нашем доме устроили большое угощение. Отец пригласил своих друзей, коллег и всех родственников. Все поздравляли отца и радовались Его успехам»¹.

Говорят, папы больше любят дочерей. Это на самом деле так, и до сих пор такое отношение репрезентируется в таджикском обществе. И еще: от отношения родителей друг к другу зависит положение семьи, ее продолжение – будущее детей. От поддержки одной половины семьи в какой-то период жизни зависит другая половинка. «Отец был хорошим семьянином. За все свои успехи и удачи Он всегда был благодарен маме. Любил говорить, что именно благодаря ее поддержке. Наша самая младшая сестренка Джонон (*Чонон*), кому сам отец давал такое имя, была самой «приближенной» к отцу, потому что, когда мы старшие дети все отправились учиться, она осталась с отцом и мамой в семье и помогала им».

«Женить сына», «выдать дочь замуж» – эти конструкции понятны в таджикском обществе. Также родители играют основную роль в том, чтобы дети вовремя обзавелись семьями. А если еще им повезет дожждаться появления внуков, это равносильно тому, что человек не зря прожил жизнь. В письме сына интерпретируется эта сложившаяся форма взаимоотношений, признания авторитета отца:

«Отцу посчастливилось увидеть своих внуков, которых он очень любил баловать. Мой сын *Парвона*, которого сам отец назвал в честь дедушки. *Сурур*, сын средней сестры, который все время играл с отцом. А также дочка брата, которую отец называл в честь нашей бабушки – *Фариштамох*».

И, как следует из письменного воспоминания сына, для сохранения рода, в память об ушедших предках и с целью нравственного воспитания молодого поколения традиционно детей сына в памирско-таджикском обществе называют в честь дедушек и бабушек. В этой форме преемственности культуры, как следует из текста, не нарушается гендерный баланс. На жизненный мир человека могут оказывать воздействия факторы глобального, локального характера. «...В реальности существуют многообразные жизненные миры, наполненные различным смысловым содержанием» [Тощенко, 2016, с. 6].

¹ См: Воспоминания.

Письмо «духовной матери»

В социальной сети «Фейсбук» есть «Памятная страница доктора филологических наук профессора Шодихона Парвонаевича Юсуфбекова, которая благодаря его детям активно функционирует. 1 млн 228 человек являются ее подписчиками¹.

Документы, использованные нами в качестве объекта исследования, как следует из ссылок, размещены на этой странице. Среди них и снимки книг, подаренные Шодихоном своему бессменному наставнику. На одной из них – С. Н. Гриневич. Праславянская письменность. Серия «Энциклопедия русской мысли». Москва. «Общественная польза». 1993 г. Автограф (дословный перевод на русский с шугнанского языка. – *X. X.*) звучит так:

«Моей замечательной духовной матери Джой Иосифовне Эдельман от ее ничего не знающего сына. Подпись. 28.12.97»².

Эта короткая памятная запись говорит о многом, в частности о характере пишущего, о его скромности. Человек не переоценивает себя, хотя соответствует этой переоценке. Автор при поиске заглавия этой части исследования, а именно в процессе анализа документа – письмо научного руководителя ученого его семье, опиралась на подлинную рукопись ее ученика – Шодихона Юсуфбекова. По R. Franzosi, «проблема истинности нарратива не является лингвистической – она возникает тогда, когда нарратив рассматривается как отражение социальной реальности» [цит. по: Троцук, 2004, с. 70].

«Дорогие Давлатбегим, Наримон, Фохир и все-все девочки! Давно собиралась написать вам, но сильно болела³, а потом надо было срочно сдавать статью и годовой отчет».

¹ URL: https://m.facebook.com/SHODIKHON/photos/pcb.697039361001042/697038834334428/?type=3&source=48&_tn_=EH-R#_

² URL: https://m.facebook.com/SHODIKHON/photos/pcb.697039361001042/697038834334428/?type=3&source=48&_tn_=EH-R#_

³ 29 декабря 1930 г. исполнилось 90 лет доктору филологических наук профессору Джой Иосифовне Эдельман. Подробнее см.: 1) Сектор иранских языков, 2) URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/edelman> 3) URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/anniversary2020/interviews/edelman> (дата обращения: 07.01.21).

«Духовная мать» пишет о своем талантливом ученике, его семье для того, чтобы они «знали, каким работающим, старательным был Шодихон, как много он знал, какими глубокими и серьезными были его исследования, и в каких трудных условиях ему приходилось иногда работать». Далее дается характеристика обеих диссертационных работ и монографий Ш. Юсуфбекова. Автор письма отмечает, что ее ученику для первого исследования «понадобились и наблюдения за речью людей, и опыты, и роспись имеющихся текстов. Кроме того, он рассматривал и историю языка: какой была эта троичная система в древности. А для этого ему пришлось проработать некоторые исследования по истории иранских языков. Многие из этих работ были написаны по-немецки, и Шодихон читал их в оригинале (он хорошо знал немецкий язык) <...>. Он много читал специальной литературы, ходил на лекции не только в нашем Институте, но и в Московском университете (хотя это было совсем не обязательно). В результате получилась очень интересная, глубокая и серьезная работа. Я бы очень посоветовала тем, кто изучает какие-нибудь языки (например, английский), прочесть хотя бы часть разделов этой книги. Вы все хорошо знаете шугнанский язык, поэтому вам будет понятна глубина его исследования»¹.

В письме подробно описывается и период подготовки докторской диссертации. Как исходит из текста письма, автором выбран легкий стиль для восприятия. Чувствуется, что письмо обращено к разным по возрасту и гендерной принадлежности людям, которых автор знает и понимает. А ее слова об отце, муже и дедушке – ее талантливым ученике и ученом, который еще с первых ступенек входа в храм науки, внес весомый вклад в ее составляющую – в иранистику, не только очень важны для них, но и в определенной степени дают им силу пережить свою боль. Исследователь (интерпретатор) из нарративов выделяет то, что ему близко согласно поставленной цели. И нужно «погрузиться в среду» – знать все детали появления документа, тонкости культуры и языка биографируемого, т. е. раскрыть портрет личности прежде себе, перед тем как представить его другим.

«Шодихон опять поставил перед собой трудную задачу: описать сангличский язык не только в его современном состоянии, но и

¹ URL: <https://www.facebook.com/SHODIKHON/30> декабря 2020 г. (дата обращения: 04.01.2021).

историю этого языка...», – так раскрывается в письме поведение человека, который с головой ушел в науку. И оценка ученого с именем в иранистике бесценна. «Значение этой книги трудно переоценить!». Научные руководители хорошо знают, в каких условиях работали диссертанты 1990-х гг. А если конкретно брать в пример таджикских соискателей ученых степеней, они проявили в определенном смысле героизм. У них на Родине в это время нарастало политическое противостояние, которое переросло в гражданскую войну. Далее был тяжелый постконфликтный период. Однако Шодихон, как показывают исследуемые нами нарративы, продолжал работать: днем зарабатывал деньги для семьи, а по вечерам занимался наукой.

«А писал он ее в очень трудных условиях. В России это были трудные и голодные годы, еще и дефолт 1998 г., и огромные цены за жилье в академическом общежитии, поскольку Шодихон уже числился “иностранцем”. Ему пришлось много работать на самых тяжелых работах (вплоть до грузчика и дворника), чтобы продержаться. Он как-то рассказал мне, что встает в 4 часа утра, идет на работу, а потом возвращается в общежитие, немного спит, а потом садится за диссертацию».

Неустанный труд ученого дал свои результаты. «И в этих условиях, кроме диссертации, Шодихон писал еще статьи в энциклопедическое издание «Языки мира». Он написал большую статью «Сангличский язык» и еще мы с ним вдвоем написали совместные статьи: «Шугнанский язык», «Рушанский язык», «Хуфский язык», «Бартангский язык», «Рошорвский язык», «Сарыкольский язык». Он всё-таки преодолел все трудности и написал действительно блестящую книгу – умную, глубокую. И защита диссертации была блестящей». За период работы между Д. Эдельман и Ш. Юсуфбекова завязалась настоящая человеческая дружба, не имеющая границы по национальности, возрасту и гендерной принадлежности.

«Я была очень рада, что Давлатбегим¹ была тогда в Москве и видела, как Шодихон защитил диссертацию, и с каким уважением и любовью говорили с ним оппоненты и все наши коллеги. Это было и в Институте после защиты, и потом, когда Шодихон и Давлатбегим пришли с угощением к нам домой».

¹ Супруга Ш. Юсуфбекова.

Наставник традиционно ждет от ученика, особенно талантливого, новых научных изысканий.

«Была у меня надежда, что Шодихон напишет книгу «Шугнанский язык в синхронном и историческом освещении», но не сбылось! Но и то, что он успел сделать, останется для будущих исследователей, которые будут читать эти и другие его работы с благодарностью. Я и моя дочь Ольга желаем всей вашей семье здоровья, благополучия, больших успехов и всего самого-самого доброго! Джой Иосифовна Эдельман»¹.

Анализ нарративов в данном случае, связанных с биографией отца, мужа, дедушки, аспиранта, докторанта и ученого, показывает, что описанные моменты жизни конкретного человека стали доступны исследователю благодаря текстам. Тексты написаны в разных жанрах: воспоминание, письмо, рассказ, однако их объединяет не только одна тема и один герой, но и то, что стали они доступны через современные средства массовой коммуникации – социальной сети. «Нарративность, понимаемая как ориентация на понимание другим участником коммуникации (реальным или виртуальным), в которой реализуются открытые этнометодологией правила, является сущностной чертой любого нарратива» [Готлиб, 2013, с. 12].

Заключение

Объектом анализа данного исследования был жизненный мир выдающегося таджикского ученого, профессора Шодихона Юсуфбекова, прожившего короткую жизнь, но успевшего внести большой вклад в науку. Биографические моменты его жизни сохранились и дополнились новыми фактами. Анализируемые нами документы со временем могут составить солидную базу для других исследований. В их контексте выделяются основные проблемы, связанные с памирскими языками, вопросы, которые требуют своего решения. Кроме языка и текстов, в реконструкции биографии, социального портрета личности велико участие его близких, биологических и духовных: сына – носителя исследуемой им культуры и научного наставника – выдающегося специалиста-ученого по редким языкам. В них есть атрибуты

¹ URL: <https://www.facebook.com/SHODIKHON/30> декабря 2020 г. (дата обращения: 04.01.2021).

для исследования, выделенные Н. К. Дензином. Это – «незримое присутствие «других», «влияние ... социального класса», «упоминание семейного прошлого», точка «отсчета», «авторы или наблюдатели, хорошо знакомые с описываемым жизненным опытом, жизненные маркеры – «смерть отца» и т. д.», речь идет о реальных людях и реальных событиях их жизни», «упоминание поворотных событий» и т. д. [цит. по: Ярская-Смирнова, 1997, с. 6–7].

Репрезентируя жизненный мир ученого, исследование представляет также авторов документов и в определенной степени позиционирует их статус. Реалии состоят в том, что СМК в настоящее время выделяются по оперативности, охвату аудитории, по направленности, возможностям свободной коммуникации и т. д. Именно благодаря им, стали доступны для исследования таджикско-памирские и российские эпизоды биографии ученого-специалиста по редким языкам, благодаря им удалось вчитаться в тексты, социально выделять человека среди других, и распространять дискурс о жизненном мире личности такого масштаба. Именно социальные сети способствовали изучению социологии жизни Шодихона Юсуфбекова и параллельно позволили войти в жизненный мир его наставницы, известного советского и российского ученого Д. И. Эдельман. Ее письмо, опубликованное на странице в социальной сети, – женское письмо. Каждое слово имеет свое место в тексте, обращение к детям, супруге ученого смягчает израненные души членов семьи ее рано ушедшего из жизни ученика. Сам факт продолжения коммуникации после трагедии между ними тоже говорит о высокой культуре, ответственности и понимании положения семьи со стороны научного руководителя. Параллельно с портретом ученика раскрывается и образ наставницы, ученого и человека.

Другой документ – воспоминание об отце своего рода шедевр. В нем все: семья, род, отношение между родственниками, уважение к старшим членам семьи, определенные ритуалы памирско-таджикского общества. Документы в процессе изучения не подвергаются редактуре. Как следует из воспоминания, все личные местоимения третьего лица даются с большой буквы. Сын целенаправленно выбрал такой стиль. Этим подходом, во-первых, раскрывается место отца в семье, в роду, отражаются отношения сына, его сестер, брата и мамы к отцу, к супругу. Во-вторых, перед нами автор памирско-таджикских эпизодов биографии отца не только сын, но и человек владеющий, как следует из

документа, более трех языков: шугнанским, таджикским, русским... и на достаточно высоком уровне разбирающийся как в тонкостях коммуникации, так и в персидско-таджикской культуре.

Данный анализ жизненного мира ученого ставит вопрос о важности изучения жизненного мира ученых, внесших огромный вклад в науку, посредством текстов современных средств массовых коммуникаций национальных, в том числе таджикского сегмента Интернета. Переживаемое событие стало поводом для появления исследуемых нами документов. Поставив цель – посредством них изучить жизненный мир известного ученого, рано покинувшего мир, автор убедилась, что из нормального человеческого взаимодействия вырастает нормальное «институциональное взаимодействие».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Хушкадамова Х.* Диду боздид дар кишвари Русия. Душанбе: Ирфон, 2003.
2. *Тощенко Ж. Т.* Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 106–116.
3. Памяти нашего коллеги Шодихона Парвонаевича Юсуфбекова // Муаррих. Историк. 2018. № 1 (13). С. 123–124.
4. *Бауман З.* Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 1–13.
5. *Юсуфбеков Ш. П.* Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. М.: Азбуковник, 1998.
6. *Эдельман Д. И.* Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы) // Родной язык. 2016. № 2 (5). С. 87–113.
7. *Козлова Н. Н.* Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.
8. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
9. *Тощенко Ж. Т.* Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17.
10. *Троцук И. В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Социология. 2004. № 6–7. С. 56–74.
11. *Аблажей Н. Н.* Образ трудового мигранта в прессе и сознании россиян // Вестник НГУ. Серия: история и филология. 2012. Т. 11. Вып. 6: Журналистика. С. 17–23.

12. Готлиб А. С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 9–14.

REFERENCES

1. Khushkadamova, Kh. (2003). Didu bozdid dar kishvari Rusiya. Dushanbe: Irfon.
2. Toschenko, Zh. T. (2015). Sociologiya zhizni kak teoreticheskaya koncepciya = Sociology of life as a theoretical concept. Sociologicheskie issledovaniya, 1, 106–116.
3. Pamyati nashego kollegi Shodihona Parvonaevicha Yusufbekova = In memory of our colleague Shodikhon Parvonaevich Yusufbekov (2018). Muarrih. Istorik, 1(13), 123–124.
4. Bauman, Z. (2004). Rasskazannye zhizni i prozhitye istorii = Lives told and stories lived. Sociologicheskie issledovaniya, 1, 1–13.
5. Jusufbekov, Sh. P. (1998). Dejktichnost' v jazykah shugnano-rushanskoj grupy: semantiko-pragmaticheskie aspekty. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
6. Jedel'man, D. I. (2016). The development of writing systems and written literature in Pamir minority languages. Rodnoy yazyk, 2(5), 87–113. (In Russ.)
7. Kozlova, N. N. (2004). Metodologiya analiza chelovecheskih dokumentov = Human Document Analysis Methodology. Sociologicheskie issledovaniya, 1, 14–26. (In Russ.)
8. Yarskaya-Smirnova, E. R. (1997). Narrativnyj analiz v sociologii = Narrative analysis in sociology. Sociologicheskij zhurnal, 3, 38–61. (In Russ.)
9. Toschenko, Zh. T. (2016). Zhiznennyj mir i ego smysly = The world of life and its meanings. Sociological Studies, 1, 6–17. (In Russ.)
10. Trocuk, I. V. (2004). Narrativ kak mezhdisciplinarnyj metodologicheskij konstrukt v sovremennyh socialnyh naukah = Narrative as an interdisciplinary methodological construct in modern social sciences. Vestnik RUDN. Sociology, 6–7, 56–74.
11. Ablazhej, N. N. (2012). Obraz trudovogo migranta v presse i soznanii rossiyan = The image of a labor migrant in the press and the minds of Russians. Vestnik NSU. Series: History and Philology, 11(6): Zhurnalistika, 17–23.
12. Gotlib, A. S. (2013). Analiz narrativov v sociologii: vozmozhnosti i problemy ispolzovaniya = Analysis of Narratives in Sociology: Possibilities and Problems of Use. International Journal of Cultural Research, 1(10), 9–14.

Информация об авторе

Хушкadamова Х. О. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры иранской филологии ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова

Information about the author

Khushkadamova Kh. O. – Dr. Sci. (Sociology), Assoc. Prof.,
Professor of the Department of Iranian linguistics Institute of Asian and African
Studies, Lomonosov Moscow State University (IAAS)

Статья поступила в редакцию 17.03.2021; одобрена после рецензирования
25.10.2021; принята к публикации 29.10.2021.

The article was submitted 17.03.2021; approved after reviewing 25.10.2021;
accepted for publication 29.10.2021.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного	of Moscow State Linguistic
лингвистического университета	University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 3 (844)	Issue 3 (844)

Редактор Е. М. Евдокимова
Верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 12.12.2021
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 17,1.
Заказ № 105/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политология
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна